Ирина Масленицына
Николай Богодзяж

Радзивиллы в эпоху интриг и авантюр

(Исторические миниатюры)

Минск
Издательство "Триоль"
2003

УДК 821.161,1(476)-32
ББК 84(4Беи=Рус)-44 М31

Авторы и издатели благодарят за оказанную финансовую поддержку Дашевича Олега Владимировича, исполнительного директора фирмы "БелСофт"

Гравюры взяты из книги "Ikonec familiae ducalis Radivilianae" (Санкт-Петербург, 1875)

На обложке — портрет князя А. Заславского-Острожского (XVIII в.) кисти неизвестного мастера

Масленицыиа И.

Радзивиллы в эпоху интриг и авантюр: (Ист. миниатюры) / Ирина Масленицына, Николай Богодзяж. — Мн.: Триоль, 2003. — 256 с.: ил.

ISBN 985-6445-02-7

Книга И. Маслениципой и Н. Богодзяжа — вторая из цикла о Несвижских князьях Радзивиллах. Авторы продолжают серию исторических миниатюр, охватывая время войн, бескоролсвья, двукоролевья — эпоху интриг, авантюр, любви, поэзии, подвигов. Книга будет интересна не только историкам, но и широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1(476)-32
ББК 84(4Беи=Рус)-44

ISBN 985-6445-02-7

Исторические личности глазами современников

Радзивиллы — самый большой магнатский род в Беларуси. Его вклад в отечественную историю эпохи Великого княжества Литовского и Речи Посполитой так же значителен, как, например, династии сегунов Токугава в Японии. К сожалению, в энциклопедиях и учебниках царской России и советского периода даже о самых прославленных деятелях Радзивилловского рода сообщается весьма скромно или же их имена не упоминаются вообще, несмотря на то, что в свое время о них знала вся Европа. Довольно внушительные работы опубликованы польскими исследователями. Это многочисленные статьи в "Польском словаре биографическом", книги о выдающихся политических и военных деятелях из дома Радзивиллов. Кстати, среди них было, по самым скромным подсчетам, восемь канцлеров Великого княжества Литовского, четыре подканцлера, тринадцать виленских воевод и семь каштелянов, шесть трокайских воевод и восемь каштелянов, пять маршалков великих литовских., семь великих гетманов и столько же польных. Фундаментальностью отличаются монографии Я. Ясковского о Миколае Радзивилле Чорном, Т. Компы о Миколае Криштофе Радзивилле Сиротке и многие другие работы.

Белорусские же историки в большом долгу перед теми представителями Радзивилловского рода, которые любили наш край, заботились о его расцвете, сражались за его независимость. Несправедливо всех их, как это практиковалось у нас до недавнего времени, характеризовать только как "жестоких угнетателей белорусского народа". Давно наступило время глубоко исследовать деятельность наиболее известных особ и дать объективную оценку их исторических заслуг. Интересные книги могут быть написаны более чем о полусотне князей и их жен, многие из которых не только заботились о собственных интересах, но и занимались благотворительными делами, содействовали развитию экономики, просвещения, культуры. По их инициативе и при их финансовой поддержке возникли на нашей земле многочисленные замки и надежные оборонные строения в городах, католические, православные и протестантские храмы, было издано огромное количество духовной, научной и высокохудожественной светской литературы.

Рад представить читателям новую книгу Ирины Масленицыной и Николая Богодзяжа "Радзивиллы в эпоху интриг и авантюр ". Авторы уже хорошо известны в Беларуси и за ее пределами. В 1997 году они издали первую книгу из серии о несвижских Радзивиллах — "Радзивиллы — несвижские короли", которая понравилась широкому кругу читателей, потому что была написана интересно и объективно. Выбранный жанр исторических миниатюр позволил избежать перенасыщения текста

научными и специальными терминами. Писательский талант способствовал тому, что авторам удалось в коротких очерках воссоздать колоритные образы выбранных ими персонажей, показать их жизнь и деятельность в контексте исторических событий.

Конечно же, успех основывался и на многолетних наработках авторов. Они имели ряд самостоятельных литературных и публицистических работ. Так, Ирина Масленицына проявила себя в драматургии. Союз театральных деятелей Беларуси отметил премиями на республиканских конкурсах ее пьесы "Крест Ефросинии Полоцкой " и "Абеляр и Элоиза ". В 1996 году в библиотечке журнала "Маладосць" вышла книга "Легенды", а в 1998 году в издательстве "Юнацтва " — более расширенный ее вариант "Млын на сямі колах. Беларускія легенды і паданні". В 2000 году в издательстве "Полымя " увидела свет первая книга писательницы из новой историко-публицистической серии, посвященной теме любви и ее места в белорусской истории, — "Кавалеры и дамы белорусского Ренессанса ". Затем вышли книги из этой же серии "По рыцарским законам" и "Летописцы повествуют о любви ".

Историк и писатель Николай Богодзяж является автором книги "Сыны зямлі беларускай", составителем и одним из авторов сборника исторических очерков "Праз смуту стагоддзяў", автором идеи и текстов вышедшего в 1999году художественно оформленного настенного календаря: "XX век. Время — деньги ". Он часто выступает на научных конференциях с докладами о жизни и деятельности славных сынов Беларуси.

Творческое сотрудничество И. Масленицыной и Н. Богодзяжа также оказалось успешным. В 1995 году вышла их совместная книга исторических очерков о выдающихся белорусках "Слава і няслаўе". Подготовлены к печати и находятся в издательствах энциклопедический справочник "Жанчыны ў гісторыі Беларусі", книга очерков "Венок женских судеб: десять веков белорусской истории ", уникальное исследование о самом раннем, периоде нашего прошлого "Беларусь далетапісная".

Надеюсь, что новая книга писателей будет с интересом встречена всеми, кому небезразлично прошлое нашей родной Беларуси. Возможно, вместе с наработками белорусских, польских, литовских историков авторы предлагаемого вашему вниманию издания еще во многих соотечественниках разбудят интерес к изучению истории нашей Родины, не менее богатой, чем история любой другой страны. И возродятся из забвения многочисленные имена славных деятелей, память о которых не стыдно передавать по наследству детям и внукам нашим.

М.Ф. Турин, доктор исторических наук

ОТ АВТОРОВ

Портрет князя Заславского-Острожского на обложке книги о Радзивиллах... Что это? Ошибка авторов? Небрежность издателей? Ни то, ни другое!

Александр Заславский-Острожский имеет прямое и непосредственное отношение к роду Радзивиллов. Его мать, Катажина Собесская, будучи в первом браке княгиней Заславской-Острожской, во втором стала носить фамилию Радзивилл. Юный Александр получил чисто радзивилловское воспитание в семье отчима, героя Отчизны князя Михала Казимира и стал Радзивиллом по духу — это значит, искренним патриотом Великого княжества Литовского и поборником прав литвинов.

Но не только и не столько из-за этого портрет Александра Заславского-Острожского удостоился права быть помещенным на обложку этой книги. Его образ привлек внимание авторов потому, что он вполне мог бы восприниматься как своеобразный живой символ эпохи, о которой повествуется в этой книге, — эпохи интриг и авантюр. Юноша, воспитанный Радзивиллами, носящий фамилию и герб Заславских-Острожских, не подозревающий даже о том, что настоящим его отцом является князь Вишневецкий... По матери — поляк, по отцу — украинец, ощущающий, благодаря воспитанию отчима, себя белорусом... В быту — француз, по образу мыслей — "сармат"... Человек, на которого возлагалось чрезвычайно много надежд, из-за своей ранней смерти не оправдавший ни одну из них...

Впрочем, интриги и авантюры в этой книге будут относиться не только к личной жизни героев. Гораздо больше места отведено в ней политическим интригам и кровавым военным авантюрам. Ибо именно они в первую очередь определяли характер той эпохи, о которой мы повествуем.

В истории Беларуси эпоха интриг и авантюр — это период между двумя самыми, пожалуй, драматичными событиями позднего средневековья: нашествием шведов, именуемым в польской историографии "Потопом", и кровавой Северной войной.

Как будто бы из ящика Пандоры, открытого рукой самого, наверное, несчастливого из монархов Речи Посполитой, Яна Казимира, на державу сыпались одно за другим бедствия: война со шведами, война с русскими, война с турками, внутренние смуты, казачьи бунты, солдатские конфедерации, шляхетский рокош[1]*, домовые войны*

[1] Рокош — вооруженное выступление шляхетско-магнатских кругов, вызванное нарушением их прав королем.

магнатов, отречение короля от престола, длительный период бескоролевья, последовавшее за этим двукоролевье, когда одновременно единым государством поляков и литвинов правили два государя, каждый из которых считал другого узурпатором.

На фоне этой широкомасштабной многолетней трагедии народов то и дело возникали суетящиеся фигуры авантюристов и интриганов, чаще всего высокого происхождения, желающих воспользоваться очередным периодом шока и всеобщего замешательства, чтобы поспособствовать собственному возвышению, обогащению своего рода, достижению своих политических устремлений, приобретению союзников и уничтожению личных врагов.

Никогда ни до, ни после этого Речь Посполитая не переживала такой разобщенности правящего класса, представители которого создавали множество враждебных друг другу группировок; такого пренебрежения к мнению и неуважения к личности ближнего своего; такого стремления продать свой голос, свое имя и даже свою честь тому, кто больше заплатит.

Как же вели себя в таких условиях некоронованные короли Великого княжества Литовского, Радзивиллы?

Об этом читатель узнает из нашей книги, повествующей о героизме и трусости, неприкрытом корыстолюбии и истинном патриотизме, низменных поступках и самых возвышенных человеческих чувствах.

МЕЖ ДВУХ БЕРЕГОВ

В эту дождливую ночь 1655 года Вельский замок князей Радзи-виллов угрюм и тих, как будто пребывает в мучительном раздумье. Такие же чувства владеют и его хозяином. Двадцатилетний Михал Казимир, отослав слуг, сидит в своем кабинете, молча склонившись над столом. Перед ним два письма. Одно пахнет порохом и кровью. От другого исходит еле уловимый запах французских духов. В который раз пробегает князь то по вычурной вязи слов, сплетенной женщиной, то но размашисто кинутым сильной мужской рукой на бумагу строчкам. Оба письма получены Радзивиллом в один и тот же день, в обоих — страстный призыв помочь в спасении Отечества. Но пришли эти послания из враждующих лагерей.

Князь Михал Казимир Радзивилл мучительно ищет ответ — кому из авторов отдать предпочтение: решительному военачальнику, кузену[1] Янушу Радзивиллу или блистательной королеве Речи Посполитой Марии Гонзаго? Королева собирает силы для борьбы со шведами, за несколько месяцев овладевшими почти всей территорией Польши. Януш же, наоборот, призывает к союзу со Швецией, так как именно в нем видит возможность для своей Отчизны противостоять царю Алексею Михайловичу. Русские Янушу представляются более опасными, чем шведы, ведь это именно на его долю выпало на протяжении двух лет вести неравную борьбу с войсками Алексея Михайловича на территории Великого княжества Литовского, входящего в Речь Посполитую.

Михалу Казимиру не впервой получать письма и из одного лагеря, и из другого. Желая привлечь его, одного из самых богатых и могущественных магнатов государства, на свою сторону, князю писали даже короли: шведский Карл Густав и свой — Ян Казимир. Но Радзивилл прекрасно знал, что в политике, как в шахматной игре, короли зачастую являются далеко не самыми сильными фигурами. И вот, наконец, оба лагеря двинули в его сторону своих главных бойцов. Черный ферзь Януш Радзивилл и белая королева Мария Гонзаго... Они протягивают к нему руки, призывая каждый со своего берега. Только между берегами этими не шахматное поле в клеточку, а бурный кровавый поток, который сметает на своем пути все и всех.

Закрыв глаза, Михал Казимир вдруг представил, как этот поток захлестывает его и несет куда-то, оглушенного, отчаявшегося,

---

[1] Кузен — двоюродный или троюродный брат. Кузены Михала Казимира находятся с ним в троюродном родстве.

обессилевшего, а ему обязательно следует добраться до берега. Вот только какой из них выбрать?

Впрочем, судьба уже не раз ставит Михала Казимира перед выбором. Она не балует его, воздвигает перед ним трудности с самого детства. В 1637 году, когда ему было всего полтора года, во время очередных родов умерла его мать, Текля Волович. Отец, маршалок надворный литовский[1] и несвижский ординат[2] Александр Людвик, очень тяжело переживая эту смерть, утратил интерес к жизни и слег. Родственники приставили к нему лучших лекарей. В замке постоянно находился кто-либо из Радзивиллов. Общими усилиями безутешного вдовца все же удалось вернуть к жизни. Но его детей к этому времени в Несвиже уже не было. Михала Казимира и двух его старших сестер, Анну и Иоанну, забрала к себе в Кобрин бабка, Альжбета Волович.

Сразу же после выздоровления Александр Людвик решил вернуть детей. Он прекрасно понимал, что присмотреть за ними один не сможет. Поэтому нашел женщину, которая, как он надеялся, могла бы помочь ему, — вдову князя Януша Вишневецкого Эугению Катажину Тышкевич, солидную сорокалетнюю даму с тремя детьми. Однако выбор оказался неудачным. Из-за происков родственников Вишневецкого Александр Людвик вынужден был развестись. Впрочем, вскоре он вновь женился. На этот раз по любви. Новой избранницей стала придворная дама польской королевы, молодая итальянка Лукреция Мария Строцци. В начале 1644 года она родила ему дочь, которую назвали Цецилией. Обрадованный отец решил, что Лукреция Мария, став матерью, теперь сможет присмотреть и за остальными его детьми, и забрал их от тещи. Но ошибся. Лукреция Мария не смогла найти общий язык с девятилетним Михалом Казимиром. Мальчик невзлюбил ее с первых дней. Трудно сказать, из-за чего возникло это чувство. Может быть, княгиня основное внимание уделяла своей новорожденной дочурке, забывая о детях мужа? Или из-за житейской неопытности не смогла подобрать ключик к сердцу мальчика? А возможно, Михал Казимир просто ревновал мачеху к своему отцу?

---

[1] Маршалок надворный — высший сановник двора, присутствовавший в сенате, заместитель маршалка великого, который одновременно был управляющим двором, министром внутренних дел и главным распорядителем в сенате и на сеймах. В Речи Посполитой, федеративном государстве, состоящем из Польши (Корона) и Великого княжества Литовского, все высшие придворные и военные должности существовали как бы в двух видах. Так, по одному маршалку надворному было в Польше и в княжестве. Для отличия к их должностям добавлялось либо "литовский", либо "коронный".

[2] Ординат — владелец ординации. Ординация, иначе майорат, — нераздельный комплекс земельных владений, переходящих по наследству к старшему сыну. Ординации утверждались магнатами с санкции короля с целью не допустить уменьшения экономического и политического могущества семьи. Владельцами ординаций в Речи Посполитой были Радзивиллы, Замойские и Острожские. В 1586 году Миколай Криштоф Радзивилл Сиротка по договоренности с братьями разделил владения отца на три ординации: Несвижскую, Клецкую и Олыкскую. Сам стал первым ординатом несвижским.

Впрочем, урегулирование внутрисемейных отношений вскоре отошло на второй план. Все заслонила собой гроза, разразившаяся в 1649 году в юго-восточных землях Речи Посполитой. Доведенные до отчаяния национальными и религиозными преследованиями на Украине, подняли восстание запорожские казаки. Возглавил их опытный военачальник Зиновий Богдан Хмельницкий. На подавление этого выступления король Речи Посполитой Владислав IV послал войска. Однако казаки вместе с примкнувшими к ним татарами наголову разбили их. Было уничтожено около 9 тысяч человек и большое количество взято в плен. В числе пленных оказались гетман[1] великий коронный Потоцкий и гетман польиый коронный Каминский. После этого пламя восстания охватило всю Украину, его искры перекинулись на Беларусь и Польшу. К казакам присоединились крестьяне и жители городов. Запылали костелы, католические монастыри, усадьбы. Восстание переросло в войну. И как раз в это время Владислав IV отошел в небытие. Поляки сразу забыли обо всем и занялись предвыборной борьбой. Основных кандидатов было двое — братья усопшего короля Карл Фердинанд и Ян Казимир. По всей стране проходили сеймы и сеймики, плелись интриги, покупались голоса...

В такой атмосфере Михал Казимир впервые принял участие в общественной жизни государства. Вместе с отцом в октябре 1648 года он выехал из Несвижа на элекционный (выборный) сейм. Одинпадцатилетнего мальчика переполнял восторг. Он увидит Варшаву! Будет выбирать короля! Каким взрослым и солидным выглядит он рядом с отцом в окружении прекрасно вооруженного и экипированного отряда воинов! Варшава же, представшая в конце пути, напоминала в этот момент военный лагерь из-за скопления обвешанных оружием панов-избирателей и их многочисленных слуг, либо пчелиный улей в момент роения. Юный Радзивилл давно знал, за кого отдаст свой голос. Конечно же, за королевича Яна Казимира! Ведь это он был другом юности отца мальчика. И он крестил маленького Михала Казимира, поэтому второе имя у них одинаковое. Отец считал, что только Ян Казимир сможет, наконец, усмирить восставшую Украину.

А отец редко бывал не прав. Какова же была радость мальчика, когда он узнал, что такой же, как и он с отцом, выбор сделало большинство участников сейма!

---

[1] Гетман — командующий войсками. В Речи Посполитой было четыре гетмана. Два главнокомандующих гетмана "большой булавы": великий литовский в княжестве и гетман великий коронный в Польше. И два гетмана "польной булавы", или польных (от слова "поле" — пограничье). Первоначально обязанностью польных гетманов была охрана границ, со временем они превратились в начальников штабов у великих гетманов и стали их заместителями.

Вскоре Михал Казимир принял участие в коронационной церемонии, которая проводилась в начале 1649 года в Кракове. Присутствовал юный князь и при объявлении новоиспеченным королем решения вступить в брак со вдовой своего усопшего брата Марией Гонзаго, в которую он был влюблен еще с тех времен, когда она была принцессой и жила во Франции.

Пышные торжества закончились. Усталые, но счастливые, отец и сын Радзивиллы со свитой двинулись в обратный путь.

Следующие несколько лет Михал Казимир жил то в Несвиже, то в Белой. В сентябре 1652 года юный князь получил свою первую государственную должность стольника[1] литовского. Однако приступить к исполнению обязанностей не успел. У его отца резко ухудшилось здоровье. На семейном совете решено было, что больному необходимо подлечиться в Италии. Юноша изъявил желание сопровождать отца в этой поездке. В ноябре Александр Людвик, Михал Казимир и Лукреция Мария отправились в странствие. По пути они посетили Силезию, Чехию, побывали в Австрии, Италии и Венеции. Для старшего Радзивилла эта поездка была возвращением в места, где он бывал в молодости. А младший открывал для себя мир. Наконец семья остановилась в Болонье и поселилась в собственном дворце, купленном когда-то еще дедом Михала Казимира Миколаем Крнштофом Сироткой. Больного препоручили местным докторам, а молодой Радзивилл с увлечением стал обследовать окрестности города и посещать занятия в местном университете.

Как легко было на душе у юноши! Высокое ярко-голубое небо, жаркое солнце, говорливые громкоголосые горожане! Но больше всего радовало Михала Казимира то, что его отец выздоравливал. Тот почувствовал себя настолько хорошо, что начал подумывать о возвращении на родину. Отравляло жизнь только одно — постоянные конфликты с мачехой. Особенно обострились их отношения после того, как Лукреция Мария родила в Италии еще одного ребенка — мальчика, которому дали имя Доминик Миколай. В конце концов Михал Казимир, кстати, незадолго до этого получивший новую должность крайчего[2] литовского, вынужден был уехать из города. Он и не подозревал, что улучшение состояния здоровья отца — явление временное, напоминающее собой костер, на который выплеснули ведро воды: резкая вспышка и — тьма... В начале августа i654 года

---

[1] Стольник — придворный, который наблюдал во время торжественных пиршеств при дворе за порядком при сервировке пиршественного стола.

[2] Крайчий — придворный, в обязанности которого входило наблюдение за обслуживанием пиршественного стола, а также разрезание и разделывание кушаний.

Александр Людвик скончался. Как только весть об этом дошла до Михала Казимира, он поспешил в Болонью. А там узнал, что вдова решила похоронить мужа на местном кладбище и остаться в Болонье, во дворце, принадлежавшем покойному, до конца своих дней, чтобы ухаживать за дорогой ее сердцу могилой. Юноша возмутился. Он потребовал, чтобы тело отца было перевезено в Несвиж и погребено в родовой усыпальнице. Лукреция Мария не уступала. Спор перешел в семейный скандал, во время которого темпераментная итальянка проклинала пасынка, а тот, в свою очередь, высказывал мачехе все, что думает о ней и о том, как ловко удалось ей вскружить голову его пожилому отцу. Понятно, что договориться полюбовно после этого они уже не могли. Пришлось обращаться в суд. Решение было принято на удивление быстро. Архиепископ Болоньи кардинал Ламелин решил спор в пользу сына.

Во второй половине апреля траурный кортеж отправился на родину. 28 числа он был уже в Венеции. Здесь Михалу Казимиру вручили письмо, адресованное еще его отцу. В нем представитель биржанской линии Радзивиллов, кузен молодого князя Богуслав просил добиться у императора Священной Римской империи[1] для всех представителей их рода возможности участия с правом голоса в сеймах империи. Ведь Радзивиллы являются и ее князьями.

Михал Казимир долго думал, как поступить — сопровождать тело покойного отца дальше или выполнить просьбу родственника? Потом прикинул, как бы поступил на его месте отец, и решил, что ради чести всего рода и памяти усопшего ему необходимо ехать к императору, который как раз в это время был на очередном сейме. Сопровождать траурный кортеж молодой князь поручил одному из своих слуг и отправился вместе с посланцем Богуслава Габриелем Любенецким в Ратизбон. Однако по дороге он узнал, что имперский сейм свою работу завершил. Его делегаты разъехались, а Фердинанд III отправился к себе в Вену. Пришлось изменить маршрут и направиться в столицу Австрийской империи. Император принял Радзивилла с большой теплотой. Выслушав его просьбу, он пообещал, что на ближайшем сейме вопрос, поднятый им, будет решен.

В августе Михал Казимир прибыл на родину. Он сразу же вступил во владение несвижской ординацией, а также имениями Шидловец,

---

[1] Священная Римская империя — средневековое государственное объединение, основанное в 962 году германским королем Оттоном I. В разные периоды своего существования включало в себя территории современных Германии, Австрии, Франции, Швейцарии, Чехии, частично Италии и Польши. К XVII столетию Священная Римская империя была фактически политическим объединением германских государств. Радзивиллы добивались права на решение политических вопросов этого объединения ради престижа рода.

Белая и Крошино. Затем оспорил завещание отца, заявив, что умирающий Александр Людвик писал его под диктовку Лукреции Марии. В подтверждение своих слов сослался на то, что в ином случае его отец не разделил бы всю недвижимость поровну между обоими сыновьями. Ведь наследство ордината несвижского всегда было большим, чем наследство остальных детей.

Но решение имущественного вопроса в данный момент было для нового несвижского ордината не главным. Его взоры обращались на восток, откуда накатывался вал новой войны.

Зиновий Богдан Хмельницкий, поняв наконец, что восставшим в одиночку победить невозможно, обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой присоединить Украину к русской державе. Московский земский собор принял это предложение. 18 января 1664 года его решение было ратифицировано в Переяславле. Весть о добровольном присоединении украинских земель к России была полной неожиданностью для правящих кругов Речи Посполитой. Но в Великом княжестве Литовском сразу поняли, что теперь следует ожидать войны. И действительно, Алексей Михайлович начал сосредотачивать в приграничных районах войска. Уже весной они были собраны. Наступление царь планировал начать сразу по трем направлениям. С этой целью он разместил на севере 15-тысячную группировку воеводы Шереметева (дислоцировавшуюся в Великих Луках). На юго-западных рубежах стояла такая же по количеству группировка князя Трубецкого. Для его поддержки Богдан Хмельницкий направил 20-тысячное казачье войско во главе с Иваном Золотаренко. Сам же Алексей Михайлович находился в центре, планируя наступление на Смоленск и далее. Всего русские войска насчитывали 315 тысяч человек. Невероятные по тем временам силы!

А в войске Великого княжества Литовского было всего 11 261 человек. Януш Радзивилл так высказался о приближающемся нашествии: "...ни единого несть подобного". Положение осложнялось еще и тем, что король Ян Казимир из-за личных амбиций не хотел никого назначать на должность гетмана великого литовского. Княжество оказалось без главнокомандующего.

Царь же объявил, что войну начинает с целью защитить православных Речи Посполитой, рассчитывая на поддержку этих слоев населения. По всей стране разлетелись его грамоты-обращения к единоверцам. И они свое дело сделали. После того, как русские перешли в наступление, многие города добровольно открыли царю свои ворота. Начались крестьянские бунты. Крестьян поддержали украинские казаки. Лишь после всего этого король наконец назначил

гетмана великого литовского. Им стал Януш Радзивилл, сразу же развернувший бурную деятельность: начал собирать силы, пытался оказать сопротивление.

В этой обстановке Михал Казимир спешно начал укреплять несвижский замок, пополнять запасы вооружения, продовольствия, фуража. Вербовал на Подляшье воинов для усиления несвижского гарнизона. В начале августа он получил от Януша Радзивилла указ о наборе отряда гусар[1] и казаков[2]. Гусарская хоругвь[3] была немедленно сформирована, но послать ее на помощь гетману великому литовскому Михал Казимир не успел. В битве под Шкловом гетман потерпел поражение от князя Трубецкого. Воины Януша Радзивилла проявляли мужество и героизм, однако были буквально задавлены количественным преимуществом врага.

Неутомимый гетман собирал новые силы, организовывал яростное сопротивление, терпел поражения и одерживал победы. Но переломить ход боевых действий в свою пользу не мог — слишком неравными были силы. Русские войска широким потоком растекались по землям Великого княжества Литовского. В августе 1655 года пала столица княжества — Вильно.

А в окрестностях Несвижа появились казацко-крестьянские отряды. Своими грабежами и убийствами они наводили ужас на мирное население. Возникла угроза нападения на город. В этот момент к Михалу Казимиру обратилась его тетка, аббатиса местного бенедиктинского монастыря Эуфимия. Она попросила приютить ее и вместе со всеми монахинями укрыть за стенами замка. Конечно же, молодой князь взял под свою защиту и аббатису, и ее перепуганных святых сестер.

Однако вскоре жители Несвижа узнали о том, что им угрожает значительно большая опасность, чем восставшие крестьяне. К городу приближалась русская армия под командованием воеводы Ивана Хованского. Эуфимия, посоветовавшись с племянником, списалась со своим родным братом, канцлером[4] великим литовским Альбрехтом Станиславом. С его помощью она решилась на крайне рискованное путешествие. Проследовав через всю охваченную войной и восстаниями страну вместе со своими монахинями, добралась до Поморья.

---

[1] Гусары — в Речи Посполитой тяжелая панцирная кавалерия.
[2] Казаки — в данном случае имеется в виду род войск, легкая кавалерия.
[3] Хоругвь — войсковая единица, имеющая хоругвь (знамя).
[4] Канцлер — высшее гражданское должностное лицо. В Польше (Короне) был канцлер коронный, в Великом княжестве Литовском — канцлер великий литовский.

А Михал Казимир остался защищать родовое гнездо. О последовавших событиях рассказал известный белорусский поэт и краевед XIX столетия Владислав Сырокомля: "Несвижская твердыня замкнулась, и враг ее не смог взять, но город впервые стал жертвой опустошения. Безоружные горожане спасались бегством, а те, кто мог взять в руки оружие, спешили к замку, который, не способный вместить всех, только знатной шляхте открывал свои ворота. Перепуганные сельские жители бежали в город, чтобы спрятаться в иезуитском костеле, где оставленные три священника с большим трудом оказывали свою последнюю услугу такому множеству людей, пока сами не были убиты разъяренной солдатней".

Великое княжество Литовское изнемогало в неравной борьбе. Как ни странно может показаться на первый взгляд, но даже в такой сложной ситуации польские магнаты не спешили прийти на помощь своим соотечественникам-литвинам. Их не устраивало равноправное положение Великого княжества Литовского в составе федеративного государства, каковым являлась Речь Посполитая. Поляки издавна мечтали добиться вхождения княжества в состав Польши. И использовали любые политические и экономические трудности литвинов, чтобы постепенно и методично лишать их прав и привилегий. Более всего для этого подходили времена, когда Великое княжество Литовское вело обескровливающие его войны с Русью. За свою помощь в борьбе поляки навязывали все более и более тяжелые, невыгодные для княжества условия союза. В XVI веке во время жестоких войн Великого княжества Литовского с царем Иваном Грозным польские магнаты добились от литвинов согласия на образование Речи Посполитой на основе двух независимых государств. Сейчас же Польша предвкушала возможность полностью лишить княжество его самостоятельности. Но поляки сильно просчитались, потому что за развитием политических событий в Речи Посполитой уже давно и очень внимательно наблюдали шведский король Карл Густав и его приближенные. Шведы выжидали удобного момента, чтобы вмешаться и "отхватить кусок от горячего пирога". Наконец им показалось, что этот момент наступил. В начале августа шведские войска высадились в Прусском Поморье и Ливонии, в это время входившим в состав Великого княжества Литовского. Буквально за несколько месяцев была захвачена почти вся территория Польши. Правящая верхушка капитулировала. Большинство магнатов, а за ними и шляхта присягнули на верность Карлу Густаву. Ян Казимир бросил своих неблагодарных подданных и бежал в Силезию. Он подумывал даже отречься от престола.

Этот период истории своей страны польские исследователи красноречиво назвали "Потопом", сравнив шведское нашествие со стремительно несущейся, все сметающей на своем пути водной стихией. Ярче всего эти события описаны в романе-эпопее "Потоп" видным польским писателем прошлого века, лауреатом Нобелевской премии Генриком Сенкевичем. Не решаясь состязаться с классиком в мастерстве слова, мы позволим себе время от времени украшать свой рассказ цитатами из его прославленного произведения.

Итак, Польша почти полностью была затоплена шведскими войсками, на всей территории Великого княжества Литовского бушевал огонь войны, зажженной Алексеем Михайловичем. В этих условиях гетман великий литовский Януш Радзивилл вынужден был пойти на то, чтобы заменить союз Великого княжества Литовского с Польшей союзом со Швецией. Объясняя свой поступок, он писал: "Король спасти нас не может. На воеводства и посполитое рушение[1] надежд никаких... Всюду все опустошено и уничтожено. С той горсткой войска, которое лишь до 9 августа на службе останется, а после угрожает разойтись (из-за многомесячной невыплаты жалованья — Авт.), противостоять Москве не можем... Не о славе, не о Речи Посполитой, не о вольности и имуществе, а о жизни дело идет. Из двух зол вынуждены выбирать меньшее..."

Этим меньшим злом, способным спасти Великое княжество Литовское, Януш и его сторонники представляли себе именно союз со Швецией. 16 августа 1655 года в Кейданах был подписан договор. Он предусматривал объединение равноправных государств, а это значило, что Великое княжество Литовское не будет подчинено Швеции: "...Народ будет равен народу, сенат сенату и рыцари рыцарям". Среди других пунктов были такие, как свобода голоса и религии (защищались права православного и католического населения княжества, так как Швеция была протестантской страной). Обрадованные шведы обещали Янушу оказать помощь в борьбе с русскими войсками: помочь оружием, боеприпасами, выплатить жалованье его солдатам, предоставить свои воинские подразделения.

А тем временем в Силезии, где укрылся от несчастий и бедствий уже вконец отчаявшийся король Ян Казимир, дело сопротивления шведской агрессии взяла в свои руки королева. Под воздействием сложившейся ситуации Мария Гонзаго показала себя с необычайной стороны. В юности на родине эта француженка прославилась своими амурными похождениями и рискованными интригами, память о

[1] Посполитое рушение — всеобщая мобилизация шляхты.

которых, будто шлейф, сопровождала ее повсюду. Попав в Польшу и став супругой Владислава IV, она вынуждена была превратиться в королеву-тень, "серую королеву", которой муж ни в чем не давал права голоса и полностью отстранял от политики. Овдовев и вторично выйдя замуж за нового короля Речи Посполитой, Мария Гонзаго опять почувствовала себя личностью. Однако полностью ее способности раскрылись в годину испытаний. Увидев, что король потерял всякую власть над подданными и утратил уверенность в себе и в своей стране, она взяла бразды правления в свои руки. Ухватилась за колесо польской фортуны, стремительно несущей эту страну к гибели, и попыталась повернуть его вспять. В первую очередь запретила Яну Казимиру даже думать об отречении. Затем превратила Силезию, которую муж буквально за несколько дней до начала "Потопа" передал ей в самостоятельное управление, в центр сопротивления шведской агрессии. Сама организовала там монетный двор, на котором в золотую и серебряную монету превращала драгоценную посуду, утварь, пожертвованную костелами и монастырями, даже собственные украшения. Мария Гонзаго связалась с первыми партизанскими отрядами, возникшими на оккупированной территории. И помогала им оружием и деньгами. Из Силезии разлетались в разные стороны, будто почтовые голуби, написанные рукой королевы письма. Она обращалась с призывами о помощи к французскому королю, папе римскому, русскому царю, турецкому султану, татарскому хану, даже Богдану Хмельницкому. Призывала помочь в спасении родины крупнейших польских и литвинских магнатов. Написала она и Михалу Казимиру. Послание ее пришло в тот же день, что и послание Януша Радзивилла, который предлагал своему кузену примкнуть к нему, стать союзником шведов.

Тем временем шведы совершили деяние, аналогичное тому, о котором хитроумный придворный интриган Талейран два века спустя сказал Наполеону: "Вы совершили больше, чем преступление, вы совершили глупость". Глупостью со стороны шведов была попытка захватить с целью изъятия ценностей монастырь на Золотой Горе. В этом монастыре находилась икона Матки Боской Ченстоховской — главная католическая святыня Речи Посполитой. Весть о попытке святотатства захватчиков, а также о героизме, проявленном защитниками этой обители, словно пробудила граждан. Буквально все слои населения страны ополчились против шведов. Маршалок великий[1]

---

[1] Маршалок великий соединял должности управляющего двором, министра внутренних дел и главного распорядителя в сенате и на сеймах. В его подчинении находились придворная стража и королевская гвардия, он отвечал за

коронный Ежи Любомирский и несколько крупнейших магнатов призвали короля вернуться в Польшу.

Тот из Силезии разослал во все концы Речи Посполитой универсалы к шляхте и "людям всех кондиций и состояний". В них призывал к восстанию против интервентов, обещая прощение тем, кто изменил ему. В ответ на этот призыв Яна Казимира гетман великий коронный Стефан Потоцкий и гетман польной булавы Стефан Ланцкоронский, перешедшие ранее к шведам, образовали в Тышовцах конфедерацию[1] и постановили биться "за веру и костел католический, за наивеличайшего Яна Казимира, короля и господина нашего наимилостивейшего, за вольность прав Речи Посполитой".

А Михал Казимир проживал в Белой, куда перебрался вскоре после того, как отстоял несвижский замок от русских войск. Он мучительно искал выход из сложившейся ситуации и никак не мог принять окончательного решение. В начале 1656 года князь получил известие, что Несвижем овладели шведы и что наместник, которого он оставил вместо себя в замке, по приказу Богуслава Радзивилла, вместе с Янушем подписавшего кейданский договор, открыл ворота для Карла Густава. Затем пришла весть, огорчившая его еще более. Его кузен, могущественный гетман Януш, обманутый шведами, не выполнившими ни одного своего обещания, брошенный всеми, кроме тысячи иноземных наемников да кучки верных шляхтичей, умер в осажденном противниками унии со Швецией Тикотинском замке. Поговаривали, что причиной смерти был яд. Об этом свидетельствовали пятна, выступившие на теле покойного.

И Михал Казимир наконец понял, на каком берегу ему надлежит быть. Вскоре несвижский ординат появился среди тышовицких конфедератов и вступил в их ряды. Через некоторое время князь решил вернуться в Белую, чтобы по-настоящему подготовиться к борьбе. А в Белой уже несколько недель стояло войско, возглавляемое новым гетманом великим литовским Павлом Сапегой. Гетман собирал силы перед походом на шведов. Михал Казимир тут же присоединился к гетманскому войску, что несказанно обрадовало Сапегу. И совсем не из-за того, что князь привел с собой большой, прекрасно вооруженный отряд, а из соображений политических. Ведь Радзивиллы имели в Великом княжестве Литовском огромный вес и авторитет. И хотя главный союзник шведов Януш умер, еще один из представителей

безопасность монарха. В функции маршалка великого входило также расследование происшествий и преступлений при дворе в местах нахождения короля.

[1] Конфедерация — временный сословный политический союз для достижения определенной цели; союз вооруженной шляхты.

этого рода, Богуслав, продолжал поддерживать их. А этого Радзивилла недооценивать не стоило. Всегда щегольски одетый, в прекрасно завитом парике, напомаженный и надушенный, он производил впечатление изнеженного придворного кавалера. Однако внешность эта была обманчива. Богуслав обладал огромной физической силой, был опытным фехтовальщиком, причем с одинаковым мастерством владел и саблей, и шпагой. За внешностью придворного щеголя скрывался настоящий боец. Он был подобен смертоносному булатному кинжалу в бархатных ножнах. В юности Богуслав успел послужить в армиях Голландии и Франции, повоевать с испанцами, за дуэль попасть в Бастилию, обратить на себя внимание кардинала Мазарини, который безуспешно пытался привлечь его на свою тайную службу, вскружить голову чешской королеве Елизавете Стюарт и французской маркизе Шарлотте де ля Форс, женить на которой его пыталась сама французская королева Анна Австрийская.

И вот теперь другой, не менее авторитетный представитель рода Радзивиллов оказался в лагере сторонников короля. Так что Михал Казимир был с радостью встречен воинством Великого княжества Литовского. Он получил звание полковника его королевской милости. Вскоре вместе со своими товарищами по оружию князь выступил против захватчиков. Первая его встреча со шведами произошла в марте у города Сандомира.

Именно сюда привел свое потрепанное отступающее войско шведский король. Карл Густав узнал, что Ян Казимир находится уже не в Силезии, а в Речи Посполитой и собирает во Львове силы для борьбы за свой трон. Будучи королем-воином, шведский монарх решил встретиться с противником лицом к лицу. Во главе отборного 10-тысячного отряда он выступил на Львов. Однако страна уже была охвачена восстанием. Прорваться ко Львову Карл Густав так и не смог и вынужден был отступить.

Обратный путь для шведского монарха и его воинов превратился в кошмар. Их преследовали войска Яна Казимира. На них постоянно нападали шляхетские и крестьянские отряды. Особенно шведы боялись крестьян, поскольку те обращались с захваченными в плен врагами с беспощадной жестокостью. Дело в том, что большая часть земель в междуречье Сана и Вислы, по которым проходил путь шведов, принадлежала маршалку великому литовскому Ежи Любомирскому и его родне. Маршалок объявил, что все крестьяне, которые выступят против врагов Отечества с оружием в руках, получат свободу. И, как пишет Г. Сенкевич, "...все тамошние крестьяне поднялись на шведов как один человек, ...все косы превратились в пики, и

мужики стали тащить в лагерь вражеские головы, пока пан маршалок не запретил этот не христианский обычай. Тогда они стали приносить рукавицы и рейтарские шпоры".

Правда, ни шляхетские, ни крестьянские отряды не были настолько многочисленными, чтобы навязать интервентам настоящую битву. Однако докучали они немилосердно, "...стремясь создать впечатление, будто татары (часть крымских татар выступила на стороне Яна Казимира — Авт.) уже прибыли на подмогу..., испускали татарский боевой клич, и вокруг днем и ночью раздавалось неумолчное "алла, алла!" Не было шведам ни минуты отдыха, ни на минуту не мог солдат выпустить оружие из рук. Случалось, человек пятнадцать-двадцать партизан поднимали на ноги всю вражескую армию. Кони падали десятками, и их тут же съедали, гак как доставлять провиант было невозможно... Изможденные, полуживые от голода и бессонницы солдаты еле волочили ноги. Все больше их оставалось на дороге... Когда к ним подъезжали польские конники, многие уже не хотели ни есть, ни пить и лишь просили смерти. Иные просто ложились на кочки и умирали, другие, уже ничего не сознавая, смотрели на приближающихся поляков с полным безразличием".

Вот такое войско и привел Карл Густав под Сандомир. Стал лагерем в месте, где разлившиеся от весеннего таяния снегов реки Висла и Сан объединяются в один могучий поток. Позиции шведов казались неприступными. С двух сторон их прикрывали речные воды. На третьей они насыпали высокий вал и установили на нем пушки. Шведский король рассчитывал, что его солдаты смогут здесь отдохнуть, отъесться, восстановить свои силы и поднять боевой дух. Начал налаживать переправу. Из Сандомира, где стоял шведский гарнизон, на нескольких имеющихся лодках доставили продовольствие. Но все его планы были сорваны восставшими поляками. Стефан Чернецкий, единственный из польских военачальников, который ни на один день не прекращал борьбы с захватчиками, внезапно напал на город и взял его. Сандомирский гарнизон был полностью уничтожен. Правда, шведы в последнюю минуту успели взорвать замок, но это был скорее акт отчаяния, так как катастрофическому положению, в котором оказался Карл Густав со своим воинством, это ничем не помогло. Сандомир со всеми своими запасами продовольствия был утерян. На противоположном от шведского лагеря берегу Вислы расположился Чернецкий. А к Сану подошел Сапега с 8-тысячным войском, в составе которого был и отряд Михала Казимира Радзивилла.

Карл Густав оказался в ловушке. Внешне позиция его выглядела неприступной. Однако с падением Сандомира положение шведов

осложнилось начавшимся голодом. Все понимали, что спасти осажденных может лишь чудо. Г. Сенкевич очень точно и эмоционально передает ситуацию, когда по утрам шведские "...офицеры и солдаты выходили на берег Вислы и с отчаянием в душе и в глазах смотрели на грозную конницу Чернецкого, темневшую на другом берегу. Тогда они шли на берег Сана, а там днем и ночью караулили Сапегины солдаты, готовые встретить их саблей и мушкетом".

Вскоре стало известно, что на помощь Карлу Густаву идет курфюрст бранденбургский Фридрих Вильгельм с войском численностью в четыре с половиной тысячи человек.

На военном совете, на котором присутствовал и Радзивилл, решено было, что Чернецкий с Любомирским выступят против маркграфа, а Сапега продолжит осаду шведского короля. Для Карла Густава сложился удобный момент, и он им незамедлительно воспользовался. Применив отвлекающий маневр, король стремительно переправился через Сан и ушел в сторону Варшавы. По словам гетмана великого литовского, "выскользнул". За уходящими шведами сразу же была организована погоня. Михал Казимир, считавший, что он не менее Сапеги виноват в том, что шведы ушли, одним из первых отправился по их следам. Однако хитроумный Карл Густав вновь сумел обмануть своих противников. С большей частью войска он свернул в сторону Люблина, а один из своих отрядов направил по прежнему маршруту. Преследователи узнали о хитрости лишь тогда, когда догнали и разгромили отряд прикрытия. За это время король успел уйти достаточно далеко.

Чернецкому повезло значительно больше. Он встретил войско Фридриха Вильгельма и разбил его наголову. Затем повернул своих воинов на Пруссию. Любомирский выступил к Торуни.

А рать Павла Сапеги отправилась к Варшаве. В ее ряды вливались все новые и новые отряды. В пути литвинов догнало письмо короля. Ян Казимир сообщал, что, наконец, поверил в победу, "...раз уже есть с Божьей ласки хорошее и счастливое начало". Это еще более окрылило войска. Вновь предоставим слово Г. Сенкевичу: "...войска шли налегке, обоз и пушки должны были выйти следом на другой день. В полках царило необычайное воодушевление: густые леса, обступившие тракт с обеих сторон, полнились эхом солдатских песен, лошади фыркали, а это был добрый знак. Стройными рядами текли одна за другой хоругви, подобные могучей, сверкающей на солнце реке, шутка ли, двенадцать тысяч человек, не считая ополченцев, вел с собой Сапега. Ротмистры, гарцевавшие перед полками, сверкали

начищенными доспехами. Пестрые знамена, похожие на огромные цветы, колыхались над головами бойцов".

И вот Варшава. Грозная, ощетинившаяся орудийными стволами со своих стен. Занятая врагом. Михал Казимир невольно сравнил ее с той праздничной, заполненной шумными толпами столицей, какой он увидел ее впервые в далеком детстве, и в душе князя еще более укрепилось желание во что бы то ни стало освободить Варшаву, уничтожить чужеземцев, захвативших ее, добиться того, чтобы улицы столицы вновь наполнились смехом, песнями, музыкой.

Шведы прекрасно подготовились к обороне. Они сожгли пригороды, укрепили стены. Их фортификаторы превратили город в неприступную твердыню. Гарнизон состоял из пяти тысяч опытных, хорошо вооруженных и обученных воинов. Возглавлял их фельдмаршал Виттенберг.

Было ясно, что борьба будет долгой и кровопролитной. Теми силами, которыми располагал Сапега, Варшавой не овладеть. Поэтому решено было начать осаду и дожидаться подхода подкреплений.

Начались дни осады. Артиллерийские дуэли, штурмовые колонны, прорывающиеся к стенам, отчаянные ночные вылазки осажденных. На помощь осаждающим все время подходили новые отряды. Прибыли Чернецкий, Любомирский. Наконец появился с войском и посполитым рушением сам король Ян Казимир. Всего под стенами столицы собралось около ста тысяч человек.

Решено было начинать штурм. Кликнули добровольцев, желающих первыми подняться на стены. Таких набралось около двадцати тысяч. Артиллерийская подготовка началась ночью. Тучи ядер обрушились на город, а затем его стены облепили штурмующие. Шведы встретили их залпами пушек и мушкетов, на головы штурмующих сбрасывались камни и бревна, выливались кипяток и расплавленная смола. Сражение вступило в ту фазу, когда управлять им было уже невозможно. Каждый сражался за себя, где и как мог. И вот волны наступающих выплеснулись на городские улицы. Началась резня. Дрались в каждом дворе и доме, в саду и во дворце.

Особенно отчаянно отбивались шведы, засевшие в костеле бернардинского монастыря. Пришлось выкатывать на прямую наводку пушки, чтобы разрушить его стены. И вновь — несколько строк из Г. Сенкевича: "Шведы... пришли в ужас, когда внезапно затряслась боковая стена. На солдат, сидящих в окнах, у пробитых в стенах бойниц, за карнизами, у лазков голубятен, сквозь которые они стреляли по наступающим, посыпались кирпичи, щебень, известка. Несчастные задыхались в густой, смешанной с дымом пыли, которая

наполняла весь храм Божий. Стало так темно, что люди не видели друг друга, крики "Задыхаемся, воздуха!" — еще увеличили всеобщее смятение. А тут весь костел качается, трещат стены, валятся кирпичи, в окна с воем летят снаряды, срываются и с грохотом падают на пол свинцовые решетки, раскаленный воздух пропитан смрадом человеческих тел, — словом, Божья обитель обратилась в ад земной. Охваченные ужасом, солдаты бегут прочь от ворот, от окон, от амбразур. Растерянность переходит в настоящее безумие. Снова отчаянные крики: "Воздуха! Воды! Воздуха!" И внезапно сотни хриплых голосов заревели: "Белый флаг! Белый флаг!"

Командующий Эрскин хватает флаг, чтобы собственноручно вывесить его, но тут рушатся ворота, в храм, точно тьма разъяренных дьяволов, врываются осаждающие — и пошла резня! Тихо становится вдруг в костеле, слышен лишь звериный хрип дерущихся, да скрежет железа о кости, о каменный пол, да стоны, да бульканье крови, — лишь порой чей-то голос, уже не похожий на человеческий, выкрикивает: "Пощады! Пощады!" Так бились они в течение часа, и вот на колокольне начинает гудеть колокол, гудит долго, долго — ... для шведов похоронным звоном".

Подобные схватки происходили повсеместно. Ненависть к захватчикам, вызванная их жестокостью и насилием, заглушала человеческое в мстителях.

Виттенберг объявил капитуляцию. Ян Казимир принял ее. Но утихомирить толпу, в которую превратились осаждавшие, удалось далеко не сразу. Всеобщей сумятицы прибавило то, что вместе с воинами на штурм пошли обозная прислуга и окрестная голытьба, примкнувшая к войску в надежде на добычу. Успокоить их и призвать к порядку удалось с большим трудом.

Радзивилл, Сапега, Чернецкий уговаривали короля развивать успех. Призывали его выступить на Пруссию со всем войском, которое было собрано для освобождения Варшавы, и нанести шведам, не успевшим прийти в себя, еще один удар. Однако Ян Казимир проявил обычную свою нерешительность. Это привело к тому, что войско его стало уменьшаться на глазах. Польская шляхта разъезжалась по домам. К концу месяца охранять столицу остались всего лишь 30 тысяч человек. В их числе 6 тысяч крымских татар, 5 тысяч литвинов Павла Сапеги да несколько хоругвей с Украины.

А тем временем Карл Густав, воспользовавшись предоставленной ему осторожным и нерешительным Яном Казимиром передышкой, собрал разбросанные по разным городам силы и выступил на Варшаву. Он знал, что польское войско и литвины разместились на

разных берегах Вислы, и решил разбить их поодиночке. Первый внезапный удар Карл Густав вознамерился нанести 28 июля по лагерю Павла Сапеги. Однако гетман великий литовский узнал о приближении врага. Он успел подготовить свое войско к битве и смог не только отразить атаку шведов, но и обратить их в бегство. Литвинская кавалерия гналась за бегущими, безжалостно уничтожая их. Лишь ночная темнота остановила преследование. Шведские генералы, напуганные неожиданным отпором, предлагали своему королю отступить. Но Карл Густав решительно отказался, надеясь на следующий день взять реванш.

На рассвете 29 июля противоборствующие войска, выстроив боевые порядки, ждали сигнала к битве. Первыми двинулись шведы. Павел Сапега принял решение встретить наступающего врага ударом гусарской конницы, лично возглавив контратаку. Но случилось неожиданное — он упал с лошади и сломал ногу. Долго раздумывать, кто заменит его, не было времени, и полковники доверили вести гусаров в бой Александру Гиляру Полубинскому. И вот наступающие шведы увидели, что к ним сначала неспешной рысью, а затем все быстрее и быстрее приближаются 1200 всадников на рослых конях, одетые в кирасы и украшенные декоративными крыльями за спиной. Передние ряды скачущей гусарской кавалерии выставили перед собой длинные копья. Те, кто мчались за ними, вскинули над головами сверкающие на солнце сабли. Пыль, поднятая копытами лошадей, скрывала задние ряды. Казалось, сама земля прогибается под тяжестью такой массы людей и животных.

Гусары обрушились на правый фланг шведского войска и буквально втоптали в землю его первые ряды. Началась жестокая рубка уцелевших и бегущих в панике шведов. Поражение на правом фланге повлекло за собой отступление всего шведского войска. В его рядах началась паника. Положение спас Карл Густав. "Теперь нет никакого выхода, кроме как победить или погибнуть!" — громко вскрикнул он и смело бросился в бой. Короля ударил копьем гусар Ян Ковалевский. Но острие прошло между левой рукой и ребрами, не причинив вреда. Следующий удар мог бы быть смертельным, если бы не помощь Богуслава Радзивилла, который подоспел вовремя. Выстрелом из пистолета он сразил храброго гусара.

Казалось, еще одно усилие, и шведы будут разбиты наголову. Возможно, так бы и было, если бы гусар поддержали поляки. Но польские хоругви не тронулись с места. Напрасно бегал перед ними, размахивая саблей, сам Ян Казимир. Напрасно призывал он помочь братьям. Безмолвие было ему ответом.

Шведы же тем временем оправились от паники, окружили глубоко вклинившихся в их ряды кавалеристовлитвинов и всеми силами навалились на них. Вырваться удалось только восьмерым всадникам. Среди них были Михал Казимир Радзивилл и Александр Гиляр Полубинский. Остальные пали в этой кровавой мясорубке. Правда, и шведы понесли огромные потери, но победителями в этот день были все же они. Не смогли спасти положение даже татары, которые по приказу Яна Казимира ударили в тыл шведскому войску. Вражеская кавалерия с легкостью отбила это нападение.

Впрочем, все те великие жертвы, на которые пошли обе воюющие стороны, не привели к видимому успеху ни одну из армий. Войско Речи Посполитой могло бы на следующий день отразить наступление врага, если бы таковое последовало. В крайнем случае можно было укрыться за крепкими стенами Варшавы и оборонять ее. Но Ян Казимир уже утратил веру в своих воинов. Он готовился к тому, чтобы оставить столицу. Едва часть телег с его личным имуществом выехала из городских ворот, в войсках началась паника. Половина воинов в ту же ночь покинула город. Утром за ними последовали остатки посполитого рушения, которые до этого времени еще находились в лагере короля. А затем Стефан Чернецкий увел 12 кавалерийских полков. Видя все это, Павел Сапега решил также отступить и спасти тем самым свое ослабленное за два дня кровопролитных боев войско от разгрома. Ушел вместе со своим полком и Радзивилл.

Мало-помалу отступление превратилось в бегство. Польские подразделения смели выставленные королем заслоны. Мост через Вислу под тяжестью бегущих не выдержал и проломился. В воду рухнули десяток пушек и множество солдат. Далеко не все из них добрались до берега.

Варшава без боя досталась шведам. Но потери, понесенные в бою с литвинами, сильно ослабили и их. Урон этот был невосполним, поэтому Карл Густав предложил заключить мир. Но его предложение было отвергнуто. Борьба продолжалась.

В августе этого же года Михал Казимир узнал, что он получил после смерти двоюродного брата его отца, Михала Кароля Радзивилла, должность подчашего[1] литовского. В этой должности он со своим полком вместе с войском Павла Сапеги и крымскими татарами (всего более 20 тысяч человек) отправился громить шведские гарнизоны в Пруссии. Князь находился в авангарде, которым командовал гетман

---

[1] Подчаший — помощник великого чашника, который ведал напитками, поставляемыми для великокняжеского стола, а в торжественных случаях подносил великому князю кубок с вином.

польный литовский Винцент Госиевский. Особенно отличился Радзивилл в битве под Простеном, которая произошла 8 августа. Авангард столкнулся там с войсками бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма. Вместе с курфюрстом шло несколько шведских полков и полк Богуслава Радзивнлла. Противник как раз планировал начать переправу через реку Пис по мосту, чтобы далее проследовать к крепости Элк на воссоединение со шведским войском Валенрода. Но, узнав о приближении литвинов, враги остались на этом берегу, чтобы отразить удар.

Госиевский же применил военную хитрость. Вначале он тайно отправил отряд из 600 татар с заданием найти брод и, переправившись на другой берег реки, с тыла подойти к мосту. Затем ложным отступлением литвинской кавалерии заманил вражеских рейтаров в засаду и, неожиданно ударив, уничтожил большую часть их, обратив других в бегство. Вид бегущих рейтаров вызвал в рядах бранденбуржцев и шведов панику. Все устремились к мосту через Пис, видя в этом единственный путь к спасению. На нем смешались и кавалеристы, и пехотинцы. И вот тут-то внезапно появились татары, находившиеся до этого момента в засаде. Сопротивление смогли оказать лишь шляхтичи Богуслава Радзивилла. Дело в том, что Богуслав сразу же распознал ложность отступления литвинов. Он предупреждал о возможной засаде, но к его словам не прислушались. И тогда он решил хотя бы обезопасить единственный путь для отступления. В яростной схватке с татарами почти все его воины полегли. Сам же Богуслав, раненный в голову, был захвачен в плен.

Однако отчаянная попытка кузена Михала Радзивилла не спасла положения. Его союзники были разбиты. Около 3 тысяч погибло, а еще 7 тысяч стали пленниками татар. Богуслав попытался скрыть свое имя, но это не удалось — один из литвинов опознал его. Госиевский намеревался казнить союзника шведов и, вероятно, так бы и сделал, но в последнюю минуту вмешался Михал Казимир. Он добился почти невозможного. Богуславу не только сохранили жизнь, но и отдали на поруки заступнику. Правда, для этого Михал Казимир обещал, что провинившийся перед Отчизной и королем родственник больше уже никогда не вернется к шведам.

Договорился несвижский князь и с татарами, которые вполне резонно считали знатного пленника своей собственностью и назначили за него огромный выкуп — 12 тысяч талеров. Собрать сразу же Михал Казимир смог лишь 3 тысячи талеров. Выплату остальных денег гарантировал своим словом и заложником, не таким богатым и знатным, но не менее благородным. Татарским пленником

добровольно согласился стать гусарский хорунжий Петр Гноинский. Несвижский князь рассчитывал, что Богуслав сам вскоре расплатится с татарами. Но обстоятельства сложились так, что выкуп был выплачен лишь в 1662 году. Так что несчастному хорунжему довелось провести в татарской неволе много лет.

Впрочем, Богуслав поступил непорядочно не только по отношению к самоотверженному Гноинскому. Во время следующей битвы под Филипповом, которую на этот раз выиграли шведы и во время которой Михал Казимир "мужественно рубился и едва избежал неволи шведской", Богуслав был освобожден победителями и отправился вместе с ними, даже и не подумав, в каком положении окажется его родственник и поручитель. Если верить написанной им позднее "Автобиографии", это было следствием тяжелого ранения: Богуслав плохо понимал, что происходит. Союзный шведам бранденбургский отряд, захватив обоз литвинов, нашел его в мокром лесу на телеге, всеми покинутого. И бранденбуржцы увезли Радзивилла с собой. Впрочем, иные источники утверждают, что рана князя была не сказать чтобы уж очень тяжелой и он находился после пленения, как говорится, в здравом уме и твердой памяти настолько, что мог активно обсуждать со своими пленителями возможность получения королевской амнистии.

Как бы там ни было на самом деле, поступок кузена лег грязным пятном на честь Михала Казимира. Его авторитет среди сослуживцев сильно пошатнулся. Впору было оставлять войско. Но князь не мог это себе позволить в тяжелый для родины час. Он продолжал воевать под командованием Госиевского еще месяц, до того времени, когда курфюрст Фридрих Вильгельм, подумывая, как бы выйти из войны, подписал соглашение о трехмесячном перемирии.

Михал Казимир вместе с войском вернулся на родину. Здесь он перешел под командование гетмана великого литовского Сапеги и принял участие в захвате Тикотинского замка. Того самого, в котором в последнюю ночь уходящего 1655 года отошел в мир иной Януш Радзивилл. Так уж случилось, что защитники Тикотина даже после смерти своего предводителя не желали сдаваться. Правда, часть их все же перешла на сторону короля, но более тысячи ратников Януша продолжали хранить верность своему князю. Все попытки Павла Сапеги по приказу Яна Казимира захватить замок оказались напрасными. А тут еще на помощь осажденным в феврале 1656 года прорвался с драгунами и отрядом пехоты Богуслав Радзивилл. Узнав о его приближении, Сапега прекратил осаду и отступил. Богуслав же,

значительно усилив и укрепив гарнизон замка, продолжил свой рейд по тылам противника.

Много событий произошло с тех пор. Отгремели великие битвы. Пролились реки крови. Огненные вихри войны пронеслись от одной границы Речи Посполитой до другой, а гарнизон Тикотинского замка продолжал удерживать его.

И вот теперь Павел Сапега решил все же осуществить то, что не смог раньше — захватить орлиное гнездо грозного покойника Януша Радзивилла, до него владевшего булавой гетмана великого литовского.

Михал Казимир, конечно, мог бы отказаться штурмовать непокоренный замок, и никто не осудил бы его за это. Но несвижский князь посчитал своим долгом участвовать в овладении твердыней. Возможно, он опасался, что озверевшие солдаты, взяв замок, осквернят прах Януша, до сих пор находящийся в его подземельях, и намеревался лично проследить, чтобы этого не случилось.

28 февраля 1657 года войско Сапеги решительным штурмом взяло замок. В эти же дни Госиевский захватил еще один оплот сторонников Богуслава — Биржи. В Биржах и Тикотине Сапега и Госиевский разместили свои гарнизоны. Михал Казимир некоторое время провел в Тикотине, подготавливая перевоз гроба с телом родственника, чтобы похоронить его на Брестчине, в Сельце. И заодно спасал имущество, оставшееся после Януша. Самым ценным были позолоченное и посеребренное фамильное оружие, тигровые, львиные и леопардовые шкуры, одежда, седла. Он все это увез с собой.

Вскоре после этого, в середине марта во время сеймика в Бресте Михал Казимир обсуждал с Павлом Сапегой и Ежи Каролем Глебовичем будущее владений покойного Януша, убеждая их, что все имения должны оставаться собственностью рода Радзивиллов. Однако добиться понимания не смог. Огорченный, князь уехал в Белую. Впрочем, пробыл там совсем недолго и вынужден был срочно покинуть свою резиденцию: 27 апреля на нее напали казаки, и Михал Казимир "только с конем отступил на Подляшье". Казаки же захватили и разграбили город. Через неделю их "подвиг" повторили шведы.

Так Радзивилл вновь был втянут в пламя войны. Тем более, что над родиной нависла новая беда, которую никто не мог предвидеть, настолько благополучно, казалось, складывались обстоятельства для Речи Посполитой. Бранденбургский курфюрст стремится к миру. Попытки Карла Густава договориться о совместных действиях с царем Алексеем Михайловичем провалились. Более того, русский государь сам объявил шведам войну, ибо надеялся овладеть Ливонией и Карелией. Ему удалось захватить Динабург, Кокенгаузен и осадить

Ригу. Более месяца царь безуспешно пытался покорить этот город. Понеся огромные потери, в конце концов он вынужден был снять осаду и отойти.

Понимая, что вести войну на два фронта не сможет, Алексей Михайлович начал переговоры о мире с Яном Казимиром. При этом, правда, выставил непомерные требования: отдать ему все Великое княжество Литовское, выплатить контрибуцию в размере 1 миллиона 300 тысяч рублей. А потом и вовсе выбрать его польским королем.

Последовали долгие и напряженные дебаты. В конце концов, так как мир был нужен и царю, и королю Речи Посполитой, обе стороны пошли на некоторые уступки, и договор был подписан 3 ноября 1656 года в Вильно. Речь Посполитая соглашалась на элекцию царя на королевский трон уже на ближайшем вальном (всеобщем) сейме, но при условии, что короноваться Алексей Михайлович сможет лишь только после смерти Яна Казимира. А до того вмешательство в дела Речи Посполитой недопустимо. К тому же править страной царь должен самостоятельно, а не через наместника. После заключения соглашения монархам надлежало совместно выступить против Швеции. Ни одна сторона не могла подписать сепаратный договор о мире со Швецией без согласия другой.

Событие это было поистине необычайным. Впервые за многие столетия образовался союз Варшавы и Москвы. Но и та и другая стороны понимали, что это вынужденная мера, поэтому искали себе еще союзников. Московские дипломаты настраивали против шведов Данию. А Ян Казимир заключил антишведский договор с новым императором Священной Римской империи.

Не терял времени и Карл Густав. Он также искал союзников. И нашел — украинского гетмана Зиновия Богдана Хмельницкого и семиградского[1] князя Дёрдя II Ракоци. Зиновий Богдан, по инициативе которого не так давно произошло объединение Украины и России, разочаровался к этому времени в русском царе. Особое его негодование вызывало то, что Алексей Михайлович вел войну по своему плану, выбрав объектом главных военных действий земли Беларуси. А они привлекали и Хмельницкого, так как он рассчитывал создать казацкое государство на всей территории Киевской Руси.

Царь же показал после захвата Вильно, что считает земли Великого княжества Литовского своей вотчиной. Недовольство Хмельницкого разделяла и казацкая верхушка.

---

[1] Семиградье, или Трансильвания — историческая область на северо-западе современной Румынии.

Что касается семиградского князя, то он рассчитывал под шумок отхватить себе изрядный кусок территории ослабленной войной Речи Посполитой.

В начале 1657 года представители "заинтересованных сторон" подписали договор, согласно которому Швеции отходили Великая Польша, Поморье и Жмудь. Хмельницкому доставались земли Украины, включая Волынь и Галичину. Ракоци получал Мазовию, Червеньские земли Польши, Литву и Беларусь. Кстати, в этом договоре не был забыт и верный союзник шведского короля Богуслав Радзивилл. Ему дарили новогрудское воеводство.

Так в январе 1657 года у южных границ Польши появилось новое войско — 20 тысяч венгров, валахов и семиградцев. К ним присоединились 12 тысяч казаков под началом Ждановича. Через Карпаты они дошли до Львова. Горожане, хоть и не открыли перед захватчиками ворот, посчитали необходимым признать Ракоци своим правителем. Затем семиградцы овладели Краковом, а спустя некоторое время, соединившись с армией Карла Густава, взяли Люблин.

Польская армия, возглавляемая Потоцким, отступила к Бресту. Поляки рассчитывали соединиться в этих местах с войском литвинов. Под Брестом они встретились с полками Сапеги и там решили дожидаться подхода Госиевского.

Однако первыми появились враги. Ни Сапега, ни Потоцкий не решились с ними вступить в противоборство. Потоцкий отступил на Сандомир, а Сапега отошел к Каменцу. Оборонять Брест они оставили двухтысячный гарнизон. Брест в это время имел мощную систему укреплений, которые защищали не только город, но и замок, находящийся в его черте. При желании за этими стенами можно было выдержать длительную осаду. Но немецкие наемники, из которых в основном состоял гарнизон, "Брест сдали и сами ... остались у короля шведского, а осталось их 1700 человек". По другим сведениям, враги овладели городом "через трактат", то есть заставив защитников сдаться на определенных условиях.

Непонятно, почему не помешал этому Павел Сапега. Быть может, у гетмана великого литовского были какието свои личные расчеты? На эту мысль наводит многое, и прежде всего то, что Сапега явно не использовал хорошую возможность вернуть утраченный в результате измены город. А было это так. Шведскому королю стало известно, что войска Священной Римской империи вотвот выступят на защиту Польши. Более того, в это же время войну Швеции объявила Дания. Поэтому Карл Густав вынужден был оставить Брест и направиться в Пруссию. В войсках же его союзников начался разброд и шатание.

Казаки думали уже не столько о битвах, сколько о том, как бы уберечь богатую добычу. Они все настойчивее выказывали желание повернуть коней к дому. С огромным трудом семиградскому князю удалось договориться с казацкими атаманами. Он разрешил отправить на Украину огромный обоз с награбленным под многочисленной и надежной охраной.

Это, в свою очередь, вызвало недовольство среди его собственных войск. Разноплеменные воители, собравшиеся под знамена Ракоци, давно уже грызлись между собой. А после отправки казацкого обоза вообще осатанели. Дисциплина упала, войско разлагалось и разваливалось прямо на глазах. И Ракоци вынужден был повести его на Варшаву. В Бресте остался лишь небольшой гарнизон — 600 солдат.

Это должно было побудить Павла Сапегу, имевшего под своим началом 8 тысяч, предпринять хоть какие-то действия. Тем не менее, гетман почему-то не решился ни на штурм, ни на планомерную осаду города. Своим соратникам он объяснил, что ожидает помощи со стороны русских. "Только б царское величество прислал бы ратных людей, и он Брест осадил бы".

Однако помощи от царя Сапега так и не дождался. А вот от своего короля вскоре весть получил. Ян Казимир призвал гетмана выступить вслед за Ракоци и ударить по нему с тыла.

Такое поручение гетман великий литовский воспринял с радостью. А чтобы не оставлять за спиной захваченный врагами город, — говорят документы того времени, — приказал 12 июля князю Радзивиллу набрать добровольцев из числа местных жителей для неожиданного нападения и захвата Брестской фортеции. Перед этим все тщательно разведать и, выбрав время, "учинить эксперимент, ...спешить людей, подобраться как можно тише, ...чтобы никто и пера не уронил", а затем атаковать укрепления, захватив противника врасплох. Пушки приказал не зарывать, а бить прямой наводкой.

И Михал Казимир овладел Брестом. Павел Сапега прислал ему личное письмо, в котором поблагодарил князя и его отряд, состоящий из "обывателей Брестского воеводства", как от своей "персоны", так и от всей Речи Посполитой за совершенный труд "...при отобрании Бреста, за что все Отечество должно... отплатить благодарностью".

Судя по тексту письма, сам гетман с войском к этому времени был уже далеко. Он спешил нагнать князя семиградского. Кстати, действия Сапеги вызвали многочисленные нарекания литвинов. Его обвиняли в том, что он "лучше Корону, а не княжество Литовское охраняет". И действительно, некрасиво повел себя гетман великий литовский в этой ситуации. Тем более, что уже вскоре после своего

хвалебного письма он прислал Михалу Казимиру еще одно, на этот раз довольно резкое. В нем Сапега обратил внимание князя на слишком поспешный прием от врага Брестской фортеции и выпуск из города гарнизона крепости вместе с его комендантом. (Судя по всему, вражеский гарнизон сдался на каких-то определенных условиях, которые Радзивилл выполнил.) Так вот, гетман обвинял победителя в том, что в замке недосчитались 11 пушек. В связи с этим приказал задержать семиградцев для выяснения ситуации и изъять у них недостающую артиллерию.

Столь странная оценка действий несвижского князя в свою очередь ставит ряд вопросов, требующих ответа. И первый из них: почему сам Павел Сапега не штурмовал Брестскую крепость? У него было достаточно времени для этого до получения приказа короля на преследование Ракоци. Если по каким-то причинам гетман не считал целесообразным вести все войско на город, он мог бы выделить небольшой отряд для того, чтобы Радзивилл произвел свой "эксперимент", имея за спиной поддержку в виде восьмитысячной армии. Может, и условия, на которых согласился бы сдаться престарелый брестский комендант Гонди, были бы в этом случае пожестче. И не встал бы вопрос о каких-то отсутствующих пушках. Да и откуда Сапега вообще мог знать, сколько их было у осажденных семиградцев?

Так, возможно, план захвата города и замка на самом деле принадлежал не Сапеге, а Михалу Казимиру? Может, это он предложил гетману оставить его под стенами Бреста, чтобы исполнить долг истинного патриота — вернуть захваченную врагами цитадель?

Письмо Сапеги, в котором за попыткой найти повод для разноса подчиненного проскальзывала злость, досада и явное недовольство, стало первым толчком для возникновения неприязни Михала Казимира к своему командующему.

Известно, что тем же летом Радзивилл по заданию короля Яна Казимира набрал, снарядил и вооружил за свой счет 600 драгунов и 12 000 пехотинцев. Они должны были поступить под командование гетмана великого литовского Павла Сапеги. Однако уже в конце октября произошло серьезное обострение отношений между Радзивиллом и Сапегой.

Одновременно у князя разгорелся конфликт и с гетманом польным литовским. Трудно сказать, что послужило его причиной. Постоянные напоминания об излишней доверчивости Михала Казимира к кузену Богуславу? Необъяснимое, вызывающее все большие нарекания у литвинов-патриотов поведение Сапеги, которого польный гетман во всем поддерживал и всегда защищал? Нежелание обоих гетманов

литовских прислушиваться к здравым рассуждениям Михала Казимира относительно судьбы многочисленных поместий Януша? Как бы там ни было, а между бывшими товарищами по оружию явно пробежала черная кошка, и Радзивилл добился перевода своей пехоты и драгунов в коронное польское войско.

Война же тем временем подходила к концу. Пока Ракоци воевал на землях Речи Посполитой, в его собственные владения ворвались поляки. На Украину по наущению турецкого султана вторгся крымский хан. Войска императора приближались к Кракову, а 23 июля на Волыни под Межибожем и сам семиградский князь, отступая на родину, оказался в безвыходном положении. На хвосте у него висел Чернецкий, с севера подходил Сапега, с юга — Потоцкий. Дорогу же вперед перегородил Любомирский, который как раз возвращался из опустошенного им Семиградья. Войско перестало повиноваться Ракоци. Половина его разбежалась, остальные отказывались идти в бой. Трансильванцу ничего не оставалось, как капитулировать. Он отказался от всех своих территориальных притязаний к соседям, вернул награбленное, обещал выплатить контрибуцию в 1 миллион злотых. Разоруженное войско осталось в плену у противника. Сам же князь избежал плена, заплатив выкуп. Его свобода была оценена в 20 тысяч злотых. Правда, достались эти деньги только четырем польско-литовским предводителям.

В скором времени после этого из Украины пришло известие, что скончался Зиновий Богдан Хмельницкий. Над театром военных действий воцарилось затишье. Михал Казимир, как и большинство магнатов, на время отложил оружие. В сентябре на заседаниях войсковой комиссии он вновь поднял вопрос о поместьях, оставшихся после смерти Януша Радзивилла бесхозными, а также о наследстве Богуслава, так и не возвратившегося под власть своего короля. Несмотря ни на что, несвижский князь полагал невозможной передачу имений живого и здравствующего Богуслава ни в собственность короля, ни, тем более, в собственность Павла Сапеги, который их домогался на правах победителя. Михал Казимир считал, что Богуслав имеет право и на имения Януша как его ближайший родственник и опекун его единственной дочери. Впрочем, у Радзивилла был в этом деле сильный и скандальный оппонент — Ежи Кароль Глебович, с пеной у рта доказывавший, что большая часть наследства мятежного Януша должна принадлежать ему, ибо его жена Катажина является родной сестрой покойного гетмана. По словам Глебовича, прав у его жены на наследство было даже больше, чем у дочери Януша Анны Марии, в то время скрывавшейся от ярости врагов отца и осуждения

приверженцев короля в захваченной шведами Курляндии, в Мигаве. Михалу Казимиру не составило труда узнать, что супруга Глебовича полностью поддерживает позицию мужа. И даже более того, подстрекает его добиваться как можно большего. Это до глубины души возмутило и оскорбило честного Михала Казимира. Он еще мог понять стремление постороннего для Радзивиллов человека нажиться на их беде. Но позиция троюродной сестры была ему отвратительна. Ведь кузина прекрасно понимала, что осуществление ее планов ослабит могущество ее же рода. Тем более, что Биржи для ветви рода Радзивиллов, к которой принадлежали Януш, его сестра и Богуслав, их двоюродный брат, значили то же, что для него Несвиж. Это была их ординация. Даже титул их звучал — князья на Биржах и Дубинках.

За всем этим стояли грязные, по мнению несвижского князя, чувства — жадность, стяжательство, бесчестность. По сравнению с этим уход Богуслава из стана защитников Речи Посполитой к бранденбуржцам, который тот совершил, абсолютно не заботясь, в какое положение может поставить своего спасителя и поручителя, казался мелкой провинностью. И Богуслав был прощен Михалом Казимиром. Несвижский князь решил сделать все возможное, чтобы его кузен мог вернуться на родину. Тем более, что Радзивилла неоднократно просила об этом дочь Януша, Анна Мария. В Митаве княжна жила, окруженная ореолом роковой тайны. А заключалась она в том, что девушка была влюблена в своего опекуна и ближайшего родственника, Богуслава. Она пыталась скрывать греховные чувства к двоюродному брату отца, но это ей плохо удавалось. Самое удивительное, что и Богуслав испытывал к Анне Марии нежные чувства. Этот дуэлянт, волокита, за которым, как хвост за кометой, тянулся шлейф обоснованных и необоснованных слухов и сплетен о многочисленных победах на амурном фронте, любил свою племянницу. Они регулярно переписывались. Послания Анны Марии, нежные и трогательные, и ответы Богуслава, полные напряженного и ревнивого внимания к личной жизни опекаемой девушки, были сдержанны и не содержали в себе слов страсти. Но и в них было так много видимого даже непосвященному оку подтекста, что Богуслав нередко отдавал своим гонцам, с которыми отправлял письма в Митаву, распоряжение уничтожать компрометирующий его в глазах современников документ сразу же после прочтения его Анной Марией.

Михал Казимир понимал, что двое любящих друг друга осуждаемой страстью людей делают все возможное, чтобы победить свои чувства. И ему было грустно, когда он видел, что их усилия не приводят ни к чему. Не решаясь, вопреки законам Божьим и людским,

назвать Анну Марию своей, Богуслав тем не менее на правах опекуна отклонял все брачные предложения знатных кавалеров дочери Януша. И особенно яростно противился попыткам тетушки княжны, Катажины Глебович, устроить счастье "сиротки Аннуси". Как-то в письме к девушке Богуслав даже подробно изложил, причем в выражениях, приличествующих скорее какому-нибудь старому грубияну-ландскнехту, а не галантному кавалеру, что сделает с тем, кто посмеет хотя бы только дотронуться до нее: "А ежели кто облапать посмеет, то таковому пану оторву все, что только можно оторвать".

Итак, Богуслав, живущий теперь под опекой бранденбургского курфюрста, слал в Митаву наполненные едва скрываемой ревностью послания, а из Митавы к Михалу Казимиру взывал жалобный голосок княжны, умоляющей помирить "дядю Богуслава" с королем. Михал Казимир просто не мог не растрогаться и не попытаться сделать все возможное, чтобы помочь Аннусе. А возможность, к счастью, представилась.

Фридрих Вильгельм, отдохнув во время трехмесячного перемирия, приступил к исполнению своего плана по заключению "Вечного мира" с Речью Посполитой. Часть необходимых документов уже была подписана 19 июля 1657 года в Белове. Теперь в городе Будгощ должен был состояться окончательный тур переговоров. Курфюрст пошел на уступки по целому ряду пунктов, выдвинутых королем. И даже согласился на то, чтобы стать вассально зависимым от Речи Посполитой, как было уже когда-то. В числе требований, предъявленных бранденбургской стороной, была амнистия верного товарища по оружию и друга Фридриха Вильгельма Богуслава Радзивилла.

Ян Казимир готов был гневно отклонить пункт, касающийся прощения "изменника". Но тут вмешался Михал Казимир. Быть может, заступничество несвижского князя не было бы столь успешным, если бы происходило в иное время. Но сейчас Михал Казимир находился у монарха Речи Посполитой в фаворе. Король стремился приблизить Радзивилла к себе, сделать своим сторонником. Вероятно, ему это нужно было для осуществления своих, пока еще тайных, планов в отношении мероприятий по выборам наследника королевской власти, которые намечались на следующий год. Согласно условиям Виленского договора, на ближайшем вальном сейме должно было состояться официальное провозглашение Алексея Михайловича будущим королем Речи Посполитой. Этот акт гарантировал бы то, что русский царь действительно займет польский трон после смерти Яна Казимира. Алексей Михайлович настаивал на скорейшем проведении сейма. Но и двор, и магнаты откладывали его. Политическая ситуация со

времени подписания договора в Вильно изменилась. Да и сторонников Государя всея Руси и в Польше, и особенно в Великом княжестве Литовском сильно поубавилось. Сказалось "тесное знакомство" и с русскими войсками, и с администрацией, и с самой системой правления восточного соседа. Многие соотечественники Михала Казимира теперь искали возможность отказать царю в обещанном. Ян Казимир и Мария Гонзаго начали тайные переговоры с Францией, откуда хотели "выписать" для Речи Посполитой подходящего принца и назвать именно его наследником власти. Француженка Мария Гонзаго мечтала о том, что таковым "спасителем" Полыни станет муж ее родной племянницы. Михал Казимир нужен был ей как дипломат для переговоров с Францией и как влиятельный голос на предстоящем польском сейме. Понимая, что именно этот момент монаршего благоволения и заинтересованности можно было бы использовать для решения "дела Богуслава", князь Радзивилл проявил решительность. Результатом явилось подписание 6 ноября грамоты о полной амнистии Богуслава, возвращении ему всех его имений и передачи в управление имений Януша Радзивилла, поскольку он являлся опекуном дочери последнего. Ян Казимир признавал также за Богуславом право называться генеральным губернатором (наместником) прусским, данное ему курфюрстом. Но победа Михала Казимира была еще не окончательной.

Весной 1658 года, во время проведения в стране предвыборного мероприятия, так называемой всешляхетской генеральной конвокации[1], Радзивилл сделал все возможное, чтобы восстановить личную приязнь Яна Казимира к Богуславу и вернуть опальному князю королевскую милость.

Михал Казимир был доволен собой, весел и благодушен. К настроению пришлось и неожиданное предложение товарища по оружию, Яна Замойского, который, подойдя на конвокации к несвижскому князю, попросил его и Стефана Чернецкого как бывших однополчан стать дружками на его свадьбе с хорошенькой фрейлиной королевы, Марией Д'Аркьен. Радзивилл охотно согласился. Разве плохо после всех этих напряженных дней немного расслабиться, повеселившись от души за свадебным столом!

Увы, свадьба, вопреки ожиданиям, веселой не получилась, несмотря на то, что собрались на нее самые знатные и богатые люди Речи Посполитой и в устройстве ее приняла участие сама королева.

---

[1] Конвокация — соглашение, уговор, условие, сделка, в данном случае — условия частного договора между двумя государствами.

У невесты на глазах не высыхали слезы, гости все время о чем-то шушукались. В довершение всего к Михалу Казимиру подсел знакомый ему по боям со шведами лихой рубака Ян Собесский. Этот гость на жениха смотрел зверем, на невесту — с непонятной тоской и отчаянием. Мало-помалу, после нескольких бокалов вина, соседи по столу разговорились. И Собесского неожиданно прорвало. Он рассказал о своей давней любви к той, которую назвал сегодня своей супругой Замойский. Девушка отвечала взаимностью Собесскому, но королева решила по-своему распорядиться судьбой фрейлины.

Потом было еще вино, воспоминания о битвах, в которых им пришлось участвовать, и долгие разговоры о превратностях войны, любви и судьбы, во время которых Радзивилл и Собесский признали друг в друге родственные души. Короче, сразу же после свадьбы Михал Казимир поехал со своим новым другом в его поместье. А в скором времени общество с изумлением узнало, что несвижский князь просил руки сестры Собесского Катажины.

И уже в июне в имении Дубно на Волыни состоялось их обручение, 7 августа — венчание в Старом Селе, а 14-го — пышная свадьба во Львове.

Все это на время отвлекло Радзивилла от участия в политической жизни своей державы. А между тем, происходили весьма важные события. Стало известно, что русский царь намеревается примириться со Швецией, надеясь после этого либо заставить Речь Посполитую выполнить условия Виленского договора и выбрать его королем, либо силой присоединить Великое княжество Литовское к России. Он даже отправил на запад огромное войско. Официально, правда, было объявлено, что русские рати идут на шведов, но, по слухам, их цель была другой. В этих обстоятельствах правящие круги Речи Посполитой пошли на хитрость. В июле в Варшаве наконец-то после трехлетнего перерыва собрался вальный сейм. Его делегаты 25 июля 1658 года подтвердили элекцию Алексея Михайловича на королевский престол. Но уже на следующий день (!) против этого решения выступило католическое духовенство, которое заявило, что царь может стать королем только после того, как примет римскую веру. Подписали этот документ 13 епископов и папский легат. Делегаты сейма тут же дружно приняли его. При этом все понимали, что это своеобразная "вежливая" форма отказа от выполнения Виленского договора. Хитрецами найдено было требование, которое русский царь не мог выполнить.

Это привело к возобновлению военных действий. Вновь пришла беда на земли Великого княжества Литовского. Царские воеводы во все стороны разослали конные отряды, которые "огнем и мечом

опустошали города и деревни, уничтожали и жгли как духовные, так и помещичьи дворы, людей рубили, избивали". Испытал на себе "царскую милость" и Каменец. По свидетельству очевидца, возного[1] Яна Ласоты, "весь замок был сожжен, церковь Божьего Рождения и костел Святого Духа — также, со всех храмов повырваны украшения и колокола, ратуша превращена в пепел со всеми делами и книгами, дома в городе почти все пущены дымом. Прихватив или поуничтожав имущество и живность, даже гусей и кур, царские воины поубивали жителей, которые входили в городскую раду, иных — забрали в плен. Те же, кто остался, ходили попеченные, посеченные, в лаптях".

Военные действия шли с переменным успехом. Так, к примеру, в октябре 1658 года Госиевский разбил корпус Долгорукова и даже захватил его казну. А через месяц сам потерпел поражение от того же царского воеводы и попал в плен.

А тут еще шведы овладели Курляндией и вторглись на жмудские земли. Узнав об этом, Радзивилл вырвался наконец из объятий супруги и поспешил туда, где его боевые друзья уже звенели саблями о шведские латы. Лишь в конце года он смог выкроить свободное время в перерыве между боевыми действиями, чтобы совершить поездку в свой Несвиж. Там он проверил состояние укреплений замка, убедился, что в нем достаточно "и амуниции, и провианта, и людей". И, следует заметить, сделал это вовремя. Ибо вскоре к Несвижу подошли русские войска. Замком овладеть они и в этот раз не смогли, но город и окрестности разгромили и пожгли. А затем настала очередь и южных владений князя. Другой русский отряд в начале января 1660 года опустошил Вельскую волость и сжег Белую.

Вскоре пришло еще одно неприятное известие — войска Павла Сапеги начали бурно проявлять свое недовольство. Они давно уже не получали жалованья и потому в бой не рвались. К тому же солдатам очень не по душе был крутой нрав их командующего, особенно жестокость, с которой великий гетман расправлялся с мародерами, поскольку многие из них при случае не брезговали этим занятием. В марте 1660 года в Дрогичине они образовали конфедерацию. Маршалком своим конфедераты выбрали оршанского хорунжего Самуэла Кмитича. Дошло до того, что бунтовщики начали строить планы о переходе к московскому царю.

Среди конфедератов оказалось и несколько подразделений Михала Казимира. Князь сразу же начал действовать. Вместе с родствен-

---

[1] Возный — на эту должность в Великом княжестве Литовском избирался в каждом уезде местный оседлый дворянин, которому вменялось в обязанность развозить вызовы в суд и другие судебные документы.

ником Павла Сапеги, польным писарем литовским Александром Гиляром Полубинским, в войске гетмана командовавшим одной из дивизий, ему удалось вначале отделить от конфедератов своих солдат, а затем и вообще договориться с предводителями бунтовщиков о роспуске конфедерации. Этому немало помогли дипломатические способности несвижского князя, его умение убеждать и то огромное уважение и доверие, которое испытывали простые воины к Михалу Казимиру. Конфликт в армии был улажен, в начале мая конфедерация перестала существовать.

Примерно в это же время из Франкфурта пришло взволновавшее несвижского князя известие Богуслав собирается жениться. Кузен Михала Казимира, видимо, решив вырвать из сердца страсть к нежной Аннусе, сделал предложение дочери герцога Оранского Фридриха Генриха, Марии. Содействовать этому союзу взялись супруга бранденбургского курфюрста Людвика Генриетта, которая была родной теткой Марии, и английский король Карл II. Живо представив, какую боль должна принести весть о женитьбе дяди несчастной Анне Марии, Михал Казимир обратился к королеве с просьбою поскорее подыскать для юной своей родственницы подходящего супруга. Королева обещала содействие.

А в июне 1660 года князь стал участником события, для государства важнейшего и наизначительнейшего. Это была варшавская конвокация, на которой ратифицировали мирный договор, подписанный, наконец, со шведами. Благодаря этому все силы государства можно было теперь бросить на борьбу с войсками Алексея Михайловича.

Вместе с ратификацией договора в Варшаве было принято также решение и об организации похода против русского царя. Но... Все войска Короны были направлены на земли Украины, а в Великое княжество Литовское был послан лишь воевода Стефан Чернецкий. Причем по указу короля он мог действовать самостоятельно, ибо был выведен из подчинения гетмана княжества. Если же учесть, что по другому указу того же Яна Казимира гетман польный не был в подчинении гетмана великого, складывается впечатление, будто король боялся сосредоточения в одних руках всей полноты власти над войсками. Между тем отсутствие единоначалия вызывало массу проблем. И это в такое время, когда на борьбу с войсками русского царя поднялись, можно сказать, все жители захваченных им территорий. Горожане, еще совсем недавно встречавшие войска Алексея Михайловича хлебом-солью, восставали и уничтожали либо изгоняли из своих городов русские гарнизоны. Крестьяне и обыватели организовывали отряды самообороны. Действовало множество шляхетско-крестьян-

ских и полностью крестьянских партизанских отрядов. Нередко сельские жители поддерживали своими действиями войска Великого княжества. Местное население временами контролировало целые поветы и волости.

Михал Казимир вновь воевал под началом гетмана великого литовского Павла Сапеги. Вместе с ним участвовал он в осаде города Могилева. Лучше всего упомянутые события описали авторы "Могилевской хроники" мещане Трофим Сурта и Юрий Трубницкий: "Чернецкий тогда с Сапегою в том же году (1660 — Авт.), месяца июня, 18 дня пришли под Могилев, в Петровку. Чернецкий стал лагерем на горе в Буйничах, а Сапега за Лупаловом, за горой, потом построили на Днепре мост и для обороны моста укрепили городок. Потом из города московцы и добровольцы-горожане пошли раскопать городок и разрушить мост, и их Сапегово войско, которое шло от Мышаковой горы, прижав к берегу, днем порубило всех под корень и потопило. А потом все предместья, из дорогого материала построенные церкви Успения наисвятейшей девы Марии и новопостроенную Покрова и другие пожгли, целою осталась только Вознесения Святого Креста, хоть и она была несколько раз зажжена, но спасена".

Здесь, под стенами осажденного города, Радзивилл в очередной раз увидел, сколь пагубно отсутствие единоначалия в войсках, сколько вреда приносят разногласия между предводителями.

В это время наиболее крупными силами, такими же, какие были у Сапеги и Чернецкого, располагал Михал Пац. Он возглавил дивизию внезапно умершего Комаровского, человека, который когда-то взял в свои руки управление остатками разбитого войска плененного Госиевского и сумел превратить разбегавшуюся деморализованную толпу в боеспособное воинское соединение. Имея такое воинство под своим началом, Пац тем не менее долго отсиживался в отвоеванной Курляндии. Лишь тогда, когда уже никакие отговорки не могли оправдать его бездействие, полководец скомандовал своим воинам идти на юг, в места, где еще продолжались боевые действия. Но и тут он не спешил соединиться с основными силами княжества. Больше месяца Пац безрезультатно осаждал Вильно. Прибыв же под Могилев более чем на неделю позднее обусловленного срока, он заявил, что не желает подчиняться Сапеге, хотя согласен действовать вместе с Чернецким. Лишь после того, как великий гетман пригрозил применить оружие, Пац вынужден был уступить, и то лишь на время этой кампании.

А тем временем к Могилеву приближался с огромным (25 тысяч пехоты и 20 тысяч конницы) войском воевода Долгоруков. Из Поло-

цка для соединения с ним выступил Хованский. Да еще на помощь должны были прибыть украинские казаки гетмана Золотаренко. Этого нельзя было допустить.

Долгоруков остановился в 20 километрах от Могилева и стал там укрепляться. Литвинско-польское войско вышло ему навстречу, разбив свой лагерь верстах в трех от вражеского. Разделяла их еще заболоченная речушка Бася[1]. Несколько дней прошло в напряженном ожидании, артиллерийской перестрелке, мелких стычках.

А затем пять конных хоругвей переправились через Басю, приблизились к самому лагерю Долгорукова и завязали там бой. Русские войска оставили укрепления и направились за нападавшими. Но в поле столкнулись с большими силами и после короткой схватки отступили. Подобное "прощупывание" сил друг друга продолжалось несколько дней, а ночью с 7 на 8 октября Сапега уже со всеми своими войсками переправился через Басю и стал укрепляться на неприятельском берегу. Были отрыты шанцы[2], в которых установили пушки, войска стали занимать свои места в боевом порядке. Сапега разместился в центре, на левом крыле стала дивизия Паца, на правом — Чернецкого. А в тылу, в засаде, укрылся незадолго до этого прибывший повстанческий отряд казака Дениса Мурашки, состоявший в основном из местных крестьян и нескольких тысяч примкнувших к войску добровольцев. Всего русским противостояло 12 тысяч человек.

Утром великий гетман послал к русским укреплениям трубача, и тот протрубил сигнал, вызывавший противника на бой. Долгоруков сигнал услышал, но начинать сражение не торопился. Его войска выступили из лагеря только в полдень. И вот после взаимного артиллерийского обстрела, длившегося недолго, обе армии сошлись.

Русская пехота наступала, укрываясь деревянными щитами. Главный удар пришелся на правый фланг, на дивизию Чернецкого. Все смешалось в жестокой кровопролитной сече. Даже сам Чернецкий вынужден был принять в ней участие.

Заметив, что на правом фланге сложилось угрожающее положение, Сапега направил туда подкрепление — полторы тысячи воинов. А сам в это время внезапным ударом во фланг русским смешал их боевые порядки и заставил отступить.

Битва на время приостановилась. Слышались только редкие выстрелы русских пушек. Долгоруков спрятался за надежными укреплениями и стал выжидать. Лишь после того, как его противники

---

[1] Бася — приток реки Прони, впадающей в Сож.
[2] Шанец — в XVII—XIX веках отрытое в земле большое четырехугольное полевое укрепление.

передали, что "...пришли сюда сражаться, а не лодырничать и что вечер близко", он вновь вывел свое войско в поле.

Битва продолжилась. Когда возникла угроза на левом фланге дивизии Папа, в бой введен был отряд Дениса Мурашки вместе с преданными ему добровольцами, до этого времени находившийся в засаде. Сражались даже обозники.

Русские войска придерживались привычной старой тактики. Под прикрытием гуляй-городков сблизились с противником и вновь нанесли главный удар по его правому флангу. Но Чернецкий приготовился к этому и в решающий момент бросил в бой тяжелую кавалерию гусар. Закованные в броню всадники своими длинными копьями и массой лошадиных тел буквально смешали и смели передние ряды русской пехоты, втоптали ее в землю. А затем в ход пошли тяжелые палаши. Противников гнали, безжалостно вырубая отстающих либо оказывающих сопротивление, до самого их лагеря. Что-то подобное произошло и на левом фланге. И здесь враг был опрокинут, бежал и вынужден был укрыться в лагере.

Описывая в своем донесении царю эту битву, Долгоруков честно признался, что его солдаты с поля боя бежали. Хотя при этом постарался смягчить ситуацию, сделав акцент на бегстве иностранных наемников: "...сотни многия и сотенные люди из разных сотен с бою побежали к своим обозам, и рейтарские два полки Рычерда Полмера да Томаса Шала все побежали к обозам же, и драгуны Христофорова полку... и солдаты Филиппусова полку Фон-Буковена и Вилимова полку..."

А в центре в это время положение было совершенно другим, просто катастрофическим. Кавалерия Сапеги, не выдержав удара русской конницы, повернула назад и расстроила ряды собственной пехоты, растоптала ее. А затем на несчастных пехотинцев обрушились и русские сабли. Пытаясь спасти положение, сам Сапега бросился в бой. В кровавой сече под ним убили коня, и лишь чудом гетман великий литовский уцелел. Русские захватили пушку и несколько знамен. От полного разгрома дивизию Сапеги спасло только наступление темноты. Приближение ночи заставило враждующие стороны прекратить сражение и укрыться в своих лагерях.

Потери с обеих сторон были огромные. У Долгорукова 427 воинов было убито и 519 ранено. Его противники тоже были в унынии. Один из участников этих событий писал: "Однако многих не досчитались мы под вечер из тех, кто здоровался с нами утром: "День добрый", что заставило вспомнить древнюю поговорку: "Где лес рубят, щепки летят".

Более краток, но не менее красноречив был другой очевидец: "...этот день, залитый кровью, положил на месте множество достойных молодых людей и сыновей милой Отчизны".

К сожалению, ни в одном из дошедших до наших дней документов ничего не говорится о том, что делал и как вел себя во время этой битвы Михал Казимир Радзивилл. Но можно смело утверждать, что не посрамил он ни чести рода, ни своего имени и ни в чем не уступал другим. Не зря же еще один участник этих событий писал: "Если бы всегда хотели (литвины — Авт.) так отважно биться, то весь свет был бы под их могуществом".

Еще несколько дней противоборствующие стороны провели в своих лагерях. Удивительный факт: и те и другие считали себя победителями. Причем уже на следующий день литвины с поляками настолько шумно (с громогласными криками, стрельбой из мушкетов да залпами из пушек) отмечали свой успех, что это насторожило русских, и они решили, что к противнику на помощь прибыло подкрепление, казаки. Чтобы не попасть впросак, они в полной боевой готовности выступили навстречу опасности.

А еще через несколько дней, 24 октября, поволноваться пришлось уже литвинам. Незадолго до этого Чернецкий покинул их и отправился в поход против воеводы Хованского. В этот день в московском лагере происходило что-то невероятное. Громыхали пушки, трещали выстрелы, слышались радостные крики. От шума и грохота, свидетельствуют очевидцы, даже земля содрогалась. Долго дивились литвины: с чего бы такое веселье? Может, войска Алексея Михайловича одержали победу на Украине? Или к Долгорукову пришла подмога? Наконец захватили пленного, и от него стало известно, что, оказывается, воевода получил послание от царя, который обещает наградить и его, и воинов за одержанную победу. Из этого видно, что и русские, и даже их царь, в свою очередь, считали, что именно они выиграли эту битву на берегу небольшой белорусской речушки.

Вопрос о победе так и остался спорным, ибо каждая из враждующих сторон приписывала ее себе. Павел Сапега вскоре решил последовать примеру Чернецкого и отправиться на встречу с Хованским. "Сторожить" же Долгорукова он оставил дивизию Паца да полк Полубинского.

А вот борьба с Хованским была более успешной. После первого поражения, понесенного одним из его крупных отрядов невдалеке от городка Черея (из трех тысяч уцелело лишь восемь человек), воевода, отбиваясь от преследовавших литвинов, спешно отступил за крепкие стены Полоцка. Объясняя причину своих неудач, он писал царю: "Не-

известно, от Бога ли это за наши прегрешения или они, враги, своей злобной хитростью, чародейством и волхвованием ужас напустили".

Вскоре был разбит и Долгоруков. А затем освобожден Брест. И на Украине русское войско потерпело сокрушительное поражение. Все это подорвало силы восточного соседа Великого княжества Литовского. Война еще продолжалась, пролилось еще немало крови, но все это теперь напоминало затухающий костер. Борьба шла уже лишь за право владения теми либо иными территориями. Великое княжество было спасено. И сейчас на первый план выступили другие проблемы. Среди них долго вынашиваемый королевской четой, и в первую очередь Марией Гонзаго, план избрания при живом короле преемника, земляка королевы, будущего мужа ее племянницы Анны Генриетты Юлии Баварской принца Анри Жюльена Бурбона.

Впрочем, нельзя сказать, что несвижский князь был в таком уж восторге от роли, уготованной ему. Он не раз вспоминал другого французского принца, некоего Анри Валуа, которого еще при славном деде Михала Казимира, Сиротке, пригласили править Речью Посполитой. Вспоминал и о том, как этот, с позволения сказать, король сбежал менее чем через год из избравшей его страны. Причем так спешно, что любящие подданные (по крайней мере способные сесть на коней после грандиозного пира, устроенного французом, дабы усыпить их бдительность в самый день побега) так и не смогли догнать его. Дед Михала Казимира, князь Миколай Криштоф Радзивилл Сиротка, имел к этим событиям самое непосредственное отношение. Он был одним из двух послов Великого княжества Литовского, которые совместно с коронными польскими послами приглашали в свое время француза Анри Валуа на престол Речи Посполитой. А потом, после позорного его бегства, Сиротка вновь ездил в Париж. На этот раз с ультиматумом к неблагодарному монарху: король немедленно вернется к подданным, либо они перестанут считать его своим королем. Анри Валуа не вернулся. Речь Посполитая так и осталась в представлении французского принца дикой, варварской страной. Воспитанный в духе французских традиций, он не смог понять ни проблем, ни горестей, ни чаяний чужого народа.

Опасаясь, чтобы "французская эпопея" не повторилась в истории Речи Посполитой, Михал Казимир старался в своих выступлениях всячески воздерживаться от ратований за элекцию принца. Но, связанный чувством долга, он даже по ходу работы сейма, собравшегося в Варшаве в мае 1660 года, останавливал чересчур резко протестующих против планов королевской четы панов, самыми непримиримыми из которых оказались Любомирский, Фредро и... Богуслав

Радзивилл. Последний, прибыв на сейм только в июне, тем не менее сразу же активно включился в его работу, вызвав неудовольствие короля не только протестом против кандидатуры французского принца, но и тем, что посмел вступиться за права "ариан"[1], закон против которых предложил на рассмотрение своим подданным Ян Казимир. Смягчая где и как только можно острые углы выступлений Богуслава, Михал Казимир лишь с большим трудом смог удержать в своих руках бразды правления сеймом и привести его участников к принятию компромиссного решения по вопросу об "арианах".

Но еще более болезненным для делегатов сейма был вопрос о деньгах, а точнее — об их отсутствии в королевской казне. Дело в том, что из-за многомесячной невыплаты жалованья польские солдаты, сражавшиеся в 1660 году с большим успехом на Украине, после очередной победы, одержанной над русскими войсками, отказались продолжать боевые действия. Командовавший ими Потоцкий вынужден был увести свое войско в Польшу. А там солдаты создали конфедерацию. Главой ее выбрали опытного воина Свидерского и поклялись не расходиться, пока им не выплатят задолженность. Но платить-то было нечем. И тогда коронные сенаторы выступили на сейме с предложением заключить мир с Алексеем Михайловичем на любых условиях, даже отдав ему земли Великого княжества вплоть до Березины. Михал Казимир был поражен такой беспринципностью и бесцеремонностью. Он, как и все остальные литвины, выступил против этого проекта и поддержал Сапегу, заявившего, что если поляки желают подписать мир с царем и отдать все захваченные русскими города, то "...мы, княжество Литовское, начнем войну с Короной Польской".

Угроза подействовала отрезвляюще. Больше разговора о мире не заводилось. Однако вопрос о выплате жалованья войскам рассмотрен был весьма поверхностно. Приняли решение наградить нескольких наиболее отличившихся воинов, и все... В надежде собрать все же достаточно денег для выплаты задолженности установили новые высокие налоги. К войскам же, и польским, и великокняжеским, сейм направил своих доверенных представителей-комиссаров[2].

Хорошо знакомый с психологией солдат, Михал Казимир предвидел, что такая акция может привести лишь к новой, еще более резкой вспышке недовольства в армии. Но к его мнению король не

---

[1] Ариане (антитринитарии, или литовские братья) — одно из протестантских течений.

[2] Комиссар — член сейма, включенный в какую-либо комиссию для предварительного рассмотрения проекта закона, проверки финансовых отчетов, положения дел в армии и т.д. Кроме комиссий, организованных временно, существовали также четыре постоянные: финансовая, военная, адукационная (по просвещению) и маршальская (полицейская).

прислушался. Лишь похвалил за верную службу и, по-прежнему продолжая считать князя своим верным сторонником, дал ему привилей на должность виленского каштеляна[1].

И вот 6 сентября 1661 года комиссары вместе с делегатами сейма от войска прибыли в армию Великого княжества Литовского, которая размещалась у деревни Полудовичи на берегу Двины. И, редкое явление в этой войне, — тут одновременно находились дивизии одного из Пацев и Сапеги. Сложившаяся обстановка заставила их незадолго до этого действовать совместно. Объединяло воинов и горячее желание поскорее узнать, как прошел сейм и, главное, скоро ли они получат свои деньги. С негодованием услышали солдаты о том, что только коекто из них будет награжден, а вот весть, что Пацам и Павлу Сапеге компенсировали денежные затраты, понесенные теми на государственные нужды, привела в недоумение. И действительно, воинам, ежедневно рискующим жизнью, трудно было понять, почему в королевской казне нашлось для того же, скажем, Сапеги 100 тысяч злотых (и это к тому, что великий гетман получил еще и шавельскую экономию), а они продолжают голодать, ходят в обносках, нет фуража для лошадей. Король задолжал войску княжества целых 13 миллионов злотых. Так почему же одним все, а другим ничего?

Возмущение достигло предела, и солдаты тут же собрали свой сеймик. Они хотели выяснить, кто же всетаки виноват в сложившейся ситуации. И пришли к выводу, что все беды от сенаторов да магнатов. Своих же собственных военачальников, Сапегу да Пацев, обвинили во взяточничестве, казнокрадстве, в отсутствии заботы об общегосударственных интересах. В общем, во всех смертных грехах. Солдаты наотрез отказались подчиняться Сапеге, Михалу Пацу, Юдицкому, всем своим полковникам. Высказали недоверие и многим командирам рангом пониже.

В состоянии всеобщего негодования по примеру поляков начали 7 сентября создавать конфедерацию войска Великого княжества Литовского. И после жарких диспутов уже через три дня избрали ее руководителей — виленского стольника Казимира Жеромского и 12 его советников. Конфедерацию назвали Братским союзом. Упомянутые события происходили на глазах комиссаров сейма, которые с первого же дня поняли, что их миссия с треском провалилась. О какой про-

---

[1] Каштеляны — в описываемое время коменданты укрепленных городов, замков и т.п., помощники, а иногда и заместители воевод, причем они делились на высший и низший разряды. Первые (к ним-то и принадлежал М.К. Радзивилл) управляли воеводством под начальством воевод и в сенате сидели рядом, последние заведовали только самим укрепленным городом и его уездом и в сенате сидели на скамьях позади воевод. Так как Виленское воеводство было главным в Великом княжестве, виленский каштелян среди иных каштелянов занимал привилегированное положение.

верке состояния дел могла идти речь, когда на территории Речи Посполитой образуется еще одна конфедерация! Польское войско бездействует, а теперь и великокняжеское сделает то же. Комиссары прекрасно понимали, чем это может грозить государству. Но вместе с тем, видимо, осознавали и справедливость требований воинов, многие их претензии к командирам. Поэтому решили немедленно уехать. А вскоре стало известно, как солдаты ответили представителю короля, требовавшему от имени Яна Казимира распустить конфедерацию: "Лучше пришлите к нам его милость канцлера литовского (им был, кстати, Криштоф Пац — Авт.) с пенязями".

Через несколько дней после этих событий конфедераты переправились на противоположный берег Двины и разместились в лагере, не так давно покинутом русскими войсками под командованием Хованского. Они сразу же начали восстанавливать укрепления — по всей окружности выкопали два ряда траншей, оборудовали шанцы и вырубили лес, близко подступающий к лагерю. Такая спешка объясняется тем, что войско Хованского ушло не так уж и далеко. К тому же после объединения с воеводой Ордын-Нащекиным русские силы насчитывали теперь не менее 20 тысяч человек. Конфедератов же было около 12 тысяч.

Первым начал боевые действия Хованский. 13 октября он наголову разбил литвинский отряд польного писаря Котовского. Три его роты, побросав знамена, спаслись бегством, а кавалеристы из других рот почти все погибли. Оставшиеся в живых оказались в плену.

18 октября 1661 года произошла главная битва. Началась она с того, что невдалеке от лагеря Жеромского русская кавалерия атаковала отряд ротмистра Криштофа Адаховского. На помощь товарищам по оружию выступили все хоругви конфедератов. Вскоре они столкнулись с выстроившейся в боевой порядок в лесу ратью Хованского и попали под губительный огонь русской артиллерии. Шесть раз, переправляясь через два ручья, разделявших враждующие армии, конфедераты бросались в атаку. Положение осложнялось тем, что сражаться приходилось в узком, неудобном для боевых действий месте. Лишь небольшая часть подразделений изза узости фронта атаки могла участвовать в сече, остальные же были наблюдателями, ожидая своей очереди вступить в бой.

Потери были ужасными. Много конфедератов погибло, еще больше получило ранения. Не меньшей бедой для войска Великого княжества Литовского стала потеря огромного количества лошадей. Конфедераты стали всерьез подумывать о том, чтобы вообще разойтись по домам, скажем, после 11 ноября.

В боевых действиях наступила длительная пауза. Победитель Хованский, отпраздновав успешное завершение битвы, расположил свои войска на отдых невдалеке от лагеря Жеромского.

А у конфедератов появились нежданные гости. К ним прибыли представители от польского войска, того самого, еще в июле 1661 года образовавшего свою конфедерацию, с предложением объединиться и создать противоправительственную лигу конфедераций. Их предложение было принято. Стороны договорились о регулярной переписке и сотрудничестве.

Известие об этом соглашении потрясло правящие круги Речи Посполитой. Король при горячей поддержке гетмана великого коронного, гетмана великого литовского и Михала Паца начал подготовку к немедленной ликвидации конфедерации. Пац попытался подчинить оппозиционные войска своему влиянию. Если не всех, то хотя бы rex, кто когда-то воевал под его командованием. И действительно, в лагере конфедератов нашлись его сторонники. Однако их планам не суждено было сбыться, а наиболее активный помощник Михала Паца, ротмистр Криштоф Адаховский, был убит.

Тем временем Ян Казимир двинул против "изменников" верные ему войска: дивизию Чернецкого и тех солдат, которых смог собрать Сапега. Радзивилл наотрез отказался участвовать в этом походе. Он считал, что с мятежниками необходимо договориться мирным путем, для чего в первую очередь изыскать средства на выплату задолженности.

Конфедераты, между тем, со дня на день ожидали новой битвы с Хованским. А поскольку пополнений у них не было (на помощь пришли лишь две хоругви во главе с Кмитичем и Хвелинским), надежд на победу было мало. И вот в этот самый момент напряженного ожидания к лагерю конфедератов приблизились войска короля. Правда, без самого монарха, который, написав бунтующим солдатам письмо с требованием немедленно распустить конфедерацию, расположился в Глубоком. Чернецкий приказал своей дивизии занять позиции, наиболее удобные для того, чтобы силой оружия попытаться подавить конфедератов. Но, оглядевшись, прикинул, что выяснять отношения с Жеромским перед лицом истинного врага, Хованского, по меньшей мере несвоевременно. Смертельная опасность заставила предводителей и верных королю частей, и тех, которые отказались подчиняться своему государю, договариваться о совместном выступлении против русских.

Удар был нанесен в ночь с 3 на 4 ноября. Он был настолько сильным и неожиданным, что войска Хованского дрогнули и

побежали. Отступающего противника, "... на сабли взяв, гнали, рубя и убивая, до самого Полоцка". В руки победителей попало более сотни неприятельских знамен, пять татарских бунчуков, много пушек. Среди пленных оказалось 8 полковников, более сотни командиров званием пониже и даже сын воеводы Петр Хованский.

На следующий день после победы к конфедератам прибыли послы крымского хана и украинских казаков. Они предлагали совместно выступить в поход на Москву. Еще через день их предложение поддержали королевские комиссары. Но конфедераты наотрез отказали и крымчакам с казаками, и комиссарам. Не удалось уговорить их даже королю.

Ян Казимир появился 11 ноября. Его встречали салютом из пушек, пением гимнов. Под ноги монарху бросали захваченные знамена, бунчуки, другие трофеи. Провели перед королевскими очами и пленных. А вечером устроили пир. В общем, встретили пристойно, как подобает. Но отправляться в поход на русские земли не захотели. Более того, не разрешили участвовать в нем ни одному своему полковнику. Так и разошлись ни с чем король и его непослушные подданные.

Конфедераты начали готовиться к переходу на "зимние квартиры". Они планировали провести это время года на юге Беларуси, в Кобринской экономии.

Зима того года выдалась теплой, почти бесснежной. Реки даже не покрылись льдом. Активные военные действия прекратились. Лишь кое-где происходили незначительные стычки.

Затишье на фронте активизировало внутриполитическую жизнь в стране. Во многих городах вновь начали проводиться сеймики. Но главный вопрос, стоящий перед государством, оставался прежним — поиски способа ликвидации войсковых конфедераций. Рассмотрению именно этого вопроса были посвящены заседания сената, проходившие в январе 1662 года в Бялой-Подляской. Михал Казимир принимал в них самое активное участие. Он по-прежнему твердо настаивал на недопустимости применения против непокорных войск оружия. Убеждал в том, что нужно найти какой-то компромисс. Отыскать, в конце концов, деньги, чтобы с ними расплатиться. Как один из самых весомых аргументов приводил в пример героизм конфедератов в сражении с Хованским. И нужно заметить, у князя появлялось все больше и больше сторонников.

Красноречие Михала Казимира, его компетентность в делах дипломатических, умение вести дискуссии, находить убедительные аргументы и доказательства были отмечены и на внеочередном сейме, состоявшемся в марте того же года.

Сейм проходил довольно бурно. И во многом по милости Богуслава Радзивилла, который прибыл на него в качестве депутата от минского воеводства. Каждую из наболевших проблем Речи Посполитой, будь то расчет с конфедератами или элекционные планы, он пытался подать по-своему, предлагая какие-то неординарные, полуфантастические проекты. Так, он потребовал, чтобы его назначили комиссаром к конфедератам, с которыми, он был уверен, легко и быстро найдет общий язык (забегая вперед, следует сказать, добившись назначения, он показал себя абсолютно бессильным что-либо изменить в положительную сторону). Вспомнив же о том, что у королевы Марии Гонзаго имеется не одна, а две племянницы — Анна Генриетта Юлия и Бенедикта — Богуслав предложил выдать Бенедикту замуж за старшего сына курфюрста Бранденбургского, Карла. И потом именно Карла возвести на престол Речи Посполитой. Почему бы и нет? Карл Бранденбургский — образованный, воспитанный и талантливый молодой человек, не в пример французскому принцу, который ничего особенного из себя не представляет. Проект Богуслава был уже известен королю и королеве. Он ознакомил их с ним еще в ноябре прошлого года. Но большинство присутствующих на сейме слышали предложение прусского наместника впервые. И тут же в сторону дерзкого Радзивилла грянул хор возмущенных голосов. Стало ясно, что план Богуслава поддержан не будет. Но отчаянный сторонник интересов Бранденбурга оказался не из тех, кто мог бы, умолкнув, пристыженно отойти в сторону и освободить место для выступления другим. Слово за слово — и вот уже вельможные паны-депутаты схватились за сабли, разделившись на тех, кто жаждал тут же расправиться с недавним "изменником", и сторонников рода Радзивиллов, возжелавших прийти Богуславу на помощь. Испуганный король кликнул аркебузиров для разъединения делегатов сейма. Богуслав в ответ немедленно призвал на помощь своих драгун. Солдаты короля и Радзивилла принялись тузить друг друга. Едва удалось восстановить в зале заседания порядок и, выдворив зачинщиков скандала (конечно, им пришлось позже просить прощения у государя), вернуться к обсуждению повестки дня. Михал Казимир попытался перевести разговор в иное русло и предложил поговорить о "делах московских". И несвижского князя тут же избрали одним из комиссаров для ведения новых мирных переговоров с русским царем. Как и следовало ожидать, они результата не дали и отнюдь не по вине дипломатов Речи Посполитой.

По поведению русского посла Нестерова было видно, что Алексей Михайлович согласился на переговоры только для того, чтобы выиграть время и собрать силы для новой войны. Единственное, чего

удалось добиться — соглашения об обмене военнопленными. Среди первой группы освобожденных из московской неволи был Винцент Госиевский. Этого опытного и авторитетного воина, который всегда проявлял огромный энтузиазм, берясь за любое дело, сразу же назначили главой денежно-войсковой комиссии. Она должна была решить наконец вопрос полного расчета с конфедератами.

Сразу же после заседания в Вильно в июле комиссия развернула активную деятельность. Но пользы от этого было мало. Не было принято никаких реальных постановлений.

Конфедераты через своих депутатов требовали немедленного решения вопроса с задолженностью войскам, а также гарантии их прав и безопасности от преследований в будущем. Более того, они добивались возможности осуществлять контроль за тем, как и куда расходуются отчеканенные на варшавском монетном дворе деньги. На конкретные их требования комиссия отвечала абстрактными обещаниями.

А тут еще в войсках стало известно, что Госиевский получил огромную сумму — 18 тысяч франков за обещание способствовать коронации французского принца. И сразу же в памяти многих всплыла история, когда Госиевский получил подобный же "подарок" деньгами и мехами от русского царя. Естественно, зародились подозрения в честности его намерений расплатиться от имени государства с конфедератами. Подозрения эти в дальнейшем подтвердились. Госиевский искал способ распустить конфедерацию, не заплатив солдатам ничего. Он предпринял попытку внести раскол в их ряды, настроив жмудскую дивизию, которой когда-то командовал, против солдат, ранее подчинявшихся Сапеге, всячески склоняя Жеромского к предательству интересов своих товарищей. И, наконец, вошел в сговор с канцлером великим литовским Криштофом Пацем. Узнав об этом, разъяренные конфедераты схватили Госиевского и поддавшегося на его уговоры Жеромского и жестоко расправились с обоими.

Известие об этом потрясло всю Речь Посполитую. Да оно и не удивительно. Ведь произошло убийство польного гетмана. Даже те, кто ранее оправдывал и поддерживал конфедератов, теперь отвернулись от них.

Весть о произошедшем дошла до Михала Казимира тогда, когда он находился во Львове в свите короля. Как тяжело было слышать ему, человеку, превыше всего ставящему шляхетскую и воинскую честь, подробности жестокой расправы над людьми, которых он знал лично. И пусть с обоими у князя были в последнее время несколько натянутые отношения, такой смерти, по его мнению, ни тот, ни другой не

заслуживали. Радзивилл сразу же понял, что с конфедерацией в ближайшее время будет покончено, а значит, в следующем году не исключена новая попытка завершить, наконец-то, войну с Алексеем Михайловичем, от которой устали все. Но ход дальнейших боевых действий все же зависеть будет в немалой мере от того, кому достанется должность покойного Госиевского.

Наиболее подходящей кандидатурой Михал Казимир считал Богуслава. Поэтому сразу же стал добиваться булавы польного гетмана для кузена. При этом князь прекрасно понимал, что Ян Казимир будет всячески противиться назначению. После дерзкого выступления Богуслава на мартовском сейме 1662 года отношения между монархом и подданным сильно испортились. И наладить их было тяжело, поскольку у Богуслава имелось множество яростных противников, постоянно подливавших масло в огонь, и исподволь, и прямо в глаза говоря королю о наглости, кичливости и непочтительности кузена Михала Казимира по отношению к своему государю. Тем не менее несвижский князь решил попытаться добыть булаву польного гетмана для рода Радзивиллов.

Богуслав также считал себя подходящей кандидатурой для этой должности. Несколько лет назад, когда Госиевский был еще жив, но попал в плен, Ян Казимир предлагал Богуславу возложить на себя все обязанности польного гетмана. Но Радзивилл отказался, так как понимал, что это назначение будет временным, лишь на период вынужденного отсутствия Госиевского. Теперь обстоятельства изменились. По совету Михала Казимира Богуслав попросил аудиенции у королевы, со всей своей галантностью и изысканностью сообщив ей о готовности принять гетманство.

Мария Гонзаго, кажется, находилась в благосклонном настроении. Она пообещала всяческую помощь и поддержку, а это уже значило многое, ибо влияние королевы на Яна Казимира и с годами не утратило своей силы. Неожиданно для просителя государыня выдвинула условие. Всего одно, но такое, которое заставило Богуслава на время буквально онеметь. Королева предложила ему... жениться. Мужчина в самом расцвете сил, физически здоровый, красивый настолько, что все дамы королевского двора просто сворачивают свои нежные шейки, оглядываясь, когда он проходит мимо, именитый, богатый, почти как Крез. Поразительно, что он до сих пор холост и планируемый им брак с Марией Оранской не состоялся. Кандидатура новой невесты? Самая подходящая. Принцесса крови. Помнится, на сейме, поссорившем Богуслава с королем, Радзивилл настойчиво добивался, чтобы Мария Гонзаго отдала кому-то там руку своей

племянницы Бенедикты? Видимо, он неравнодушен к судьбе этой прелестной девушки. Так почему бы ему самому не повести Бенедикту под венец? Кстати, чуть позднее, когда сестра Бенедикты выйдет замуж за Бурбона, который станет королем Речи Посполитой, Богуслав окажется вторым по положению человеком в государстве...

Речи королевы напрочь отбили желание Богуслава сражаться за польную булаву. Михал Казимир понял, что на этот раз они с кузеном потерпели фиаско. И еще раз он поразился уму и проницательности Марии Гонзаго, называемую подданными абсолютно заслуженно "флюгером" и "хоругвью на ветру". "Хоругвь на ветру", оценив все преимущества, которые получит ее королевство с назначением на должность польного гетмана Богуслава, попыталась легко и изящно решить одновременно с этим и проблему сопротивления Радзивилла ее планам относительно престолонаследия. Ведь став мужем Бенедикты, Богуслав не смог бы больше выступать против того, чтобы муж ее сестры Анны Генриетты Юлии стал королем Речи Посполитой. Кузен не согласился, чтобы его обезоружили столь хитро и нагло. Только ли из-за того, что Богуславу ненавистно любое посягательство на его свободу? Михал Казимир знал, что не только. У отказа Богуслава от гетманства было женское имя — Аннуся. Их чувства друг к другу становились все трагичнее, а ситуация все безысходнее.

По-прежнему лишь редкие встречи да письма связывали Аннусю с любимым мужчиной. И она, и он знали, что иначе быть не может, слишком близкой была их родственная связь, чтобы думать о браке. Им надо было расстаться с мыслью друг о друге, чтобы создать, наконец, каждому свою семью. И много раз уже Богуславу предоставлялась такая возможность. Бенедикта Баварская была не первой принцессой, которую ему сватали. Семь лет назад шведский король предлагал своему союзникулитвину на выбор руку шестнадцатилетней сестры своей коронованной супруги, Анны Дороты Готтарп-Хольстейн, или своей собственной сестры, молодой и очаровательной вдовы Элеоноры.

Богуслав виртуозно отвертелся от королевского предложения. Потом был эпизод с Марией Оранской. Трижды доводя дело почти до венца, он в последний момент отступал, узнавая об очередном найденном королевой для Аннуси женихе. Ревнивый опекун грозно отгонял от подопечной ее ухажеров и вновь возвращался к мысли о необходимости все-таки расстаться с нею. Именно о таких чувствах между влюбленными писал в эпоху Богуслава и Аннуси прославленный испанец Лопе де Вега в своей комедии "Собака на сене".

Не видя перспектив во взаимоотношениях дяди и племянницы, кроме новых, еще более сильных душевных мучений, Михал Казимир готов был чуть ли не требовать у Богуслава как-нибудь решить наконец судьбу девушки.

"Быть может, предложение королевы Речи Посполитой кузену все-таки следовало принять? — раздумывал несвижский князь. — Быть может, так было бы лучше для всех?" Но в глубине души понимал, что переубедить Богуслава он не в силах. Что же касается польной булавы, то у семейства Радзивиллов вскоре появился еще один шанс добыть ее. Михалу Казимиру стало известно, что среди многих претендентов на эту высокую должность назван и он сам. И князь решил вступить в борьбу. Это было даже интересно, поскольку главными противниками Радзивилла должны были стать кандидаты, предложенные Павлом Сапегой: его двоюродные братья Ян и Криштоф, а также Александр Гиляр Полубинский. Впрочем, самым опасным претендентом был Михал Пац, имевший поддержку могучего родственника-канцлера. Но борьба за польную булаву все-таки не завладела полностью вниманием несвижского князя. В это же время Михал Казимир оказался свидетелем и участником очередных переговоров с русским царем. На сей раз Алексей Михайлович предлагал еще более выгодные для противной стороны условия мирного договора. Глава русского посольства боярин Афанасий Ордын-Нащекин сообщил, что его государь согласен вернуть даже Смоленск и Северщину. И, кстати, предоставить деньги на выплату задолженности конфедератам. Требовал же лишь одного — признания его власти над Инфляитами[1]. Коронные послы такое известие восприняли с нескрываемой радостью. Они готовы были тут же подписать все необходимые бумаги. Осталось лишь уговорить короля дать согласие. Но все сенаторы-комиссары, представляющие на переговорах Великое княжество Литовское, единодушно выступили против. Они заняли принципиальную позицию — требовали возращения всех захваченных русскими территорий. Когда же поляки попытались оказать на них давление, дружно отказались от участия в переговорах и потребовали продолжать войну. Одним из тех, кто так твердо отстаивал интересы Великого княжества Литовского, был Михал Казимир Радзивилл. Он все более и более разочаровывался в короле, видя его слабоволие, готовность идти на поводу у польских магнатов при решении любого важного вопроса.

---

[1] Инфлянты — польское название — Латгале, русское — Лифляндия.

После убийства Госиевского разочаровался окончательно Михал Казимир и в конфедератах. Равнодушно воспринял он известие о том, что Михал Пац захватил большинство причастных к расправе лиц, чтобы предать их казни. Спокойно отнесся к известию о расколе войскового союза, о том, что жмудская дивизия и бывшая дивизия Сапеги порвали друг с другом всякие отношения. Жмудская дивизия в мае 1663 года, удовлетворившись гарантией амнистии для всех и тем, что им выплатили треть задолженности, присягнула на верность Речи Посполитой. Но другое событие взволновало Михала Казимира. "Жмудины" вновь признали своим командиром Михала Паца. Более того, они потребовали, чтобы именно его назначили польным гетманом, что король немедленно и сделал. И тогда солдаты жмудской дивизии согласились выступить совместно с дивизией Чернецкого на подавление польских конфедератов. Забегая вперед, скажем, что встретиться в бою с польскими братьями по оружию им, к счастью, не довелось.

Узнав о событиях в Великом княжестве Литовском, 2 июля поляки распустили свою конфедерацию. А 4 августа и "сапежинцы", получив обещание об амнистии и гарантии выплаты казной всех долгов, присягнули на верность Короне.

Еще в июле, обиженный на короля, который отдал предпочтение Пацу, а не ему, Михал Казимир покинул Львов. Теперь он не считал нужным скрывать свое недоверие к кандидатуре французского претендента на престол Речи Посполитой и открыто говорил о своей симпатии к принцу Иоганну Фридриху Брауншвейгско-Люксембургскому, у которого, кстати, в королевстве было немало приверженцев. Пребывая в родном Несвиже, князь отказался, сославшись на болезнь, от участия в организованном королем походе на Украину. Заметим, что "болезнь" не помешала ему почти сразу же после этого совершить путешествие в Кенигсберг на встречу с Богуславом.

Встреча кузенов была невеселой, на душе у обоих было тяжело. Отказав Радзивиллам в польной булаве, король и королева глубоко обидели их. Но если Михал Казимир был склонен в этой ситуации просто гордо покинуть двор, то Богуслав весь кипел гневом и желанием действовать. От своего доверенного человека во Львове, шляхтича Счастного Морштына, в июле он получил два письма. Из первого узнал о назначении Михала Паца, а из второго — что новоназначенный гетман польный и его всесильный брат Криштоф Пац, видимо, в погоне за богатством Радзивиллов, просили у короля и королевы руки Аннуси и что за спиною Богуслава дело почти оговорено.

Взбешенный Богуслав не придумал ничего лучшего, чем списаться с Ежи Любомирским, одним из самых влиятельных и популярных

среди шляхты Короны магнатов, человеком, называвшим Яна Казимира "королем-тираном" и время от времени становившемся в открытую оппозицию ко двору. Ежи Любомирский был личностью удивительной. Интриганство было в его натуре. Без колебаний он расставался со своими политическими взглядами и пристрастиями, если вопрос заходил о личной выгоде и корысти, часто менял стратегию открытого неповиновения королю на тактику показной покорности, то горячо поддерживая элекционные планы королевской четы, то яростно добиваясь запрещения выборов нового короля при живом государе.

Узнав о том, что Богуслав ищет "дружбы" Любомирского, Михал Казимир высказал решительное неодобрение действий кузена, которому, считал он, следовало бы поосторожнее вести себя, ибо и так уже имеет довольно скандальную славу смутьяна и изменника. Тем более, что причина, толкающая к этому, неблаговидна. Богуслав откровенно не прав в отношении Анны Марии, которой из-за собственного эгоизма не дает возможности стать счастливой женой и матерью. Да, Михал Пац, конечно, не лучший претендент на ее руку. Но, в принципе, такой брак все равно лучше серого прозябания в одиночестве. Богуслав слушал Михала Казимира, молча склонив голову, и несвижский князь не мог понять, что у кузена на уме.

На следующий день Богуслав Радзивилл встретил Михала Казимира улыбаясь. Он сообщил, что только что послал верного человека к Анне Марии с маленьким подарком. Девушка получит обручальное колечко в бархатной шкатулке. Богуслав понял, что больше не имеет сил бороться со своей любовью. И он женится на любимой, чего бы ему это ни стоило.

На замечание Михала Казимира, найдется ли во всей Речи Посполитой священник, который благословит брак Богуслава, тот ответил, что хотя и желает быть обвенчанным по законам кальвинистской церкви, ибо он протестант, но, видимо, придется смириться с действительностью. Кальвинисты не решат его проблемы, а над католиками есть в Риме властная сила — папа, воли которого никто не смеет ослушаться. Папа римский продажен и жаден. Деньги Радзивиллов сделают свое дело. Богуслав составит униженное письмо к "наместнику апостола Петра на земле" и пошлет его вместе с увесистым сундучком золота в Рим.

Дивясь силе и безрассудству любви, Михал Казимир покинул Кенигсберг.

Вскоре князь убедился, что интуиция, подсказавшая необходимость предостеречь Богуслава от связи с Любомирским, его не

подвела. Несвижский князь узнал о том, что неутомимый интриган Ежи в конце концов вывел из себя и королевский двор, и знать Короны, и его деяния будут разбираться в суде. Князь легко мог предсказать, каким будет решение этого суда. Да оно и не удивительно, ибо всякому здравомыслящему человеку было понятно, что готовится расправа над Любомирским. Для подтверждения можно было привести хотя бы тот факт, что защитникам обвиняемого вначале даже не дали возможности познакомиться с обвинительными документами.

Неожиданно Михала Казимира вызвали в Варшаву, ко двору. Королевская чета обратилась к нему с удивительной просьбой — поспособствовать их примирению с Богуславом. Князь сразу понял, чем вызвано было такое резкое изменение отношения коронованных особ к его кузену. Королю и его супруге вновь понадобилась поддержка людей, имеющих вес в Речи Посполитой.

На сеймиках, проводимых перед началом процесса над Любомирским, средняя и мелкая шляхта, недовольная королем и мнящая опального Ежи героем, громко высказалась в защиту обвиняемого. В этих условиях королю и королеве хотелось бы иметь твердую уверенность, что обиженный ими Богуслав не поддержит Любомирского. Стремление королевской пары к примирению с Богуславом совпадало с планами Михала Казимира, так что он с готовностью вызвался быть посредником в этом деле. А вот от участия в решении дела Любомирского отстранился, поэтому и на вальный сейм, где, помимо всего прочего, должны были судить опального магната, прибыл с опозданием — уже после того, как решение судьями было вынесено, Любомирского приговорили к "... лишению чести, жизни и всех имений". Правда, привести этот приговор в исполнение не смогли. Проигнорировавший приглашение на суд, Ежи, который тем не менее очень внимательно следил за ходом событий из своего имения в Янове, еще до вынесения окончательного вердикта почувствовал, что ничего хорошего ему ожидать не стоит и вместе с семьей и слугами сбежал в Силезию.

Михал Казимир понимал, что беглец не успокоится и королевской чете еще доведется услышать о приговоренном ими к смерти подданном. Впрочем, несвижский князь решил при любых обстоятельствах оставаться в стороне, хотя живо интересовался ходом дальнейших событий.

А Любомирский, между прочим, за границей сразу же развернул активную деятельность. Связался с австрийским императором и бранденбургским курфюрстом, стремясь настроить их против Яна

Казимира. Еще в 1662 году император и курфюрст, сговорившись между собой, выставили в противовес французскому кандидату на корону Речи Посполитой своего претендента и родича, юного принца Иоганна Фридриха Брауншвейгско-Люксембургского. Но партия, поддержавшая австро-бранденбургскую инициативу в Польше и Великом княжестве Литовском, была недостаточно сильна. Любомирский предложил императору и курфюрсту содействие, обещал использовать все свое влияние для победы на выборах их кандидата. Сумел опальный магнат создать впечатление, будто только благодаря ему одному, именно его усилиям, французский претендент на трон до сих пор не избран.

Одновременно с этим Любомирский умудрился завязать отношения с Алексеем Михайловичем, призывая русского царя нанести удар по Речи Посполитой. Правда, договориться с московским государем ему не удалось. А император и курфюрст, не желая портить отношения с Францией, вызвались помогать Любомирскому лишь деньгами и тайно. Более того, они даже пытались помирить Любомирского с Яном Казимиром, предлагая посредничество в этом деле. Но неукротимый беглец отказался наотрез. В ответ императорский двор выразил явное нежелание видеть приговоренного к смерти Любомирского на своей территории.

И Ежи спешно начал нанимать в Силезии войска. Повел агитацию среди польской шляхты. По его подстрекательству часть коронного войска образовала конфедерацию. В мае 1665 года Любомирский со своими наемниками перешел польскую границу.

Собирал силы для борьбы и Ян Казимир. Он обращался с просьбой предоставить войска ко многим магнатам, в том числе и к Михалу Казимиру. В одно время с королем Радзивилла попытался перетянуть на свою сторону и Любомирский.

В который раз оказался между двумя берегами Михал Казимир. Но теперь размышлял князь недолго. Он решил не принимать никаких предложений, не участвовать в братоубийственной войне. И не отправлять на нее никого из своих воинов.

Именно в это время получил он два радостных для него известия. Одно от Богуслава, второе — от Яна Собесского. Богуслав сообщал, что папа римский наконецто дал ему разрешение на брак с Анной Марией. А Собесский приглашал на свое венчание с давней возлюбленной, той самой Марысенькой, на злосчастной свадьбе которой они с князем и познакомились. Теперь Марысенька овдовела. Счастливый конец у двух самых драматичных в Речи Посполитой любовных историй! Это казалось чудом. Но чудеса, пусть и очень редко, все же

случаются. Собесский решил обвенчаться со своей избранницей в мае, не дожидаясь даже окончания срока ее траура, а Богуслав — поздней осенью, в ноябре. Тем временем Ежи Любомирский, возглавивший конфедератов и объявивший королю рокош, стремился к схватке с Яном Казимиром. 4 сентября он разгромил под Ченстоховом верные королю войска. После этого связался со своими сторонниками в Великопольше. Вся тамошняя шляхта стала под его знамена. Благодаря этому силы рокошан значительно увеличились.

Рокош Любомирского в Польше совпал с обострением политической обстановки в Великом княжестве Литовском. До кровопролитных баталий там дело, к счастью, не доходило. Но оружие в ход уже время от времени пускалось. Медленно, но верно, как нарыв на поврежденной коже, назревало всеобщее недовольство поведением Пацев, их вмешательством во все сферы жизни княжества. Против гегемонии этого ненавистного многим рода (один из ее представителей занимал должность канцлера, в второй — польного гетмана) выступили Сапеги, их поддержали Полубинские, Огинские, Глебовичи и Радзивиллы.

Активное участие в этой борьбе принял и Михал Казимир. Особенно после смерти 31 декабря 1665 года ярого противника Пацев, гетмана великого литовского Павла Сапеги. Должность покойного тут же перешла к Михалу Пацу, "сдавшему" польную булаву Владиславу Воловичу. Это привело к тому, что силы антипацевской коалиции сильно ослабли. Многие покинули ее. Основная тяжесть борьбы легла на Радзивиллов. Велась она разнообразными формами. Пацы стремились усилить свое руководство над войсками, размещали верные им хоругви в поместьях Радзивиллов, занимали замки в Поднепровье и Подвинье, собирали народное ополчение в Жмуди, которую с некоторых пор считали чуть ли не своей вотчиной. Их противники в ответ срывали сеймики и сеймы либо стремились провести через сеймики побольше своих депутатов на сеймы, совершали нападения на владения Пацев. Особенно активизировались они после того, как пять тысяч воинов из Великого княжества Литовского вынуждены были отправиться в Польшу на помощь королю. А под началом Михала Паца осталось лишь четыре тысячи.

Михал Казимир попытался использовать этот момент. Он только что получил привилей на виленское воеводство. (Должность освободилась после смерти Павла Сапеги.) Для формального вступления в нее Радзивилл прибыл в столицу княжества во главе тысячи верных воинов. Князь был намерен использовать заседания Главного Трибунала, которые должны были начаться в июне, для того, чтобы превратить их в сейм, а затем во всеуслышание высказать обвинения

в том, что во всех беспорядках и бедах, происходящих в княжестве, виноваты Пацы. Он надеялся вместе со своими родственниками сколотить мощную антипацевскую коалицию. Но при всем том ему не хотелось превратить выяснение отношений в кровопролитное сражение. Поэтому Михал Казимир все же дал возможность трокайскому воеводе Миколаю Пацу (родному брату канцлера литовского), который вел заседания Трибунала, спокойно завершить это мероприятие.

31 июля 1666 года король помирился с Любомирским. А 20 декабря было подписано соглашение с московскими дипломатами о перемирии на тринадцать с половиной лет. По истечении этого срока стороны надеялись заключить "Вечный мир". Наконец-то на земли Речи Посполитой пришел покой!

Вскоре Михал Казимир получил два радостных известия личного плана. Почти одновременно в феврале 1667 года родились первенцы у Яна Собесского и Богуслава. Марысенька Собесская стала матерью мальчика, названного Якубом. Аннуся же родила дочь Людвику Каролину. Появление этой девочки почему-то умилило стареющую королеву. Проявив вдруг необычайную благосклонность к новоиспеченному отцу, Мария Гонзаго вернула Богуславу владения в Баре, конфискованные у него еще в то время, когда Радзивилл на стороне шведов сражался против короля. Единственное огорчало государыню — то, что у Богуслава нет пока наследника мужского пола. Сама Мария Гонзаго уже почти два года болела. Чувствуя приближение смерти, она, судя по всему, переживала, что так и не смогла обеспечить мужу преемника на королевский престол, к тому же эта женщина, всеведущая и проницательная, очевидно, знала о том, что роды у Аннуси протекали очень тяжело. Доверенные люди королевы, безусловно, передали ей опасения врачей, приглашенных Богуславом к супруге, много дней метавшейся в родильной горячке. Самые мрачные предсказания, к сожалению, сбылись. Княгиня Анна Мария Радзивилл умерла через месяц после рождения дочери.

Смерть любимой жены буквально подкосила Богуслава. Впервые этот крепкий мужчина почувствовал себя слабым и уязвимым. В послании к Михалу Казимиру он пишет: "У меня постоянно болит сердце, слабость во всем теле, частые головокружения".

Но как бы ни тяжела была утрата, он еще не хочет признавать себя побежденным в поединке с судьбой. Богуслав пытается отвлечься от личного горя тем, что с еще большей активностью включается в политическую жизнь княжества.

А жизнь магнатов державы по-прежнему была напряженной и насыщенной событиями. Михал Казимир продолжал всcти борьбу с

ненавистными Пацами, собирая сторонников на сеймиках и сеймах. Даже крещение своего новорожденного сына Ежи Юзефа он использовал с выгодой для дела — пригласил в середине апреля 1668 года в Белую, где были намечены торжества, сторонников французской партии и наиболее влиятельных противников Пацев из Великого княжества Литовского. Среди гостей были Ян Казимир, ставший крестным его сына, Ян Собесский, Александр Любомирский и Богуслав Радзивилл. Здесь король принял важное решение. Он написал указ для Михала Паца, в котором "высказал свое желание", чтобы Пац оставил войска и вручил Михалу Казимиру недатированный привилей на булаву польную литовскую, поскольку владеющий ею Владислав Волович был тяжело болен. Теперь в случае его смерти несвижский князь сразу же мог получить освободившуюся должность. Сам же Ян Казимир вынашивал мысль отречься от престола. После смерти своей жены, скончавшейся в мае 1667 года, он утратил желание заниматься управлением государством.

Михал Казимир всячески противился этому плану, опасаясь, что в период бескоролевья Пацы укрепят свои позиции в княжестве. Он стал ближайшим советником короля, 30 апреля получив привилей на должность подканцлера литовского. Это была последняя услуга, оказанная королем тому, кого считал одним из самых верных своих подданных. В сентябре 1668 года Ян Казимир отрекся от престола.

Михал Казимир участвовал в заседаниях вального сейма, на котором монарх сообщил о своем решении. Он до последней минуты надеялся, что король не пойдет на этот шаг, и воспринял известие с печалью. Впрочем, времени на уныние не было, так как из Вильно пришла весть о смерти Воловича. Михал Казимир тут же включился в борьбу за польную булаву. Он в очередной раз попытался добыть ее для Богуслава. Когда же тому отказали, напомнил о собственных правах. В ноябре на сейме предъявил выданный ему ранее королем привилей, чем поразил всех участников этого форума. Одни из них были обрадованы, ибо принадлежали к числу приверженцев Радзивилла, другие, ознакомившись с документом, заверенным личной подписью короля, огорчились, у третьих это известие вызвало гнев. Для Пацев же заявление Радзивилла было будто острый нож в бок. Они взорвались негодованием, громогласными протестами и даже попытались объявить привилей Радзивилла на польное гетманство подделкой. Конфликт затянулся надолго и продолжался даже после того, как Ян Казимир прислал письмо, в котором подтверждал подлинность привилея.

В борьбе с Пацами огромную помощь и поддержку Михалу Казимиру оказал Ян Собесский. Оба дружно противостояли всем козням противников, одновременно ведя подготовку к элекционному сейму. Радзивилл хотел заручиться поддержкой как можно большего числа будущих депутатов. Поэтому стремился, чтобы на многочисленных сеймиках посланцами на элекционный форум выбирались его сторонники, обещал, что лично финансирует их проживание в Варшаве.

В феврале 1669 года ему было поручено организовать вместе с родственниками охрану сейма, дата проведения которого все приближалась. За полтора месяца Несвижский князь набрал в своих владениях хоругвь пятигорцев[1], пять хоругвей венгерской пехоты, две рейтарские и татарские хоругви. С этим воинством в компании со множеством верных шляхтичей-депутатов и прибыл Михал Казимир на сейм. Всего же Радзивиллы, как утверждают некоторые исследователи, выставили 8 тысяч воинов. Вероятно, это число все-таки сильно завышено. Как бы там ни было, но количество тех, кто должен был обеспечить безопасность столь важного для государства сейма, было значительно.

Сейм, как и следовало ожидать, прошел весьма бурно. Михал Казимир поддержал австрийского кандидата, принца Филиппа Вильгельма Нейбургского, которого император выдвинул соискателем короны Речи Посполитой после того, как убедился, что у прежнего претендента, принца Брауншвейгско-Люксембургского, совершенно нет шансов. Пристрастия Радзивилла и его родственника Яна Собесского тут сильно разошлись. Брат супруги возглавлял партию сторонников французского кандидата. Неожиданно для обоих магнатов королем избран был соотечественник, князь Михал Корибут Вишневецкий — очень молодой и ничем еще не зарекомендовавший себя человек. Но в его жилах текла кровь первых польских королей Пястов, видимо, это и поспособствовало его возвышению. Михал Казимир с самого начала оказался среди наиболее непримиримых противников нового короля. Он вошел в коалицию с Собесским и главой католической церкви в Речи Посполитой архиепископом Миколаем Пражмовским, которые настаивали на вынесении сенаторами протеста такому избранию, но тут в очередной раз обострился конфликт Михала Казимира с Пацами: им все еще не давала покоя польная булава Радзивилла. Дело чуть не дошло до вооруженного столкновения. Новоиспеченному королю и сенату едва удалось предотвратить кровопролитие. По требованию сенаторов и Вишневецкого 2 июля

---

[1] Пятигорцы — вид тяжелой кавалерии Речи Посполитой.

между врагами было заключено соглашение, оговаривающее, что Михал Казимир сохраняет и должность подканцлера, и булаву польного гетмана. То, что не признанный Радзивиллом король внезапно встал на его сторону и защитил его, заставило Михала Казимира пересмотреть свои принципы.

Вскоре, благодаря стараниям матери короля Гризельды Замойской, он вообще вышел из оппозиции. Так что в начале сентября несвижский князь уже участвовал в коронационных торжествах на стороне нового государя.

Приязненные отношения, установившиеся между ним и Вишневецким, Михал Казимир использовал на благо родового гнезда. Он получил от короля привилей, освобождавший жителей Несвижа от уплаты таможенных пошлин и налогов на территории всей Речи Посполитой. Заметим, что подобная льгота была выдана горожанам незадолго после окончания войны с Алексеем Михайловичем. Но только на четыре года. А новый король освободил несвижцев от налоговых тягот навсегда. От главной пошлины — на пятнадцать лет. Благосклонность Михала Корибута Вишневецкого к Несвижскому князю проявилась и в том, что он и его мать стали крестными родителями его младшего сына, Кароля Станислава, появившегося на свет в 1669 году в Кракове.

Одно лишь могло огорчать Радзивилла в это время. Сближение с королем ухудшило его отношения с Яном Собесским. Впрочем, французская придворная партия Собесского не прекращала попыток заполучить Михала Казимира в свои ряды. Так же, кстати, как и австрийская. Так что ему вновь пришлось проявить все свои дипломатические способности, чтобы, не обидев никого, не примкнуть ни к тем, ни к другим.

В начале 1670 года Михал Казимир получил печальное известие. В последний день ушедшего 1669 года скоропостижно скончался Богуслав Радзивилл. Смерть его была очень странной и вызвала удивление у всех, кто стал ее свидетелем.

Возвращаясь из Поморья со встречи с тамошним воеводой Яном Ваковским, Богуслав принял приглашение поохотиться на куропаток. Судя по всему, хозяева таким образом надеялись развеять меланхолию, в которой пребывал в последнее время князь.И вот раздались первые выстрелы. Одна из раненых куропаток упала у самых ног князя и забилась на снегу, окрашивая его своей кровью. Эта картина: умирающая в агонии птица, яркокрасный дымящийся снег, — так поразила Богуслава, что он тут же рухнул на землю и скончался.

Одни исследователи утверждают, что причиной смерти стал сердечный приступ. Другие склоняются к версии об апоплексическом ударе. Действительно, Богуслав в последнее время жаловался и на сердце, и на головные боли, но почему же именно вид окровавленной птицы вызвал роковой удар? Воину Богуславу нередко доводилось пронзать противника шпагой, рубить саблей, окрашивать кровью своих жертв траву, песок, воду, снег. Но, может, бьющаяся в смертельной агонии беззащитная куропатка внезапно напомнила ему агонию умирающей Аннуси, которой он оказался бессилен чем-либо помочь? Как бы там ни было, но, действительно, отважный воин, отчаянный рубака и дуэлянт, человек, разгонявший скуку тем, что с рогатиной в одиночку шел на медведя, умер во время охоты на куропаток...

Михал Казимир по завещанию кузена, составленному сразу после похорон супруги, был назначен одним из опекунов малолетней дочки Богуслава и Аннуси, Людвики Каролины. Другие же опекуны были из Германии. Главным среди них был соратник Богуслава, курфюрст Бранденбуржский, который являлся к тому же и его кузеном (мать покойного Богуслава, принцесса София Гогенцоллерн, была родной теткой курфюрста). Бранденбуржцы забрали девочку к себе, заявив, что сами воспитают ее и устроят ее будущее. Это несколько настораживало Михала Казимира. Он нисколько не сомневался, что девочка будет любима в семье своих немецких родичей и вырастет ни в чем не нуждаясь. Но ведь в том случае, если ее выдадут замуж за какого-нибудь иностранца, обширные владения, некогда принадлежавшие Янушу и Богуславу, перейдут в чужие руки. Род утратит Случчину, Копылыцину и Койдановщину. И кто знает, не пошатнется ли авторитет рода, не станет ли менее весомым слово Радзивиллов в Речи Посполитой вместе с уменьшением их владений?

Остановись, рука исследователя, до этого момента восхищенно описывающая деяния отважного, честного и справедливого героя! Остановись, потому что, к стыду своему, Михал Казимир решился на подлог. Князь попытался подделать завещание Богуслава, оговорив в нем невозможность передачи Радзивилловских имений представителям другого рода. К счастью для репутации Михала Казимира, обман не удался. Тогда в голове его созрел иной план. Он подумал о том, что наследие Богуслава может остаться принадлежностью рода в том случае, если супругом Людвики Каролины будет человек, как и она, принадлежащий к фамилии Радзивиллов. И почему бы таковым не стать его старшему сыну Миколаю Франтишку?

И вот уже вместе с родственниками Михал Казимир пишет письмо от имени двенадцатилетнего жениха к курфюрсту Бранденбургскому

Филиппу Вильгельму. Не беда, что Людвике едва исполнилось пять лет! Главное — принцип! В дальнейшее развитие истории вмешалась судьба, которая расставила по местам всех действующих лиц этого трагифарса. Но не будем забегать вперед.

Пока Михал Казимир занимался интригами, пытаясь всеми правдами и неправдами овладеть имениями Людвики Каролины, Речь Посполитая вновь оказалась на грани кровопролитной войны. Угроза на этот раз исходила с юга. Избранный еще в 1665 году гетманом Правобережной Украины Петр Дорошенко мечтал об образовании единого украинского государства, охватывающего земли "от Перемышля, Ярослава, Вислы и Немана на западе до Севека и Путивля на востоке". Для достижения своих целей он начал заигрывать с Турцией.

Сначала Дорошенко добился от султана Мухаммеда военной помощи для борьбы с Речью Посполитой. Благодаря этому его войска были усилены отрядами янычар и крымских татар. Гетман опробовал силы в Галичине. Затем попытался распространить свою власть на Левобережную Украину. А в 1669 году подписал договор с турецким султаном Мухаммедом, по условиям которого Подолия переходила под власть турок (гетман обязывался оказывать союзникам помощь в установлении господства). А земли Правобережной Украины становились вассальными владениями Османской империи под управлением Дорошенко.

Король Михал Корибут Вишневецкий вынужден был предпринять какие-то ответные действия. Первым делом он в 1670 году отправил Михала Казимира Радзивилла и Михала Паца, польного и великого гетманов литовских, с войсками на линию Припяти, чтобы обезопасить земли Великого княжества Литовского от возможного нападения казацко-татарского воинства. Летом следующего года несвижский князь возглавил литвинские отряды, собравшиеся под Я новом, чтобы отправиться на помощь к Собесскому, который, получив еще в 1668 году булаву гетмана великого коронного, теперь воевал на Украине.

Но Пац сорвал этот поход. Он подговорил солдат выступить с требованием выплаты им жалованья, которое в очередной раз задержала королевская казна. Все попытки Михала Казимира как-то договориться с войском провалились, хотя Радзивилл в обход всех воинских порядков даже предлагал вышедшим из подчинения солдатам завербоваться повторно и получать жалованье лично у него. Наверное, Михалу Казимиру просто не поверили, потому желающих не нашлось, так что Собесскому пришлось проводить кампанию без поддержки армии Великого княжества Литовского. К его чести, удалось справиться и самому. В нескольких битвах Собесский со

своими поляками разбил татар и казаков-дорошенковцев. Страна получила возможность ненадолго отдохнуть от баталий. Но в следующем году войну Речи Посполитой объявила Турция. Стотысячная турецкая армия, поддержанная крымчаками и 12 тысячами казаков во главе с Дорошенко, нанесла поражение полякам в битве под Четвертиновкою, а затем заставила капитулировать гарнизон могучей крепости Каменец-Подольска. Турки захватили несколько крупных городов. Уцелел только Львов, да и то потому, что его жители откупились от захватчиков.

Хотя Яну Собесскому и удалось несколько раз разбить турецких союзников, татар, общее положение в театре военных действий оставалось сложным. Пришлось идти на подписание мирного договора. Его условия были весьма тяжелы и позорны для Речи Посполитой. Турции отдали Подолье, Дорошенко получил воеводство Брацлавское и южную часть Киевского, а еще нужно было теперь платить ежегодную дань.

В довершение всего Речь Посполитую продолжали сотрясать внутриполитические склоки. Выяснилось, что король Вишневецкий не может иметь детей в результате одного из ранений, полученных на поле брани. И хотя королева Элеонора Мария Иозефа Габсбург, беспокоясь о репутации супруга и, видимо, просто по-человечески жалея его, пыталась убедить магнатов в обратном (она даже разыграла целый спектакль с ложной беременностью, падением с лошади, потерей ребенка), правду скрыть не удалось. Элеонора Мария Иозефа была избрана на роль королевы потому, что она так же, как и принцессы Анна Генриетта Юлия и Бенедикта Баварские, находилась в близком родстве с покойной Марией Гонзаго. Теперь польские магнаты загорелись идеей расторгнуть брак королевской пары, лишить Вишневецкого короны и выбрать новым королем Филиппа Вильгельма Нейбургского, предварительно женив его на разведенной королеве. Примас Прамовский (тот самый архиепископ, который возглавлял вместе с Собесским оппозицию вновь избранному королю) пытался через австрийского посла добиться согласия на развод от родного брата королевы, императора Леопольда I. Но тот отказался наотрез.

Сама Элеонора Мария Йозефа тоже не давала согласия, считая высшим бесчестием для себя после клятвы, данной у алтаря — быть с мужем "в горе и радости, в здравии и болезни", бросить несчастного своего супруга ради личного благополучия. Тогда французская партия обратилась с просьбой помочь лишить престола Вишневецкого к французскому королю Людовику XIV. Известие об этом вызвало крайне отрицательную реакцию среди руководящих особ Великого кня-

жества Литовского. Два Михала — Радзивилл и Пац, на удивление окружающих, нашли общий язык и выступили совместно. Несвижский князь, который после утраты Подольска нанял и вооружил на свои средства гусарскую хоругвь, давно уже находился в лагере сторонников короля возле местечка Големба. И вот оба гетмана литовских в октябре 1672 года подписывают акт конфедерации голембовской. А в следующем месяце образовывают прокоролевскую конфедерацию под Кобрином. Под их знамена собралось около 80 тысяч человек.

Собесский с Прамовским решили не уступать и образовали свою конфедерацию. Назревала новая гражданская война, еще более страшная, чем вызванная конфликтом Любомирского с королем. Какие бедствия в результате обрушатся на страну, понимали все. Очевидно, поэтому ни одна из враждующих сторон не начинала первой боевые действия.

На фоне этих событий Михал Казимир получил печальное сообщение. Его старший сын, тринадцатилетний жених Людвики Каролины, Миколай Франтишек, умер. Это был уже не первый ребенок, которого довелось хоронить Михалу Казимиру. Два сына и дочь, рожденные Катажиной, умерли в младенчестве, еще один — девятилетним. Но смерть первенца и любимца Миколая Франтишка потрясла отца, потому что никому из ранее отнятых у него Богом детей не удавалось дожить до столь осмысленного возраста. Теперь единственными наследниками Михала Казимира были младшие сыновья, младенцы Ежи Юзеф и Кароль Станислав, которых крестили два короля Речи Посполитой. Радзивилл пытался успокоиться, убеждая себя в том, что хотя бы они выживут, ибо мистический ритуал крещения, произведенный монархом, должен гарантировать ребенку жизнеспособность и счастье. Впрочем, даже личное горе не могло стать для Радзивилла поводом отойти от дел державных.

Так, Михал Казимир обещал прибыть на сейм в Варшаву. Сторонники короля считали Радзивилла наиболее подходящей кандидатурой на роль посредника в переговорах между недовольными и монархом Речи Посполитой. Но на сейме, начавшемся 14 февраля 1673 года, возобладала другая точка зрения. Роль миротворца участники доверили королеве.

Маленькая печальная женщина, Элеонора Мария Иозефа, отданная замуж не по любви, не получившая в лице супруга ни пылкого любовника, ни отца своих детей, но тем не менее готовая пренебречь личным счастьем ради высших принципов, с трибуны сейма призвала обе стороны к примирению. И смогла добиться почти невозможного.

В конце марта король и оппозиция пришли к согласию. Сейм тут же разорвал позорный мирный договор с Турцией. Началась подготовка к новым битвам.

Ян Собесский собрал сорокатысячное коронное войско. Из Великого княжества Литовского выступили 12 тысяч человек во главе с гетманом великим литовским Михалом Пацем и гетманом польным Михалом Казимиром Радзивиллом.

Странно вел себя в этой кампании Пац. То, ссылаясь на болезнь, передавал Радзивиллу командование армией, то под предлогом усталости войск предлагал уклониться от участия в боевых действиях. Но Михал Казимир настойчиво добивался объединения войск княжества с коронными. Он знал, что Собесский настроен на решительные действия, и считал делом чести для себя и своих земляков скрестить оружие с турками.

Михал Казимир добился своего. 1 ноября он принял участие в штурме турецкого лагеря под Хотином. Сознание, что он сражается там, где несколько десятилетий назад произошла славная битва, во время которой литвинско-польское войско, возглавляемое прославленным полководцем Яном Ходкевичем, нанесло страшный удар тем же самым туркам, придавало ему еще большую решительность и отвагу, граничащую порой с безрассудством.

Наиболее ярко описал новую Хотинскую битву известный в свое время историк и археолог Д.Н. БандышКаменский в книге "История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства": "Уже польские войска перешли через Днестр и устремились на скопившегося под Хотином Гусейна-пашу... Сей искусный полководец (Собесский — Авт.) не только восторжествовал над завистливым соперником, литовским гетманом Пацем, но еще сумел против Гусейна вооружить молдавского господаря Стефана Петричейка и волохского Григория Гика, которые обратили на турок свое оружие. Измена довершила их поражение. Двадцать тысяч мусульман остались на месте, десять тысяч потонули в Днестре во время постыдного бегства. Поляки никого не брали в плен: несчастный Гусейн спас жизнь свою для позорной только смерти. Хотин достался победителям. Число убитых воинов Собесского простиралось до шести тысяч"...

Победа была полной. Казалось бы, пришло время "почивать на лаврах". Но в лагере победителей стало известно, что, оказывается, 10 ноября (как раз накануне битвы) умер Михал Корибут Вишневецкий. Государство вновь оказалось без правителя.

Снова на освободившееся место нашлось множество претендентов. Кстати, теперь среди кандидатов, которых выдвигали на бесчис-

ленных сеймах и сеймиках, называлось и имя Михала Казимира. Но сам он, узнав о том, что за корону намерен бороться ближайший после смерти Богуслава его друг и родственник Собесский, решил поддержать его. И на выборном сейме, где выступал как один из самых влиятельных литвинов, первым призвал короновать Яна Собесского. Хотя и без того славный победитель "проклятых неверных" имел гораздо больше шансов, чем все его соперники. И 19 мая 1674 года Ян Собесский был избран королем Польским и Великим князем Литовским. Как с легким ехидством отметил тот же Бандыш-Каменский, "герцог нейбургский, лотарингский, баварский, князь трансильванский и многие властители старались на сейме получить польский престол. Собесский заставил избрать себя королем услугами Отечеству".

Михал Казимир и в дальнейшем оставался верен своему другу и родственнику. Он стал ближайшим советчиком и сподвижником нового короля. После участия во всех обрядах и торжествах, проводящихся при восхождении избранного государя на трон, Радзивилл начал готовить армию княжества к новой кампании против турок. А поскольку казна вновь оказалась пустой, то именно ему пришлось отправиться в Данциг, чтобы заложить там королевские драгоценности. Правда, поездка эта была неудачной. Ни один из тамошних банкиров не согласился провести эту операцию.

А Пацы, сторонники австрийской партии, в это время активно выступали против нового короля. Плечом к плечу стояли канцлер великий литовский Криштоф Пац, гетман великий литовский и виленский воевода Михал Пац и епископ жмудский Казимир Пац. Они не хотели признавать жену Собесского Марысеньку королевой, а их сына Якуба королевичем. И вообще требовали, чтобы избрание короля отныне происходило лишь в том случае, когда за него выступают все участники сейма.

В такой обстановке Собесский решил создать возле себя своеобразную группу поддержки. Кроме Радзивиллов, в верности которых король не сомневался, он приблизил к себе Сапег. Именно при поддержке этих семейств он смог принести 5 июня 1674 года королевскую присягу. Правда, коронацию, из-за назревающей новой войны с турками, пришлось отложить до более благоприятного момента.

А Михал Пац тем временем, вновь сославшись на болезнь, отбыл "на воды" в Силезию. По-видимому, подобным поступком он собирался привести в замешательство армию и навредить Собесскому. Но просчитался, ибо в его отсутствие авторитет несвижского князя среди солдат значительно возрос. Радзивилл без труда удерживал в своих

руках командование, король мог быть спокоен. Впрочем, к началу похода Пац вернулся, и осенью литвинская армия под командованием обоих гетманов двинулась на Украину.

Взаимоотношения великого и польного гетманов в это время напоминали взаимоотношения кошки и собаки. Но войска княжества успешно прошли боевой путь от Бара до Брацлава, где встретились с армией коронной, ведомой самим Собесским. После чего Пац с большей частью своих сил покинул лагерь. Радзивиллы же и Сапеги с собственными хоругвями остались.

Король вынужден был вести войну, имея значительно меньшие силы, чем рассчитывал. Забегая вперед, скажем, что, несмотря на это, ему удалось остановить татарский набег, защитить Львов и заставить татар бежать с территории Речи Посполитой в Молдавию.

"Куда же повел войска вероломный Пац?" — быть может, спросит читатель. Не без злого умысла он оказался во владениях Михала Казимира, где и расквартировался на зиму.

Узнав об этом и смекнув, какой огромный ущерб будет нанесен ему непрошеным гостем, Радзивилл пожаловался королю. Возмущенный не менее своего родственника, Собесский подготовил "акт обвинения" Паца. К сожалению, на время военных действий ничего изменить было нельзя. Пока один из гетманов героически сражался, второй безнаказанно разорял владения героя. Покинул их Пац только весной.

В конце осени 1675 года участники очередного сейма попробовали устранить возникший между Пацем и Радзивиллом конфликт и помирить их, но достигли в этом немногого.

В период временного затишья в боевых действиях Михал Казимир с головой окунулся в политическую жизнь государства. Он активно участвовал в предкоронациОнных сеймиках. Всюду выступал как сторонник Собесского, организовывал общественное мнение. А в конце января сопровождал Яна в Краков на коронацию и последующий сейм. Там Михал Казимир резко выступил против Паца, обвиняя его в саботаже, в том, что гетман великий литовский парализует военные действия на Украине, и, в связи с этим, потребовал восстановления неподчиненности польного гетмана великому. На своей должности он соглашался подчиняться лишь королю.

Слова Радзивилла вызвали бурный спор, едва не переросший в свару. Это могло привести к срыву сейма. Поэтому Михал Казимир все-таки счел благоразумным пойти на попятную и признать, что погорячился. Затем несвижский князь выполнил несколько дипломатических поручений короля. Кроме того, он был зачислен в комиссию,

которая должна была контролировать работу монетного двора. А в июле 1676 года Радзивиллу была поручена охрана границ Подляшского воеводства от турецко-татарских набегов. В сентябре его пехотный полк с успехом сражался под Станиславом. Сам же Михал Казимир в следующем месяце принял участие в битве на берегу Днестра у Журавны, битве, в которой все атаки турок и татар были отражены, и в результате наконец-то заключен долгожданный мирный договор с Турцией. Договор этот можно было бы расценить как сомнительный успех. Ведь под властью турок оставалась Подолия, город Каменец-Подольский. Однако захваченные Радзивиллом города Белая Церковь и Поволочь отходили к Польше, отменялась дань (а это 22 тысячи злотых ежегодно). И, как бы то ни было, Речь Посполитая на некоторое время получила передышку от кровопролитной войны.

Михал Казимир, сбросив с плеч бремя военных и государственных дел, задумал совершить вместе с женой поездку по Европе. Чувствуя усталость от всего пережитого за последние годы, теперь он хотел только одного — отдыха и спокойствия. Король попробовал придать семейному вояжу Радзивиллов официальный характер, предложив мужу сестры выполнить походя несколько дипломатических поручений, но Михал Казимир решительно отказался.

Радзивилл повез свою супругу по тем местам, которыми когда-то, будучи юношей, он восхищался в обществе своего отца. В Риме путешественники навестили шведскую королеву Кристину, сам папа римский Иннокентий XI пригласил их на прием в Ватикан. В Вене Михал Казимир с супругой нанес визит вежливости императору Леопольду I.

Из путешествия чета Радзивиллов вернулась в июне 1678 года. И вновь несвижский князь должен был окунуться в полную интриг, подлости, предательства политическую жизнь своей державы. Дело в том, что планы в отношении внутренней и внешней политики, которые давно вынашивал и начал наконец цретворять в жизнь Ян Собесский, вызвали огромное недовольство представителей многих знатнейших родов Речи Посполитой. Ведь король решил полностью изменить политическую ориентацию государства.

Ян III (так после коронации официально он именовал се.бя) надеялся подписать надежный и длительный мир с турецким султаном, улучшить отношения с русским царем. А еще заключить союз с Францией и Швецией и начать вместе с ними борьбу против Австрии и Бранденбурга. Благодаря чему король надеялся полностью подчинить Польше Прусское герцогство с Кенигсбергом и получить

таким образом немалый отрезок побережья Балтийского моря и Силезию, находившуюся тогда под властью Австрии.

А в Речи Посполитой Собесский намечал провести реформы, направленные на усиление государственной (в том числе и его личной) власти, а значит, и на ограничение привилегий магнатства. Понятно, что подобные планы вызвали образование весьма мощной оппозиции. В Польше оппозиционеров возглавили родственник бывшего короля гетман польный коронный Дмитрий Ежи Вишневецкий и епископ краковский Анджей Тшебицкий, а в Великом княжестве Литовском — Пацы. Еще больше усилила положение противников короля всемерная помощь, которую оказывали им Габсбурги. Магнатство Речи Посполитой не желало ослабления своей власти. А польская знать к тому же стремилась вернуть себе захваченные турками владения на Подолии. Вечный мир с султаном лишал их этой возможности. К тому же магнатство на сей раз получило огромную поддержку средней и мелкой шляхты, не пожелавшей лишаться "золотых вольностей".

Михал Казимир горячо поддержал начинания своего царственного друга и родственника. Он активно начал объединять вокруг короля противников Пацев. Для этого провел в июле в своей Белой по согласованию с Собесским съезд сторонников. На нем обсуждали, говоря современным языком, стратегию и тактику совместной борьбы на многочисленных сеймиках, которые предшествовали намеченному на конец этого и начало следующего, 1679 года вальному сейму в Гродно. Михал Казимир принял активное участие и в работе сейма. Неожиданно для собравшихся он выступил не как слепой приверженец идей короля, но как человек мыслящий, имеющий и свою точку зрения. В частности, несвижский князь горячо противился союзу со Швецией.

Радзивилл прекрасно ориентировался в политической обстановке и понимал, что борьба с Австрией ни к чему хорошему не приведет. Поскольку самый сильный союзник Речи Посполитой, французский король Людовик XIV, который к этому времени уже успел отхватить для своей страны изрядный кусок соседних владений, предпринимал много усилий к тому, чтобы заключить мир и с Австрией, и с Бранденбургом. Австрийский император Леопольд I подписал договор с русским царем. Да и уверенности в том, что турецкая армия не начнет очередной поход на земли Речи Посполитой, не было. Михала Казимира поддержали. Причем не только представители оппозиции, но и сторонники короля.

Яну Собесскому в этих условиях пришлось уступить. Он отказался от некоторых своих планов, более того, сумел проявить гибкость и вы-

ступил за союз с Австрией против турок. Пообещал подданным целую коалицию европейских государств, которые бы совместными усилиями повели планомерную борьбу с ненавистной всем Османской империей.

Большинству магнатов понравились новые планы монарха. И, заручившись поддержкой, энергичный Ян Собесский приступил к их выполнению. Он обратился к Михалу Казимиру, чтобы тот взял на себя переговоры с потенциальными союзниками в борьбе с против турок. Несвижский князь с готовностью согласился взвалить на свои плечи эту ответственную миссию и в начале июля 1679 года отбыл за границу. Сперва он отправился в Вену, где в течение нескольких недель пытался склонить императора к идее об образовании антитурецкой коалиции совместно с Речью Посполитой и Россией. Но вопреки ожиданиям все его усилия оказались напрасными. С недоверием отнеслись к предложению Яна Собесского и правители Баварии, Флоренции, Пармы, Мантуи и Медины, а в Венецию Радзивилла со свитой вообще не пустили, сославшись на распространение по Италии морового поветрия.

Оставался Рим. Последняя надежда на успех акции была связана с папой римским, который мог бы на правах главы католической церкви убедить европейских политиков в необходимости военно-политического союза против неверных.

4 августа 1680 года Михал Казимир встретился с папой. Встреча эта оказалась безрезультатной, ибо и наместник святого Петра на земле не осознал необходимости того, что предлагали дальновидные политики Речи Посполитой.

Огорченный неудачей своей миссии, Радзивилл отправился в обратный путь. В дороге он вспоминал подробности всех своих встреч, переговоров. Мучительно искал хоть какой-нибудь аргумент, который мог бы убедить кичливых европейских правителей в необходимости коалиции. И с горечью понимал, что даже правители итальянских республик да монархий, подданным которых часто доводится проливать кровь в морских сражениях с мусульманскими пиратами, никогда не пожелают объединить свои.усилия.

Кто знает, может быть, осознание тщетности всех надежд и стало причиной болезни князя. С трудом добрался он при помощи своих спутников до Болоньи и слег в собственном дворце, купленном когда-то еще его дедом, Миколаем Криштофом Радзивиллом Сироткой, в том самом, где отошел в мир иной его отец.

24 ноября 1680 года князя Михала Казимира Радзивилла не стало. Душа его отлетела на небеса, а тело нашло временное упокоение в

местном костеле францисканцев. В начале следующего года Михал Казимир, согласно его предсмертному желанию, отправился в свой последний путь на родину. Украшенная траурными лентами карета день за днем неторопливо катилась по пыльной дороге, подпрыгивая на ухабах. И тело князя покачивалось, будто плыло на ладье по реке. И сама дорога напоминала реку, временами тихую и неторопливую, но чаще бурную и порожистую. И несла князя эта река к последней скорбной гавани. Человек, которому всю жизнь раз за разом приходилось выбирать, к какому же берегу пристать, покинув чужую землю, где так ярко светит солнце, так теплы лазурные волны, так веселы и беспечны люди, возвращался на родину, к тихой и неброской красоте лугов и озер, к величественному хору шумящих на ветру родных сосен и берез, к печальным песням и молитвам на польском и белорусском, которые раздаются под сводами несвижского фарного костела. Он возвращался, чтобы каждый день слышать их, произнесенных добрыми голосами горожан и крестьян-несвижцев, лежа в каменном саркофаге рядом с предками в просторных подземельях этого костела. Последний выбор сделан.

ВТОРАЯ ДАМА КОРОЛЕВСТВА

У ворот варшавского монастыря кармелиток остановилась карета с королевскими знаками на дверцах. Человеку, вышедшему из нее, достаточно было сказать всего несколько слов, чтобы старая сестра-привратница отворила. Да и как было не отворить, когда приехавший назвал себя папским нунцием и показал верительную грамоту. К сестрам-кармелиткам он приехал по просьбе короля Речи Посполитой Яна Собесского. Ведь именно в этом монастыре три года назад, в 1687 году, нашла себе пристанище любимая сестра польского монарха Катажина Радзивилл, вторая после королевы дама Речи Посполитой. Ее появление в этих стенах было связано с крупным скандалом. Катажина Радзивилл поссорилась с коронованной супругой Яна Собесского, Марией Д'Аркьен. Жена и сестра короля, до этого считавшиеся лучшими подругами, не поделили места в костеле. По этикету место королевы во время богослужения в храме — на возвышении по левую руку от короля. Катажина же хотела занять такое же место, но справа от брата. Марии Д'Аркьен показалось это унижением ее достоинства монархини.

—Никогда и нигде низшие не сидят в одном ряду с высшими, — глубокомысленно изрекла королева.

—Уж не считаете ли вы, пани, старинный рыцарский род Собесских, к которому я принадлежу, низшим по отношению к роду затрапезных французских дворянчиков Д'Аркьенов? — парировала Катажина.

—Выйдя замуж, и я, и вы сменили и семью, и фамилию, — задыхаясь от гнева, ибо было задето ее самое больное место, прошептала королева.

— Ну что же, — невозмутимо продолжала Катажина, — сколь ни славен род Собесских, ему никогда не сравняться могуществом и знатностью с родом моего покойного супруга, Радзивилла.

Оскорбленная королева потребовала, чтобы сестра ее мужа немедленно покинула их дворец, где та жила по приглашению Собесского уже несколько лет. И Катажина демонстративно переехала в монастырь кармелиток. Ей, конечно же, было куда податься. Богатейшие имения, оставленные в наследство покойным мужем, ждали свою хозяйку. Но Катажина считала, что после королевского дворца без риска унизить свое достоинство она может жить только в доме невест Божьих.

Опечаленный ее отъездом, король уже четырнадцать раз через известных и влиятельных духовных особ Польши пытался вернуть сестру, но ее ответ был неизменным:

— Я вернусь только тогда, когда меня попросит об этом королева.

Ян Собесский, с юности привязанный к Катажине и пылко любивший жену, пытаясь помирить былых подруг, метался между двух огней, но чванливые женщины не соглашались уступить. Личная жизнь короля постепенно превращалась в ад. И тогда он как к последнему средству решил обратиться за помощью к папскому нунцию.

Когда в монастыре кармелиток доверенной особе папы римского представили пятидесятишестилетнюю упрямицу, гордую и непреклонную, он сразу же понял, что если не пойти ей на уступку, разговора не состоится. Для Катажины Радзивилл не существовало авторитетов.

—Допустим, пани, — дипломатично начал он разговор, — королю удастся подчинить супругу своей воле, и она лично попросит вас вернуться во дворец...

— Пожалуй, я соглашусь, — проговорила Катажина, — но в первое же воскресенье после того, когда мы всем двором отправимся на богослужение, причина нашего спора опять, встанет между нами.

— Я вновь говорю, допустим, пани. Допустим, ваш спор разрешится в вашу пользу. И вы займете вожделенное место справа от короля...

—Что в таком случае потребуется от меня? — перебила в нетерпении Катажина.

Папский нунций понял, что настало время ставить условия:

—Вы публично извинитесь перед королевой за те оскорбления, которые нанесли ей в пылу ссоры.

— Я принимаю это предложение, — улыбнулась Катажина Радзивилл. — Генрих IV сказал, что Париж стоит мессы, а я скажу, что место рядом с королем стоит покаяния...

Современники говорили, что Катажина Радзивилл была соткана из двух достоинств, которые равно можно было считать и недостатками — гордости и настойчивости. Их она получила в наследство от славных предков.

Дед Катажины, Марек Собесский, сражался на поле брани бок о бок с королем Стефаном Баторием и был им настолько уважаем, что монарх изрек однажды в адрес этого рыцаря: "Если бы судьба моей короны зависела от поединка, то я не пожелал бы лучшего противника".

Отец Катажины, Якуб, придерживался во всем сурового кодекса рыцарской чести, смело говорил в лицо своему государю правду,

какой бы горькой она ни была, и не боялся при этом впасть в немилость. Урезая потребности своей семьи, приучая детей к спартанскому образу жизни, Якуб Собесский все возможные средства тратил на экипировку и снаряжение собственного маленького войска — нескольких гусарских хоругвей. Зато завистники называли воинов Собесского "золотыми гусарами", настолько холеными, пышно одетыми и прекрасно вооруженными они были.

Мать Катажины, Зофья Теофиля Данилович, была во всем под стать своему супругу. Она приходилась внучкой гетману великому коронному Станиславу Жолкевскому, прославленному польскому полководцу, которому выпала честь во время борьбы короля Сигизмунда ИТ за московский престол взять в плен русского царя Василия Шуйского. Жолкевский погиб как герой в битве с турками при Цецоре. Будучи окружен врагами, гетман спешился, убил любимого коня, чтобы он не достался туркам, и принял с маленькой горсткой людей свой последний бой. Говорили, что он умер "стоя, как подобает императору".

Зофью Теофилю называли "гордой римлянкой". Постоянно вспоминая о деяниях предков, она мечтала, что ее дети будут достойны дедовской славы. Говоря о детях, эта почтенная матрона имела в виду, конечно же, сыновей. Их у Собесских было двое: Марек и Ян. Катажина была младшим и нелюбимым ребенком своей матери.

Она появилась на свет 7 января 1634 года в родовом имении Злочев. Зофья Теофиля, мечтавшая о третьем сыне, не смогла скрыть досады. Впрочем, довольно скоро она определила место дочери в семье. Катажина станет монахиней. Она будет служить Богу, как ее тетка, Анна Собесская, настоятельница монастыря бригиток в Гродно. Ведь должен же кто-нибудь замаливать грехи славных рыцарей, вынужденных на поле боя убивать! И должен же кто-то постоянно напоминать Пану Езусу о нуждах и потребностях героев из рода Собесских!

Такое решение ставило девочку в особое положение, отделяло от братьев. Радея о самом лучшем образовании для Марека и Яна, родители спокойно относились к тому, что в десять лет Катажина знает один только польский язык, да и то так плохо, что пишет на нем с ужасными ошибками, а читает по слогам.

Ее не учили ни истории, ни географии, ни математике, ни верховой езде, ни танцам, ни тайнам женского обаяния. К чему все это будущей монахине? Зато Зофья Теофиля как можно пристальней относилась к религиозному воспитанию дочери, которая, по ее разумению, должна была стать не просто набожной, но фанатично

верующей. Ничто не должно было отвлечь будущую невесту Господню от ее предназначения.

Катажина росла девочкой замкнутой, но напрасно думала ее мать, что молчаливость — признак послушания. В душе юной Собесской зрел протест.

Только один человек, кажется, чувствовал это, потому что только он любил Катажину по-настоящему. Ян Собесский, будучи старше сестры всего на пять лет, прекрасно помнил себя в ее возрасте и хорошо понимал детские радости и обиды. Дружба Яна и Катажины была тайной для родителей. Во время своих кратких наездов в Жолкву, родовое имение матери, где жила безвыездно будущая монахиня, брат рассказывал сестренке много интересного о Кракове, о забавах краковянок, придумывал для Катажины веселые игры, катал на своей лошади по окрестностям. Но в 1645 году им пришлось надолго расстаться. Отец решил отправить сыновей в заграничный вояж. В магнатских семьях Речи Посполитой существовала такая традиция. Юношам, приближающимся по возрасту к совершеннолетию или только-только перешагнувшим из мира подростков во взрослый мир, следовало поездить по странам Европы, дабы собственными глазами увидеть, как люди живут, послушать лекции в самых прославленных европейских университетах, набраться у других народов житейского опыта. Впрочем, у путешествия, в которое собрались по воле отца братья Собесские, была и иная, более прозаическая цель. Как раз в это время в Речи Посполитой проводились последние приготовления к новой женитьбе вдового короля Владислава IV. Невесту должны были привезти из Франции. Это была герцогиня Мантуанская Мария Гонзаго. Якуб Собесский надеялся, что, побывав на родине будущей польской королевы и слегка подучившись там придворным манерам, его сыновья смогут потом быстрее понравиться новой своей монархине. И кто же не знает, что королевы обычно раздают должности и милости гораздо щедрее, чем короли!

Катажина радовалась за любимого брата, которому предстояло вскоре увидеть так много интересного, и завидовала ему. А Ян обещал сестренке подробно описывать весь свой путь, все встречи, все происшествия.

Одно из таких писем, написанное довольно фривольно, родители перехватили, и оно их так шокировало, что Якуб Собесский решился послать вдогонку лишившимся родительского пресса и вмиг опьяневшим от свободы детям строгие наказы, в которых подробно изложил, как Мареку и Яну следует вести себя во Франции. Эта страна,

особенно славившаяся легкостью нравов, больше всего пугала отца юных путешественников.

"Что касается разговоров с жителями этой страны, — писал Собесский, — то я предупреждаю вас как отец и прошу ради всего святого быть осторожными, как с огнем, так как это легкомысленная беспокойная нация, более чем несерьезная... Эти французы превращают всякий пустяк в вопрос чести и сейчас же готовы умереть изза него или драться на дуэли. Самое скверное то, что все, и старые, и молодые, одинаково настроены. Они легко дружатся со всяким, но так же легко и отворачиваются от него".

Собесский просил своих сыновей также не играть в карты с французами и не доводить дела до дуэлей с ними. Последнее, впрочем, не столько из-за неуверенности отца в фехтовальном мастерстве детей, но из-за строгих законов по отношению к дуэлям и дуэлянтам, принятых не так давно во Франции. Собесский не хотел, чтобы Марек или Ян попали в Бастилию.

Судьба распорядилась так, что сыновьям его в Париже было совсем не до дуэлей и тем более не до развлечений. Ровно через месяц после их прибытия в столицу Франции гонец из Польши привез им печальную весть о скоропостижной смерти отца.

Этому поспособствовали следующие обстоятельства. Король Владислав IV объявил подданным о своем намерении воевать с турками. Война входила в условия союзнического договора Польши с запорожскими казаками, которые помогали в свое время Владиславу в борьбе за московский престол, а теперь с воодушевлением ожидали совместного похода на неверных. Но многие из подданных короля Речи Посполитой считали, что их страна не готова к этому ни морально, ни материально. Тем не менее, вслух сказать об этом Владиславу IV нашли в себе мужество только двое из них: несвижский князь Александр Людвик Радзивилл и Якуб Собесский. Когда все их доводы были исчерпаны, отчаянные магнаты недвусмысленно намекнули на возможность низложения монарха, толкающего подданных в бездну.

И тогда все громы небесные обрушились на их головы. Король назвал Собесского "выскочкой", наговорил ему множество иных грубостей. Ошеломленный Собесский не вынес позора. У него случился удар...

Оставшись вдовой, Зофья Теофиля вынуждена была срочно пересмотреть свои планы относительно детей. Из-за того, что Якуб умер в опале, Марек и Ян не могли теперь рассчитывать на быстрое возвышение и хорошую карьеру. Нужна была протекция какого-нибудь

влиятельного при дворе человека. Но как ее добиться? Не надеясь, что это удастся с помощью денег, Собесская вспомнила вдруг, что у нее имеется дочь. Скрепя сердце, мать изменила первоначальное свое решение относительно Катажины. И стала срочно подыскивать ей влиятельного мужа.

К этому времени девочке исполнилось 14 лет. Ее нельзя было назвать красавицей из-за грубоватых и неправильных черт лица. Зато Катажина обладала прекрасной фигурой, завидным ростом, горделивой королевской осанкой и походкой. В общем, юная княжна Собесская могла понравиться. И ей самой очень хотелось нравиться. Избавленная после смерти отца от затворничества в Жолкве, Катажина по-детски неумело пыталась очаровывать всех подряд приятелей братьев, заезжавших к ним в гости. Впрочем, скоро мать объявила ей, что жених избран, им будет воевода краковский князь Владислав Доминик Заславский-Острожский. Венчание состоится сразу, как только Катажине исполнится 16 лет.

Вполне возможно, что при других обстоятельствах Катажина спокойно приняла бы это предложение и даже была бы счастлива. Но тон матери был настолько безапелляционным и ее отношение к чувствам подросшей дочери настолько безразличным, что так долго сдерживаемый в душе юной Собесской протест наконец прорвался наружу. Она решила, что ее мужем ни за что не будет тот, кого выбрала мать. Она выйдет замуж по великой .страсти. Осуществлению решения Катажины поспособствовали печальные политические события. Запорожские казаки под предводительством Зиновия Богдана Хмельницкого начали войну "против польского магнатства". Враги Собесских высказывались, что это произошло якобы потому, что своим выступлением против турецкого похода, а потом и неожиданной смертью отец Катажины все-таки склонил Владислава IV к нарушению союзнического договора с казаками. Но причины казацкой войны, конечно же, были более глубокими. Казаки выступили против религиозных ущемлений православных в Речи Посполитой, а также за возвращение многих, отнятых у них Владиславом, казацких вольностей. Их поддержали крестьяне на Украине и в Беларуси. Особенно политическая обстановка осложнилась после внезапной смерти Владислава IV, после которой наступил период бескоролевья.

Спасаясь от огня войны, вдова Собесского перебралась с дочерью-невестой во Львов, где у них был свой дом. Тут Катажина встретилась с первой своей любовью. Ею стал семнадцатилетний князь Дмитрий Вишневецкий. Молодые люди встречались украдкой и очень скоро по причине своей неопытности и неосторожности столкнулись с

серьезной проблемой: Катажина почувствовала, что должна стать матерью.

Как это и надлежит порядочному человеку, князь Дмитрий тут же отправился к вдове Собесского просить руки ее дочери. Но, узнав обо всем, Зофья Теофиля, вопреки надеждам Катажины, решительно воспротивилась этому браку. Ни увещевания Дмитрия, ни заступничество за сестру Яна, ни слезы самой девушки не помогли. Любовников разлучили. Катажина вновь стала затворницей. Теперь ее скрывали ото всех, чтобы князю Заславскому-Острожскому до свадьбы (не дай Бог!) не стало ведомо о положении невесты.

В конце 1649 года Катажина произвела на свет крепкого, здорового младенца. Сына. Его тут же отняли у нее и, невзирая на стоны и мольбы, куда-то увезли.

Близилось время свадьбы. В январе 1650 года Катажина стала совершеннолетней, а через два месяца ее силком повели к алтарю. Когда ксендз начал обряд венчания, на площади перед костелом поднялся шум. Дмитрий Вишневецкий привел вооруженный отряд, чтобы отбить невесту. Но когда он ворвался в храм, было уже поздно: священник успел соединить руки плачущей Катажины и Заславского-Острожского. В этом браке ей предстояло прожить шесть лет. Это были годы страданий и потрясений. Муж не уважал ее, узнав о внебрачной связи, называл Собесских обманщиками, хотя сына Катажины Александра согласился усыновить и дать ему свою фамилию. И, конечно же, он не стал помогать братьям жены протекцией. Те вынуждены были добывать положение в обществе на поле боя.

В 1651 году в сражении с казаками и примкнувшими к ним татарами у Берестечка был тяжело ранен Ян Собесский. А в 1652 году в жестокой сече у Батога геройски погиб Марек Собесский. Очередным ударом была весть о женитьбе Дмитрия Вишневецкого на княжне Замойской.

Время для несчастной Катажины как будто остановилось, она перестала воспринимать действительность, замкнулась в себе. На землях Речи Посполитой бушевали войны с казаками, с русскими, со шведами. При дворе нового короля Яна Казимира плелись интриги. Но Катажина жила так, как будто бы кроме нее и ее несчастья ничего на земле не существовало. Словно во сне она двигалась, разговаривала, рожала мужу дочерей: Теофилю, Людвику, Эфрозину.

В апреле 1656 года она овдовела. Два года после этого — "terra incognita" для исследователей биографии Катажины Собесской. Как она жила? Чем занималась? О чем мечтала? Можно строить только догадки. Но, тем не менее, именно эти два года стали для нее

переломными. Именно в этот период из почти сломленной несчастьями молоденькой женщины Катажина превратилась в горделивую, целеустремленную, знающую себе цену даму. Хочется верить, что обрести себя вновь помог ей брат. Ведь именно Яп Собесский был назначен опекуном двадцатидвухлетней вдовы и ее детей. Брат и сестра имели все предпосылки для возобновления былых доверительных отношений. Она прошла через утрату любви и шестилетние мучения рядом с нелюбимым человеком. Он же в это время страдал от внезапно вспыхнувшей страсти к пятнадцатилетней фрейлине королевы Марии Гонзаго. Как и государыня Речи Посполитой, возлюбленная Собесского была француженкой, и ее также звали Марией. Марией де Лагранж Д'Аркьен. Он называл ее Марысенькой. Марысенька была ветрена, как большинство молоденьких и хорошеньких француженок, и очень неопытна в делах любви. Собесский нравился ей, но открыто признаться кавалеру в этом она боялась. Ян же не решался на конкретные действия по двум причинам. Вопервых, он не был уверен во взаимности. Во-вторых, узнав о чувствах двадцатисемилетнего сына к "чужеземке", старуха Собесская, которую из-за ее крутого нрава Ян побаивался всю свою жизнь, категорически выступила против такой невестки.

Не может быть, чтобы Катажина, сама в свое время пострадавшая из-за диктата матери, не пыталась помочь брату в его трудностях, подсказать выход. Но как бы там ни было, Собесские опоздали с решением. Руки Марысеньки попросил более богатый и более влиятельный жених, воевода киевский Ян Замойский. И королева, считавшая себя опекуншей и воспитательницей дочери бедных дворян Д'Аркьенов, решила, что лучшей партии для девушки нечего и ожидать.

В марте 1658 года, специально ради этого покинув на время театр военных действий, несчастный Собесский, кусая губы, присутствовал на торжественном бракосочетании его Марысеньки с Замойским в Варшаве. Королева превратила это событие в пышный праздник. Она сама готовила юную фрейлину к венцу и надела ей на голову великолепную диадему из алмазов — подарок жениха. Русский исследователь польского происхождения К. Валишевский в своей книге, посвященной Марысеньке Д'Аркьен, пишет: "Блестящий кортеж сопровождал невесту до церкви, где присутствовали сотня "гайдуков", сотня разных слуг, восемнадцать пажей и шесть трубачей, принадлежавших Замойскому. На свадебном пиру за здравие молодой было выпито около 300 бочек венгерского вина. Наконец их польские величества лично проводили новобрачных до самого замка Замостья".

Из Замостья, родового имения Замойских, где продолжалось еще несколько дней свадебное пиршество, Ян Собесский поехал прямо к сестре. На этот раз не один, а с боевым товарищем, бывшем на свадьбе Марысеньки дружкой жениха, Михалом Казимиром Радзивиллом.

Ровно через четыре месяца после пышного свадебного торжества Марии Д'Аркьен в доме Собесских во Львове относительно скромно было отмечено бракосочетание Катажины и князя Радзивилла.

И вновь — загадка для исследователя. Практически ничего не известно о том, как протекал этот молниеносный роман. Что было причиной заключения брака? Любовь с первого взгляда? Стремление двух боевых товарищей породниться? Династические соображения? Желание Собесского своеобразно отомстить матери, которую считал виновной в потере Марысеньки, выбрав мужа для сестры без совета с нею?

А почему бы не сделать предположение самое прозаическое и вместе с тем самое естественное? Случайно встретившись, одинокие мужчина и женщина просто захотели согреть друг друга теплом нерастраченных, невостребованных никем чувств. Проводя месяц за месяцем, год за годом в седле на полях сражений, Михал Казимир, безусловно, не однажды думал о возможной гибели. Что останется тогда на этой земле после него? Его слава? Это, конечно же, немало. Но князю хотелось иметь наследника, чтобы было кому хранить и умножать эту славу. Увидев Катажину, молчаливую женщину, в глазах которой еще жили отблески недавних страданий, возвысивших и облагородивших ее облик, Радзивилл решил, что именно она должна стать матерью его ребенка.

А Катажина? Разве могла она отказать герою, прославившему себя в битвах с многочисленными врагами, со всех сторон надвигающимися на их родину? Разве могла не откликнуться на его искреннее предложение? Они стали мужем и женой. Михал Казимир обрел в своей супруге верного друга и советчика. Заметив ее трезвый ум и необыкновенную проницательность, а также интерес к политике, Радзивилл стал брать Катажину с собой на многочисленные сеймы, сеймики, трибуналы, в которых по служебным обязанностям должен был принимать участие.

В июне 1659 года жена родила Михалу Казимиру сына, которому дали имя Миколай Францишек. Но, вопреки ожиданиям супруга, Катажина не переключила свое внимание на малютку. Рождение детей для Собесской, побывавшей уже замужем, перестало являться событием. Младенца скоро отдали под присмотр кормилиц и нянек, и

Катажина по-прежнему могла сопровождать мужа в поездках. И только тогда, когда рыцарский долг призывал князя принять участие в очередном военном походе, он расставался с женой. Но и в это время Катажина незримо была рядом с ним, в своих письмах к воевавшему мужу она рассказывала обо всех событиях, свидетельницей которых была, держала его в курсе всех дворцовых новостей, интересовалась его здоровьем, настроением, тем, что происходило в театре военных действий. Когда осенью 1659 года Михал Казимир принимал участие в освобождении от шведов крепостей королевской Пруссии, только один человек, говорили, получал писем больше, чем он. Это был Ян Собесский. Но если Михал Казимир имел право читать свою корреспонденцию, не скрываясь от чужих глаз, брат Катажины делал это украдкой, пряча надушенные листки у сердца. Потому что это были послания от чужой жены, пани Марысеньки Замойской. Он все-таки признался ей в любви и, хоть и с опозданием, услышал в ответ слова взаимности. Имение Замойского Замостье и имение Собесского Пиляшковичи находились близко одно от другого. И это давало возможность Яну часто видеться с предметом своей страсти. Он кинулся в любовь, как в омут...

Видя это и понимая, что ничем хорошим обычно такие романы не оканчиваются, Катажина сделала все, чтобы переключить внимание брата на что-нибудь иное. Добыть военную славу, по мнению княгини Радзивилл, — вот достойная цель! И она на свои деньги собирает и экипирует вооруженный отряд в 200 человек для Собесского. С этим отрядом брат Катажины участвовал в 1660 году в боях с казаками атамана Юрия Хмельницкого (сына Богдана) и российскими войсками на Украине, где отличился личной храбростью и воинским мастерством. Ян обратил на себя внимание короля, который в этом же году за заслуги перед отчизной отдал Яну в пожизненное владение староство Стрыйское.

Вскоре после этого, вероятно, также по совету Катажины, Михал Казимир предложил шурину еще больше укрепить родственные связи, женившись на его старшей сестре Иоанне, похоронившей недавно мужа, вице-канцлера Лещинского. Если, описывая Марысеньку Д'Аркьен, современники называли ее красивой лишь с большими оговорками (она была очаровательна, мила, хороша, обаятельна, но вряд ли действительно красива), то об Иоанне Радзивилл мнение тех, кто ее видел и знал, однозначно — необыкновенная красавица, взявшая все самое лучшее от внешности своей матери, Текли Волович, самой прекрасной в свое время дамы Великого княжества Литовского. Иоанна Радзивилл могла затмить собою образ возлюбленной

Собесского, на что Катажина очень рассчитывала. Но этого не произошло. Потому что, узнав о предполагаемой женитьбе своего кавалера, пани Замойская решительно вмешалась в ход событий...

В мае 1661 года в Варшаве король собрал своих подданных на очередной сейм. Вопрос, который должен был решаться на нем, имел для Речи Посполитой огромное значение. Бездетные Ян Казимир и Мария Гонзаго хотели обеспечить будущее своей державы, при жизни выбрав преемника. Король выступил с речью, взволновавшей всех до глубины души: "Хотел бы я быть лжепророком. Но все это (современная политическая ситуация — Авт.) угрожает бедой Отчизне. Нет сомнения, что без своевременного выбора преемника Речь Посполитая станет добычей чужих народов: Россия и польская Русь возьмут себе родственное с ними языком и верой Великое княжество Литовское. Бранденбургу достанется Великая Польша, о Пруссии он или договорится со шведами, или же справится с нею мечом. А австрийский дом, при всех добрых намерениях, не откажется от Кракова, ибо каждый захочет получить часть Польши силою оружия, чем владеть всем королевством, защищенным привилеями против власти монарха". Сами король и королева предлагали избрать их преемником француза, принца Анри Жюльена Бурбона, который мог бы жениться на юной родственнице Марии Гонзаго, дочери ее родной сестры, Анне Генриетте Юлии. Одни паны и вместе с ними Ян Собесский готовы были поддержать предложение королевской четы, другие имели по этому вопросу отличное мнение. Михал Казимир, который был маршалком этого сейма, старался выдерживать нейтралитет. Споры и раздоры не стихали в зале заседаний.

И вот в этот напряженнейший момент в Варшаве появилась Марысенька Замойская, бледная и заплаканная. Не боясь стать предметом сплетен и пересудов, она нашла брата Катажины и стала укорять его в неверности. Бурная сцена завершилась совместным посещением костела кармелитов. "...Там, перед престолом, — пишет К. Валишевский, — приняла (Марысенька — Авт.) от него клятву, рассчитывая, что она останется священной благодаря простодушию смелого воина. Марысенька, вероятно, тоже поклялась, но что же она могла обещать, чего бы она заранее не исполнила и что бы не подразумевалось в ее первом признании?" Она поклялась Собесскому, что если овдовеет, то только он станет ее вторым мужем. Собесский же обещал ждать и надеяться. Они обменялись в храме кольцами, как обрученные.

Увидев на пальце брата это доказательство его любовного безумия, Катажина ахнула: тогда, как вся Речь Посполитая сокрушалась по

поводу отсутствия наследников у государя и обсуждала вопросы наследования вообще, Собесский совершил то, что лишало его возможности жениться и заиметь детей.

— Все в руках Божьих, — фаталистически отвечал Катажиие Ян. Он почему-то верил в возможность счастья с любимой женщиной.

Долгие разговоры о наследниках, которые велись на сейме в те дни, заставили многих подданных короля пересмотреть свои взаимоотношения с супругами. И не потому ли начало следующего 1662 года ознаменовалось целым рядом радостных событий — крестинами во многих магнатских и шляхетских семьях новорожденных граждан Речи Посполитой. 16 января Катажина тоже родила дитя. Михал Казимир назвал его Богуславом Криштофом в честь своего друга-кузена, Богуслава Радзивилла, личности исключительной, яркой, неповторимой. Правда, младенец родился слабеньким, и доктора вынуждены были с первых же дней окружить его особым вниманием и заботой. Но Катажина уверяла мужа, что иногда хилые и болезненные дети вырастают полными жизни и энергии людьми, а бутузы-здоровяки не доживают до годовалого возраста.

Увы, если бы Радзивиллам повезло встретить в это время врача, более умелого и опытного, он, возможно, смог бы углядеть в произошедшем симптом грядущего несчастья. Катажина сама была нездорова, и на время ей следовало бы воздержаться от рождения детей, подлечиться, отдохнуть. Возможно, знай об этом она сама или Михал Казимир, не случилось бы того, что надолго заставило их облачиться в траур. Уже во Львове, куда Катажина переехала за мужем из Варшавы, вслед за Богуславом Криштофом она родила дочку, окрещенную Теклей. Но девочка тут же умерла. В 1664 году появился на свет маленький княжич Ян, в 1665 — его брат Людвик. Но и этих детей Радзивиллы скоро похоронили. Богуслав продолжал болеть, природы его недуга доктора понять не могли. К тому же родители заметили, что мальчик заметно отстает от своих сверстников в умственном развитии. Опечаленный Михал Казимир, обсуждая с женой будущее этого ребенка, предполагал, что для него возможен только один путь — служение Богу. Производя на свет больное и нежизнеспособное потомство, Катажина стеснялась в присутствии мужа выказывать нежные чувства к детям от первого брака и, тем более, к своему первенцу Александру, рожденному в любви. Желая сохранить расположение Михала Казимира, она все больше внимания уделяла его делам. Но все равно личные проблемы заслоняли в это время общественные. 1665 год поистине оказался годом потрясений для семьи. Умерла Иоанна, сестра-красавица Михала Казимира, на которой

Собесский так и не женился. Почти одновременно с нею скончался муж Марысеньки, Замойский. Пошли слухи, что к этому приложила руку его хорошенькая вдовушка. К возлюбленной Яна Собесского "приклеилась" кличка Клитемнестра[1]. Но, невзирая на это, к ужасу Катажины, ее брат тут же женился на пани Замойской. Только сильнейшая, почти священная страсть храброго мужчины и фанатичная вера в невиновность своей любимой спасли Марысеньку от суда общественности. По настоянию Собесского жена поспешила наладить приятельские отношения с его сестрой. Очень скоро их стали считать задушевными подругами.

В феврале 1667 года Марысенька подарила мужу сына Якуба, или Жака (как на французский манер называла его она сама). Впрочем, счастливая Марысенька щедро поделилась с золовкой кое-какими женскими секретами, касающимися здоровья. Ведь и у нее самой, когда она была замужем за Замойским, рождались хилые дети, которых она хоронила. Использовав целительные рецепты жены брата, Катажина в марте 1668 года заимела, наконец, здоровое дитя, сына. Крестили новорожденного в радзивилловском имении Белая. Крестным отцом пригласили быть короля Яна Казимира, умилявшегося, что теперь его крестниками одновременно являются и Михал Казимир, и его отпрыск. Мальчику дали имя Ежи Юзеф.

По примеру Катажины Марысенька тоже решила всерьез заняться политикой. Но в отличие от супруги Михала Казимира, которая была скромной и тактичной советчицей, жена Яна Собесского вовсю интриговала и требовала от него подчинения ее решениям, зачастую далеко не продуманным. Мужья обеих женщин в то время уже занимали первейшие должности в государстве, добыв их боевыми подвигами и кровью, пролитой за Отечество. Михал Казимир был гетманом польным литовским и воеводой виленским. Собесский — гетманом великим коронным. Под их началом находилась большая часть вооруженных сил Речи Посполитой. Их голоса были решающими во многих политических коллизиях.

Самой главной политической проблемой государства по-прежнему оставался вопрос наследования престола, так как к единому решению о преемнике подданные Яна Казимира так и не пришли. Существовали две сильные партии — французская и австрийская. Они-то в основном и спорили друг с другом: принцу из какой страны украсить в будущем свою голову короной Речи Посполитой. Француженка

---

[1] Клитемнестра — героиня древнегреческой мифологии. Жена царя Аргосского Агамемнона, убившая его, чтобы выйти замуж за своего любовника.

Марысенька, поддерживаемая своей постоянной опекуншей-королевой, перетянула Собесского в профранцузский лагерь. Тогда как Михал Казимир и Катажина явно отдавали предпочтение австрийской кандидатуре...

В июне 1668 года неожиданно для многих поляков и литвинов король, уставший от бремени власти, заявил на очередном сейме о своем желании отречься от престола и уйти на покой. Это должно было ускорить принятие решения о преемнике. Но, вопреки ожиданиям, нового монарха страна получила только через год. И такого, о котором не могли даже помыслить ни Радзивилл, ни Собесский, ни, тем более, их супруги. Большинство избирательских голосов было отдано за молодого, неопытного и ничем еще себя не прославившего Михала Корибута Вишневецкого. Оба магната-родственника сразу же оказались в оппозиции к новоизбранному королю. Ни к чему хорошему в стране, раздираемой внутренними противоречиями и постоянно находящейся перед опасностью новых войн с соседями, это привести не могло. И Катажина, надо отдать ей должное, была одной из первых, кто это понял. Она приложила все свои силы, чтобы примирить мужа и брата с молодым королем. Зная, что на Михала Корибута оказывает огромное влияние его мать, княгиня Гризельда, Катажина сошлась с нею. Опасаясь за сына, который не мог чувствовать себя уверенно и спокойно на троне, имея таких могущественных врагов, Гризельда Вишневецкая охотно стала союзницей Катажины Радзивилл в этом деликатном деле. Общими усилиями двум неглупым женщинам удалось уговорить своих мужчин попробовать найти общий язык. Сначала подал руку Вишневецкому Михал Казимир. Ему не так уж легко было это сделать, потому что кроме объективных причин не доверять королю у него имелись и субъективные. Когда-то отец Радзивилла долго судился с отцом нынешнего монарха, Иеремией Вишневецким, и дошло до того, что оба стали считать друг друга злейшими врагами. Овдовев, Александр Людвик Радзивилл решил привести в дом новую мать для своих сироток. Он выбрал тоже вдову, Эугению Катажину Вишневецкую из Тышкевичей. И все было бы хорошо, если б не вмешался ближайший родственник вдовы, троюродный брат ее мужа, Иеремия Вишневецкий. Он отнял у несчастной женщины детей, заявив, что является их опекуном и лучше матери сможет их воспитать. Ни слезы, ни мольбы не помогли. Отсудить детей тоже не удалось. Условием возвращения детей Эугении Катажине Вишневецкий стал развод с Александром Людвиком. Она была вынуждена пойти на это. А Радзивилл проклял Вишневецкого за зло, причиненное его семье.

В знак того, что теперь прежние обиды забыты раз и навсегда, по совету Катажины Михал Казимир пригласил короля и его мать стать крестными своего сына, который родился в 1669 году в Кракове. Вишневецкие дали мальчику имя Кароль Станислав.

Тяжелее и дольше сходился с королем Собесский. Только начало Турцией военных действий против Речи Посполитой ускорило процесс примирения. Чтобы король окончательно забыл о проступках брата, Катажина предложила Вишневецким породниться. У нее уже подросла дочь от первого брака, Теофиля, которую можно было бы выдать за ближайшего родича короля. Но родных братьев у Михала Корибута не было. Единственным родственником, который годился в женихи, монарх Речи Посполитой назвал не так давно ставшего вдовцом сорокалетнего каштеляна краковского Дмитрия Вишневецкого. Это был первый возлюбленный Катажины, отец ее старшего сына...

Дела государственной важности не решаются людьми мягкосердечными и сентиментальными. Катажина должна была чем-то жертвовать ради своей великой цели. Она пожертвовала памятью о прошлом. Князь Дмитрий оказался достойным своей былой любимой. В мае 1671 года он повел под венец ее дочь.

В этом же году, по свидетельству современников Катажины, у нее произошла крупная ссора с мужем. Единственная за все время их совместной жизни. Радзивиллы разъехались. Она поселилась в имении Белая, он обосновался в Несвиже.

Впрочем, обосновался в данном случае сказано очень условно. Князь наведывался в родовое гнездо с кратковременными визитами, постоянно находясь в разъездах.

Разлад с женой был настолько серьезен, что почтенный семьянин Михал Казимир, служивший до этого примером порядочности и постоянства, завел связь на стороне с дамой сомнительной репутации. С необыкновенной горечью Собесский пишет Марысеньке в письме от 11 декабря 1672 года: "Князь Радзивилл и Димитр (Вишневецкий — Авт.) целый обоз просидели у панны Конкордии в Люблине, хотя последний имеет молодую, красивую и любящую его жену"...

Интересно, что, переживая за семейные отношения не так давно женившегося Вишневецкого, осуждая его поведение, брат Катажины не позволяет себе ни одного осуждающего слова в адрес Михала Казимира. Видимо, потому, что он уверен в неправоте сестры и уже почти не сомневается, что разрыв между нею и Радзивиллом окончится разводом. И, конечно же, понимает, что "панна из Люблина" — это всего лишь попытка Михала Казимира на время забыть о том, что гложет его душу, успокоиться и вновь обрести уверенность в себе для

последнего шага, который навсегда отделит его судьбу от судьбы Катажины. Серьезных чувств к веселой Конкордии несвижский князь не питает. Его судьбой, если так будет угодно Богу, станет женщина более достойная.

Что же вбило клин в семейные взаимоотношения Михала Казимира и Катажины? Неизвестно. Радзивиллы умели хранить свои тайны. Но что-то подсказывает, что дело тут не в супружеской измене и не в интригах. Скорее всего, Михал Казимир оттолкнул от себя жену, слишком поздно узнав тайну происхождения своего пасынка Александра, которого ранее считал сыном Заславского-Острожского. Он не понял жертвенного поступка Катажины, отдавшей сестру Александра замуж за его отца. Все это показалось Радзивиллу чудовищным.

Косвенно свидетельствует о правильности догадки то, что товарищем Михала Казимира в предосудительном его приключении с панной Конкордией был именно Дмитрий Вишневецкий. Ведя к алтарю дочь Катажины, он позволил себе увлечься ее внешним сходством с матерью и в лице юной Теофили будто бы вновь обретал утерянную возлюбленную, о которой не переставал печалиться. Но он не знал, что их с Катажиной ребенок всетаки появился на свет, что он жив и скрывается под именем Александра, старшего брата Теофили. Думая, что отец Александра — князь Заславский-Острожский, Дмитрий Вишневецкий предлагал даже в матримониальных целях женить юношу позднее на своей повзрослевшей дочери.

Открывшаяся внезапно правда сделала не только невозможным исполнение этого плана, но и поставила под сомнение законность его собственного брака. Ведь получилось, что он женился не просто на дочери своей былой возлюбленной, но на сестре своего сына!

Пребывая в замешательстве, не зная, что предпринять и как избыть последствия жестокого обмана, Вишневецкий покинул юную свою супругу и присоединился к порвавшему с женой Радзивиллу. Впрочем, щадя ни в чем не повинную Теофилю, никто из посвященных в страшную тайну не раскрыл ей правды, и та искренне недоумевала, почему ее муж предпочитает проводить время где-то на стороне. Теофиля, познакомившись с князем Дмитрием за несколько месяцев до свадьбы, успела страстно влюбиться в него.

Итак, Катажина оказалась в положении брошенной жены. В одиночестве довелось пережить ей новый удар судьбы. В 1672 году Бог отобрал у нее сразу двух сыновей. Сначала умер болезненный Богуслав Криштоф. Отец еще в мае 1669 года послал его с воспитателем-доминиканцем для оздоровления за границу. И вот из Голландии пришла печальная весть. А в самом конце года внезапно умер и

тринадцатилетний Миколай Франтишек — первенец Катажины и Михала Казимира, всеобщий любимец, мальчик, на которого родители возлагали большие надежды.

Но это горе послужило сближению супругов, готовых уже было расстаться навсегда. Безутешные мать и отец вновь потянулись друг к другу, простив и забыв то, что разделяло их глухой стеной непонимания.

Вернулся к жене и Дмитрий Вишневецкий. Теофиля ждала ребенка, и недостойно мужчины было бы покинуть ее в таком положении, каким бы предосудительным с точки зрения людской морали и Божьих законов не выглядел их брак.

Впрочем, долго тешиться воссоединением ссмей Вишневецким и Радзивиллам не позволили обстоятельства. В следующем, 1673 году умер двадцатичетырехлетний Александр Заславский-Острожский. Он был горько оплакан матерью, сестрой, отчимом и так и не открывшимся ему настоящим отцом. А вслед за этой бедой случилась новая — очередная война. На этот раз на территорию Речи Посполитой вторглись турки. Как командующие Радзивилл и Собесский почти постоянно находились в войсках. 11 ноября 1673 года объединенное войско Речи Посполитой, которым командовал Ян Собесский, нанесло сокрушительное поражение турецкой армии Гусейн-папш. Все четыре гетмана — два польных и два великих — стали в глазах соотечественников национальными героями, достойными восторженных од и лавровых венков. Но буквально через два дня после победы в армию пришло печальное известие — умер король. Молодой Вишневецкий, так и не успевший проявить себя настоящим государем, скончался всего за день до этой решающей битвы, принесшей блестящую победу. Речи Посполитой опять предстояло время бескоролевья.

Но на этот раз предвыборная борьба не была такой напряженной, поляки и литвины не смотрели больше на запад в поисках претендентов. Теперь страна имела четырех достойных героев — любой из гетманов вполне годился в короли. Победил же на выборах все-таки Собесский. Ведь это он был главнокомандующим. Он был главным стратегом, самым великим героем.

С первых дней своего правления Ян Собесский поспешил осыпать милостями своих соратников. И в первую очередь, Михала Казимира, который во время выборов умышленно отошел в сторону, давая другу и родственнику больший шанс на корону.

С этого времени Катажина стала считаться второй дамой королевства. И если Марысеньке Д'Аркьен, женщине незнатного происхождения, своих прав на уважение и почитание приходилось добивать-

ся посредством жестоких политических баталий, то к возвышению Катажины все отнеслись как к должному. Ведь, в принципе, ее положение жены князя Радзивилла было уже и так довольно высоким.

Вместе с мужем Катажина в 1676-1680 годах совершила несколько дипломатических поездок за границу и была принята монархами европейских стран, а также папой римским почти как равная королям.

Нельзя сказать, чтобы это не возбудило уже тогда ревность Марысеньки, к которой ни в Речи Посполитой, ни за границей никто всерьез не относился. Но первые конфликты между двумя женщинами начались гораздо позже. Тогда, когда Катажина, овдовев, по приглашению брата переехала жить в королевский дворец. Это произошло в 1680 году. Собесский принял на себя всю заботу о вдове Михала Казимира и его сыновьях, старшему из которых, Ежи Юзефу, было 12 лет, а младшему, Каролю Станиславу, — 11. Из Варшавы Катажине пришлось управлять делами несвижской ординации, которая должна была перейти к ее старшему сыну по его совершеннолетии. Так как княгиня Радзивилл никогда ранее такой прозой жизни не интересовалась, все управление сводилось к принятию петиций от горожан и управляющих и к просьбам у брата-короля удовлетворить их нужды и потребности. И тем не менее, она добилась, чтобы на сейме 1681 года Собесский утвердил представленный ею устав купеческого цеха Несвижа. В 1682 году по ее просьбе король разрешил перенести начало несвижской ярмарки, длившейся четыре воскресенья подряд. В 1688 году, также с ведома короля, Катажина издала приказ несвижскому магистрату, чтобы городские евреи не допускались ни в какие руководящие учреждения, а в ярмарочные дни не чинили никаких поборов, сдерживающих торговлю и тем самым мешающих развитию и обогащению города.

Последний факт требует объяснений. Их исчерпывающе дает Владислав Сырокомля: "...вместе с оплаканными временами Яна Казимира кончается счастливая жизнь наших городов. Подпаливание домов и лавок, грабежи, нападение на дорогах на купеческий транспорт довели мещан-купцов до бедности, а это быстро использовали всегда ловкие и сильные своей солидарностью евреи. Одалживая обедневшим мещанам небольшие суммы под значительные проценты, они смогли таким способом овладеть их богатыми когда-то лавками и домами на рынках и главных городских улицах, где при основании городов еврейскому племени не было дозволено селиться".

Итак, акция, предпринятая Катажиной в 1688 году, никоим образом не была связана с ущемлением прав национального меньшинства.

Но это была попытка вдохнуть жизнь в городскую торговлю, поддержать мещанско-купеческое сословие, доведенное войной и бессовестными ростовщиками-процентщиками до разорения.

В эти же годы Катажина Радзивилл на свои средства построила в Мире и ряде других городов больницы для обедневших шляхтянок.

Увы, замечая беды мелкой шляхты, купечества, духовенства, мещанства и сочувствуя им, Катажина в силу своего воспитания никогда не вспоминала о нуждах и горестях своих крестьян, которые более всего страдали от войн. Уже в наши дни собиратели фольклора в белорусских селах записали множество преданий о зверствах шведских захватчиков, которые давили лавками крестьянских детишек и вспарывали животы беременным женщинам. Не менее ужасают легенды о казацких войнах, в которых крестьян, защищающих свои дома от разграбления и сожжения, четвертуют и сажают на кол, а призывающим проклятия на головы убийц старикам выжигают глаза и отрезают языки...

Следует ли слишком уж укорять княгиню Радзивилл в том, что она не сочувствовала бедным крестьянам в той же мере, как другим слоям населения? Родившись в магнатской семье, она с раннего детства должна была вращаться лишь в среде самых высокородных граждан своего государства. С высокой горы очень сложно разглядеть выражения лиц тех, кто трудится в низине.

И все же она умела понимать и сочувствовать. Именно за это любил ее брат. Собесский проводил с сестрой много времени, выносил на ее суд свои семейные дела, обсуждал проблему женитьбы своего старшего сына и наследника Якуба. Далеко не уверенный в том, что подданные коронуют после его смерти именно Якуба, он стремился женить королевича непременно на принцессе. И старший сын Катажины, Ежи Юзеф, стал одним из многочисленных послов Собесского, которых тот отправлял в разные страны на поиски невесты для Якуба. С Катажиной же делился стареющий король и своими монаршими заботами, сетуя на то, что большинство его реформаторских задумок сорвалось по вине кичливых польских магнатов. По этой же причине не удалось заключить и политических союзов с соседями.

Возможно, доверительность отношений Собесского с Катажиной и стала, в конце концов, настоящим поводом для того, чтобы мелкие стычки с королевой, уже имевшие место в первые годы жизни княгини Радзивилл в королевском дворце, переросли в серьезный конфликт. Так Катажина оказалась в варшавском монастыре кармелиток. Там гордость и чувство собственного достоинства продержали ее до середины 1690 года. Интересный факт: в начале 1689 года в

Варшаву пришла печальная весть из Несвижа о смерти старшего сына Катажины, Ежи Юзефа. В мае этого же года состоялось погребение почившего молодого князя в родовой усыпальнице. Но нет никаких сведений о том, что мать, даже ради исполнения печального долга по отношению к сыну, покинула монастырь, избранный ею в качестве места противостояния королеве.

Ее выход из глухого затворничества произошел летом следующего года. Победительницей торжественно въехала княгиня в королевский дворец, чтобы вновь покинуть его уже навсегда через несколько месяцев. Ведь Катажина Радзивилл добивалась не возвращения места жительства, а признания всеми своего превосходства над соперницей.

Последние годы своей жизни она жила то в варшавском дворце Радзивиллов, то в своем имении в Белой, изредка наведываясь в Несвиж, где обосновался ее младший, единственный оставшийся в живых ребенок от союза с Михалом Казимиром — Кароль Станислав.

У нее еще хватало сил морально и денежными средствами поддерживать брата-короля во всех его начинаниях. Умерла княгиня Радзивилл в 1694 году, в возрасте шестидесяти лет.

Собесский не намного пережил ее, покинув этот мир в июне 1696 года. После утраты сестры он сильно болел. У короля то ли от былых ранений, то ли от тяжких переживаний открылась грудная жаба. Ночи он проводил в кресле. Марысенька отдалилась от него, деятельно и энергично занявшись правлением. И Собесский страдал в одиночестве.

Незадолго до смерти к нему обратился священник, чтобы уговорить больного составить завещание. Король ответил: "К чему? Сгорит ли земля от огня, сгинет ли трава от вола. Какое мне дело! Нет ни одного доброго человека на свете, ни одного!"

Быть может, король имел в виду, что тех людей, которые были к нему по-настоящему добры и чутки, уже нет в живых?

МУЖ ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ ПРИНЦЕССЫ

Февраль 1681 года выдался мокрым и промозглым. Мостовые Варшавы были залиты водой, которая, наполняя башмаки горожан, чавкала при каждом шаге. Проезжающие по улицам польской столицы кареты разбрызгивали во все стороны талый снег, смешанный с грязью, и случайные прохожие, не желающие оказаться заляпанными с ног до головы, вынуждены были отпрыгивать в сторону.

Спасаясь от сырости, паны, прибывшие со всех концов страны на очередной сейм, проносили прямо в королевский зал заседаний "пляшечки" с горячительными напитками. Их опорожняли жадными глотками между делом, ведя дебаты, оспаривая или поддерживая речи выступающих. К слову, ничто не выходило за рамки приличий. Дела державные были превыше всего.

Магнаты и шляхта расслаблялись вечерами, устраивая себе дружеские застолья, хотя особенно веселыми часы отдохновения делегатов сейма на этот раз не были. Панам невольно передалось мрачное настроение короля, Яна Собесского, который переживал внезапную смерть своего родственника и ближайшего советчика, князя Михала Казимира Радзивилла, скончавшегося во время дипломатической миссии в Европе. Перед самым началом сеймового заседания 4 февраля тринадцатилетний сын покойного, Ежи Юзеф, в торжественно-суровой тишине передал опечаленному королю печать и польную булаву своего отца.

Большинству присутствующих впервые довелось увидеть юного наследника гетмана польного литовского. И сероглазый юноша, облаченный в траурно-черный бархат, произносящий перед застывшими в напряженном молчании панами рады соответствующую формулу, произвел на них впечатление. Вечером того же дня первое явление Ежи Юзефа Радзивилла среди мужей державных бурно обсуждалось.

— Много доводилось мне видеть на своем веку сыновей, отдающих по смерти отцов королю и сейму регалии покойных, — рассуждал в своей компании, задумчиво жуя ус, старый противник Радзивиллов Михал Пац, — и не помню такого, чтобы, глядя на них, думал когда-либо о чем-то другом кроме того, что как бы молодой пан ни был хорош, что бы там про его ум и доблесть ни говорили, а с почившим отцом ему навряд ли возможно сравниться. Да и то сказать, станут ли мне тут перечить, когда я замечу, что деды наши были большими героями, чем отцы, а отцы — большими героями, чем мы? Дети же наши беспокоят нас, потому что подвигам и самоотвержению они явно предпочитают наряды и увеселения... Но этот мальчик сегодня

удивил меня. Несмотря на свои столь юные годы он стоял перед нами без тени смущения и говорил так, будто бы он был принц, а его отец — почивший король. И вел себя так, словно принимал после смерти отца его трон и корону, а нас объявлял своими подданными. И я говорю вам, любезные паны, что, учитывая вечные амбиции Радзивиллов и задатки этого юноши, нам следует опасаться, что гордыня толкнет его и, быть может, очень скоро на борьбу за трон Речи Посполитой.

— Зачем же опасаться, паны? — спрашивает незаметно подошедший к группе угрюмых недоброжелателей Радзивиллов родич и друг покойного польного гетмана, князь Дмитрий Вишневецкий. — Разве не достойнейшим издревле принадлежит польский трон? Достойнейшим сочли вельможные паны в свое время Я на Собесского, и вот он — наш король, чтимый всеми и любимый. Но мы не знаем еще, кто сменит Собесского. Есть королевич Якуб, но выглядит ли он в ваших глазах достойным преемником? Наверное, всем нам было бы приятно, если бы Якуб умел держать себя так величаво, как Ежи Юзеф Радзивилл. Наверное, и королю, который, будучи его дядей, имеет гораздо больше, чем иные паны, возможностей сравнивать его со своим сыном, хотелось бы, чтобы королевич Якуб был так же воспитан и имел такие же склонности к наукам и такие же редкостные душевные качества, как Ежи Юзеф. Пан король и пани королева прилагают немало усилий, чтобы сделать своего сына достойным короны. Но ежели это не удастся, почему бы им и не обратить внимание на племянника? И почему бы и нам не сделать этого?

В словах князя Вишневецкого была доля неоспоримой истины. Радзивиллы вне всякого сомнения являлись родом, на протяжении вот уже трех веков находившимся в самой непосредственной близости к короне. Кандидатуры деда и отца Ежи Юзефа не шутя назывались литвинами и поляками в числе претендентов на престол Речи Посполитой, и будь в ком-нибудь из них сильно желание власти, им нетрудно было бы добиться своей коронации. Тем не менее оба умели соизмерять свои способности с государственной необходимостью и довольствоваться более скромным уделом некоронованных королей Великого княжества Литовского. Впрочем, властолюбие, полагали окружающие, должно было пробудиться в ком-нибудь из представителей этого могущественного рода. И вот подозрения пали на юного Ежи Юзефа. К счастью или к несчастью, сам подозреваемый об этом не знал. Потому что Ежи Юзефа, старшего из двух оставшихся в живых сыновей покойного гетмана польного, на самом деле понастоящему волновала лишь ... поэзия.

Впервые магия стихосложения открылась ему в семилетнем возрасте в несвижском иезуитском коллегиуме, куда родители отдали его на обучение. Предметом изучения была духовная поэзия, и мальчика буквально заворожила ритмика и музыкальность обычных слов, выстроенных чьей-то умелой рукой в дивные, магические фразы. Тогда он впервые попробовал зарифмовать несколько латинских изречений и получил похвалу своего учителя.

После трех лет учебы в Несвиже Ежи Юзеф был отправлен вместе со своим младшим братом-погодком в иезуитский коллегиум в Люблин, ибо несвижские преподаватели полагали, что там княжичи получат более основательное и углубленное образование. В Люблине, одном из известных в то время научных и культурных центров Польши, где вращалось немало выдающихся личностей, чьими трудами создавалась высокая культура страны, изумленный Ежи Юзеф узнал, что стихами можно не только прославлять Бога. И вовсе не обязательно сочинять их на сухой и бесстрастной латыни. Тогда княжич завел себе что-то вроде тетрадки, куда принялся увлеченно записывать наиболее понравившиеся ему образчики польской поэзии. К сожалению, собственные поэтические опыты на фоне творчества известных поэтов выглядели слабыми и безжизненными, и это доставляло юному Радзивиллу немало огорчений. Однако со свойственной молодости самоуверенностью он все еще полагал, что в один прекрасный день его поэтическое ученичество превратится в мастерство, как бесформенная куколка обращается в яркую красавицу-бабочку.

Год, проведенный в Люблине, значительно расширил кругозор княжича. История, пять иностранных языков, среди которых кроме мертвых латыни и древнегреческого были современные немецкий, французский и итальянский, теология, география, арифметика, риторика, музыка — вот далеко не полный перечень того, что изучал Ежи Юзеф в это время. Он не был первым учеником, но его учителя отзывались о его успехах с удовлетворением. Из угловатого мальчишки Радзивилл на глазах превращался в степенного юношу, умеющего вссти себя подобающим образом в любой обстановке, заставлять окружающих прислушиваться к себе, неизменно сохранять величавость речей и движений.

Именно таким и увидели лучшие мужи Речи Посполитой Ежи Юзефа Радзивилла в 1681 году на варшавском сейме. Молодого человека вызвали из Люблина срочным известием о смерти его отца. Теперь ему предстояло возглавить несвижскую линию рода, принять на себя все заботы об обширной несвижской ординации.

Впрочем, за юностью и неопытностью наследника до его совершеннолетия делами управления, согласно завещанию покойного Михала Казимира, должны были заниматься опекуны, главным из которых была мать княжича. Учебу же на семейном совете, в котором на правах ближайшего родича принимал участие и король Ян Собесский, было решено не прерывать. И после того, как все, чему возможно обучиться в Люблине, будет постигнуто, отправить Ежи Юзефа для окончательной "шлифовки" года на два за границу, ибо такова уже была традиция рода Радзивиллов. И вдова польного гетмана ни в чем не хотела от нее отступать.

Так в начале 1684 года после непродолжительных каникул в Несвиже шестнадцатилетний Ежи Юзеф вместе со своим пятнадцатилетним братом Каролем Станиславом отправился в дальний путь — в Европу за знаниями и опытом. Первым ориентиром на пути юных путешественников был Берлин, где кроме ознакомления с историческими достопримечательностями и богатейшей научной библиотекой им предстояло попутно уладить некий семейный конфликт, справиться с которым не удалось их энергичной матери. Через Краков, Вроцлав и Франкфурт-на-Одере они довольно скоро добрались до своей цели. В Берлине их уже ожидала кузина, Людвика Каролина, дочь Богуслава Радзивилла и супруга маркграфа Бранденбургского.

Им предстояло увидеться впервые — детям троюродных братьев, Михала Казимира и Богуслава Радзивиллов, людей, всю жизнь считавших себя не только родственниками, но единомышленниками, товарищами и бывших друг для друга надежной опорой и поддержкой.

Увы, по иронии судьбы встреча не сулила детям дружных отцов радости и должна была пройти в атмосфере натянутости и недоверия. Причина для этого была серьезной.

Не желая, чтобы род Радзивиллов потерял огромные богатства: движимость и недвижимость, перешедшие к рано осиротевшей Людвике Каролине в наследство, Михал Казимир подделал завещание Богуслава, и там вдруг появился пункт, согласно которому она лишалась всех прав на радзивилловские имения в случае, если выйдет замуж не за представителя своей же фамилии. Права эти переходили тогда к несвижским князьям.

Судьбе было угодно помешать отцу Ежи Юзефа довести дело до конца, и поддельный документ так и не стал фигурировать в суде. Не удался и план Михала Казимира, предусматривающей женитьбу его старшего сына Миколая Франтишка на Людвике Каролине — юноша внезапно скончался. После этого несвижский князь оставил мысли о вмешательстве в судьбу дочери Богуслава.

Но после смерти Михала Казимира в ноябре 1680 года кто-то извлек неизвестно зачем сохраненную им фальшивку из его бумаг. Дело в том, что 18 декабря этого же года Людвика Каролина обручилась со своим немецким кузеном Людвигом Гогенцоллерном, маркграфом Бранденбургским, которому давно симпатизировала. Узнав об этом, претенденты на руку богатой невесты из числа магнатов Речи Посполитой пришли в ярость. Клецкий князь Станислав Казимир Радзивилл добивался согласия на брак с Людвикой Каролиной от ее немецких опекунов более десяти лет. Воевода краковский Станислав Потоцкий мечтал женить на ней своего сына. Заявляли о своей готовности назвать Людвику Каролину женой или невесткой и многие другие литвины и поляки. И даже сам король Ян Собесский, позарившись на приданое дочери Богуслава Радзивилла, подумывал о возможности заключения брака между Людвикой Каролиной и своим наследником, королевичем Якубом.

Было решено рассмотреть дело об обручении Людвики Каролины на ближайшем сейме и по возможности расторгнуть брачный договор.

Чтобы ввести в замешательство жениха, невесту и опекунов, видимо, и было пущено в это время в ход поддельное завещание. Но это не сработало. Маркграф и его родители не поддались на провокацию. Мало того, узнав, что сейм назначен на 10 января 1681 года, они ускорили свадьбу. Несмотря на то, что Людвика Каролина еще не достигла шестнадцатилетия, ее немецкий опекун, он же отец жениха, счел возможным венчание. Людвиг и Людвика предстали перед алтарем 7 января. Безусловно, после этого те, кто считал необходимым расторжение обручения, вынуждены были смирить свои амбиции: "Бог соединил, да не разлучат люди". Из списка вопросов, которые предполагалось рассмотреть на сейме, дело о судьбе Людвики Каролины было вычеркнуто. А у вдовы Михала Казимира, Катажины, возникли проблемы. Теперь ей предстояло объяснение с новоиспеченной маркграфиней Бранденбургской, которую должна была оскорбить история с поддельным завещанием.

В 1683 году Катажина Радзивилл предприняла попытку через бискупа полоцкого Анджея Хризостома уладить конфликт с молодой родственницей, и Людвике Каролине официально сообщили, что несвижские Радзивиллы не имеют к ней претензий и признают ее единственной законной наследницей Богуслава. Но, видимо, заявление Катажины Радзивилл, сестры короля Собесского, не привыкшей приносить кому бы там ни было извинений, носило слишком уж надменный характер. Людвика Каролина не пожелала дать ответ троюродной тетке.

Готовясь ко встрече с оскорбленной родственницей, Ежи Юзеф долго раздумывал, с чего начать неприятный разговор. И в эту трудную минуту к нему пришла на помощь поэзия. Юноша сочинил торжественную оду на день встречи. На польском языке. И вместо приветствия прочитал ее кузине. Суровое лицо Людвики Каролины сразу же подобрело, и уже через полчаса они весело шутили и смеялись, как будто бы знали друг друга и были в самых приязненных отношениях с раннего детства. Семейный конфликт был улажен быстро и легко. Семнадцатилетняя Людвика Каролина и шестнадцатилетний Ежи Юзеф подписали соответствующий документ, в котором отказывались от взаимных претензий друг к другу и удовлетворялись искренними извинениями. И через пару дней юный несвижский ординат уже был готов продолжать свой вояж.

На прощание маркграфиня Бранденбургская сделала кузену дар, показавшийся тому бесценным. Это была "Книга о немецком стихотворчестве" Мартина Опица[1]. Комментируя свой подарок, Людвика Каролина обратила внимание родственника на то, что любой человек, возжелавший поэтической карьеры, должен прежде всего хорошо усвоить правила стихосложения. Ибо ода, обращенная к ней, хотя и доставила ей удовольствие, бесспорно страдала дилетантизм, а несвижский кузен, как ей кажется, очень серьезно относится к творчеству.

Именно в книге Опица Ежи Юзеф впервые узнал о таком жанре поэзии, как сонет. И прочитал страстные строки:

Средь множества скорбей, средь подлости и горя,
Когда разбой и мрак вершат свои дела,
Когда цветет обман, а правда умерла,
Когда в почете зло, а доброта в позоре,
Когда весь мир под стать Содому и Гоморре, —
Как смею я, глупец, не замечая зла,
Не видя, что вокруг лишь пепел, кровь и мгла,
Петь песни о любви, о благосклонном взоре,
Изяществе манер, пленительности уст?
Сколь холоден мой стих! Сколь низок он и пуст,
Для изможденных душ — ненужная обуза!
Так о другом пиши! Пора! А если — нет,
Ты жалкий рифмоплет. Ты больше не поэт.
И пусть тебя тогда отвергнет муза![2]

---

[1] Мартин Опиц — немецкий поэт. Родился в 1597 году в Силезии, жил в Голландии, Дании, в конце жизни — в Речи Посполитой, где и умер в 1639 году. Вышеназванная книга Опица является трактатом по поэтике. Трактат принес Опицу славу и создал ему непререкаемый авторитет, сохранявшийся до конца века.
[2] Стихотворение приводится в переводе Л. Гинзбурга.

Этот сонет поразил Ежи Юзефа. Он увидел в нем приговор своей слабой и несовершенной лире. И навсегда оставил мысли о стихосложении. Однако поэзия по-прежнему волновала его. И теперь со всей юношеской страстью он переписывал в свою тетрадь сонеты, великие творения европейских мастеров слова. Сонет стал его любовью на всю жизнь.

Из Берлина через Дрезден братья Радзивиллы поехали в Прагу. В Пражском университете Ежи Юзеф и Кароль Станислав записались слушателями лекций по философии, ибо слава философов этого университета гремела в те времена по всей Европе. Но уже через несколько месяцев старший из братьев заскучал, записи лекций, которые он вел сначала очень тщательно и подробно, становились все короче и тезиснее. А потом и вовсе оборвались. Философия оказалась не для него. И в конце 1684 года юные Радзивиллы покинули Пражскую alma mater ради Падуанского университета.

Но разве можно было всерьез думать об учебе в Италии, стране ласкового солнца, веселья, песен, любви, искусств! Ежи Юзеф, а вместе с ним и Кароль Станислав то и дело покидали Падую, строгий город итальянской науки, ради романтической, качающейся на зыбких волнах Адриатики Венеции, величественной Флоренции, наполненной таинственным шепотом влюбленных Вероны, озорного Бергамо, бесконечно прекрасного Милана. Италия, страна, любимая их отцом и дедом, принявшая последний вздох обоих, Италия, помнившая еще серый плащ паломника Радзивилла Сиротки, их прадеда, без труда одержала победу и над их чувствами.

А сколько прекрасных, легких, воздушных, возвышенных сонетов записал в свою тетрадь тут Ежи Юзеф!

Величественный Данте[1] и страстный Петрарка[2], пылкий Ариосто[3] и изящный Тассо[4], — магические четырнадцать поэтических строк[5], вышедших когда-то из-под их пера, были наполнены теплом, ароматом, вкусом и красками Италии настолько, что стали неотъемлемой частью ее, ее мелодией, ритмом ее сердца.

---

[1] Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт раннего Возрождения. Его сонеты, посвященные юношеской любви к рано умершей Беатриче Портинари вошли в книжку "Новая жизнь".

[2] Петрарка Франческо (1304—1374) — крупнейший лирик итальянского Возрождения. Мировую славу ему принес сборник стихов "Канцоньере" ("Книга песен"), посвященных возлюбленной Лауре.

[3] Ариосто Лудовико (1474—1533) — выдающийся поэт Высокого Возрождения. Автор рыцарской поэмы "Неистовый Роланд", семи сатир, пяти комических поэм и множества лирических стихов.

[4] Тассо Торквато (1544—1595) — последний великий поэт итальянского Возрождения. Перу Тассо принадлежит большое количество стихотворений на любовную тематику. Согласно легенде, стихи эти посвящены принцессе Элеоноре д'Эсте, сестре Альфонса II.

[5] Четырнадцать поэтических строк — классический сонет состоит из четырнадцати строк: двух четверостиший и двух трехстиший, или же из трех четверостиший и двустишия.

Вовремя уразумев, что молодые Радзивиллы в Италии навряд ли смогут обуздать свои чувства ради учебы, сопровождающий их опекун Казимир Александр Чигровский, шляхтич, верный дому несвижских князей, проявил всю свою настойчивость и изобретательность, чтобы увезти их из этой щедрой на удовольствия страны во Францию.

Бегло ознакомившись с достопримечательностями Лиона, Авиньона и Тулона, Ежи Юзеф и Кароль Станислав прибыли в Марсель, чтобы стать на время студентами местного университета. В глазах молодых Радзивиллов Франция значительно проигрывала Италии, которая была сама музыка и сама жизнь. Но зато здесь можно было поучиться изяществу манер и умению покорять сердца прекрасных дам. И они усердно учились этому в свободные от лекций часы. На сами же лекции Ежи Юзеф с братом ходили регулярно, но без особой охоты ровно пять месяцев. Единственное, что прочно положил здесь в копилку своих знаний Ежи Юзеф, были новые языки. Кроме усовершенствования в ранее изученном французском, он постигал в Марселе английский и испанский. Это оказалось как нельзя кстати.

В Париже, куда после прохождения курса марссльского обучения направились братья, их догнало послание Яна III Собесского. Король-родственник поручал Ежи Юзефу ответственную миссию. Следовало немедленно ехать в Англию, где молодой несвижский князь от имени короля Речи Посполитой должен будет принести поздравления недавно вступившему на престол английскому королю Якобу II Стюарту. Но этим поручение не ограничивалось. Собесский просил племянника в неофициальной обстановке поговорить с новым монархом Англии о возможности породниться польскому и английскому правящим домам. Королевичу Якубу пришло время жениться, и супругой его должна была стать настоящая принцесса из древней королевской династии. Это могло придать ему соответствующий вес и популярность в глазах подданных и решить в дальнейшем больной для Собесских вопрос о престолонаследии (королева Марысенька мечтала о коронации Якуба при жизни его отца) в пользу их сына.

Английский король принял молодого посла из Речи Посполитой как нельзя более благосклонно. В честь Радзивилла был организован прием, где звучала музыка и гостю демонстрировали свои достоинства и прелести самые титулованные английские красавицы. Не откладывая на потом своего поручения, Ежи Юзеф сразу же стал расспрашивать представленных ему придворных о высокородных невестах. Полагая, что молодой и обаятельный князь из далекой страны ищет подругу

жизни для себя, те без утайки рассказали ему обо всех английских прелестницах, живущих при дворе.

Там было много достойных девушек, но ни одна, понял Радзивилл, не подходила для осуществления матримониальных планов Собесских. Ведь королевичу Якубу была нужна настоящая принцесса, а таковых в Англии на данный момент имелось лишь три. Одна оказалась немолодой и некрасивой, ее единственным увлечением было чтение Библии да посещение месс. Другая, хилая и болезненная вдова, не без основания считалась бесплодной. Третья... Третья была хороша. Пожалуй, эта девушка могла бы понравиться королевичу Якубу. Но она уже год как была обручена. И на балу танцевала лишь с одним кавалером — своим женихом. Взгляды их, как у всех влюбленных, были отреченно-счастливыми. Наверное, если бы Ежи Юзеф добросовестно передал английскому королю желание Яна Собесского, Якоб II ради великой политики пошел бы навстречу своему "польскому брату". И тогда королевич Якуб получил бы английскую принцессу, грубо вырванную из объятий ее возлюбленного. Но юный посол не смог заставить себя сделать это. И он промолчал, когда следовало говорить.

...Не тогда ли в его тетрадке для сонетов появился этот?

Земля, ты мнишь, что в небе нет сиянья,
Затем что ты — в плену своих теней.
Ну что ж, слепцы достойны состраданья,
Но небо блещет ясностью своей.
Не зришь ты, страсть, любви во всем сиянье,
Затем что ты — в плену своих теней.
Пусть твой удел — надежда и страданье,
Любовь ликует в полноте своей.
Крепись, земля, и сгинет сонм теней,
И ход небес вернет тебе сиянье.
Питайся, страсть, надеждою своей,
Она целит живущих от страданья
В борьбе страстей, чье имя — легион.
Любовь над ними — светлый небосклон[1]

Как бы там ни было, Ян Собесский получил из Англии лишь письмо с искренними сожалениями по поводу невозможности осуществления определенных планов короля. Сам же Ежи Юзеф прямо из Лондона направился в Оксфорд, а потом в Рочестер и Кентербери — анг-

---

[1] Сонет Фулка Гревилла приводится в переводе Б. Дунаевской. Фулк Гревилл (1554—1628) — английский поэт и государственный деятель.

лийские города, считавшиеся крупнейшими центрами науки. Там он с упоением ведет поэтические диспуты с известнейшими учеными страны, посвятившими себя изучению теории литературы. Он открывает для себя новые имена: Генри Говард[1], Филипп Сидни[2], Джон Донн[3], страстно влюбляется в Шекспира.

Впрочем, в туманной, сырой Англии Радзивилл особенно долго не задерживался. Вместе с братом они решают ознакомиться с достопримечательностями Голландии и направляются путешествовать по городам Остенде, Брюгге, Антверпену, Утрехту, Лейдену, Роттердаму. Из Голландии возвращаются в Париж, где Ежи Юзефа ждет уже новое поручение. Ян Собесский приказывает ему выехать теперь уже в Португалию, ко двору короля Педро II. Миссия — прежняя, оценка возможности женитьбы королевича Якуба на настоящей принцессе, но предмет "королевской беседы" на этот раз более очерчен — рука инфанты Изабеллы, дочери Педро II.

Итак, проехав Европу с востока на запад, теперь братьям Радзивиллам предстояло пересечь ее с севера на юг. И вот уже плодородные долины Франции сменили каменистые горы Испании, страны воинственных, конкистадоров, суровых и фантастичных' священников, мужественных матадоров, гордых и неприступных красавиц и... великого певца любви Лопе де Вега[4].

Это последнее обстоятельство делало каждую пядь земли, по которой лежал путь Ежи Юзефа, священной. Он чувствовал себя счастливым паломником, имеющим возможность прикоснуться к святыне, и поэтому настроение его всю дорогу было восторженно-возвышенным. Испания! Вот та страна, считал Ежи Юзеф, с монархами которой действительно следовало бы породниться королю Речи Посполитой. Но Ян III судил иначе, полагая, что могущественные и сильные королевские династии навряд ли согласятся влить свою кровь в жилы Собесских, до недавнего времени всего лишь одного из многих старинных рыцарских родов Польши. Другое дело — Португалия, совсем недавно получившая независимость от испанцев. В Лиссабоне,

---

[1] Говард Генри, граф Серрей (1517-1547) — поэт печальной судьбы. Заподозренный в претензиях на английский престол, был казнен по обвинению в государственной измене, как до этого и его сестра, Кэтрин Говард, королева, жена Генриха VIII. Сонеты Генри Говарда посвящены некоей Джеральдине.

[2] Сидни Филипп (1554-1586) — английский теоретик литературы и выдающийся поэт, первым создавший цикл из 108 сонетов, объединенных образом возлюбленной, "Астрофил и Стелла". Под именем Стеллы выведена Пенелопа Деворе.

[3] Донн Джон (1572-1631) — один из основоположников так называемой метафизической школы английской поэзии. Трагическая лирика, навеянная скорбью по умершей супруге, стала известна лишь после смерти поэта.

[4] Лопе Феликс де Вега Карпьо (1562-1635) — великий испанский драматург и поэт, уже при жизни прозванный современниками "Фениксом титанов". Творчество Лопе де Вега являет собой уникальный пример необыкновенной творческой энергии: его перу принадлежат свыше двух тысяч стихотворных пьес, несколько десятков поэм, романы, новеллы, лирические стихи. Известно около трех тысяч сонетов, но и до сих пор все они еще не собраны воедино.

предполагал он, не будут слишком уж важничать и задирать нос. Рука инфанты Изабеллы, кареокой красавицы, должна будет достаться Якубу.

Увы, случилось непредвиденное. Прибыв 2 января 1686 года в Лиссабон, Ежи Юзеф не был даже принят королем Педро П. Посла Речи Посполитой везде встречали с холодным презрением. Причина недолго оставалась тайной. Всего на несколько дней Ежи Юзефа опередило официальное письмо из Польши. Королевич Якуб Собесский по непонятным причинам отказывался от руки инфанты.

Радзивилл ничего не понимал. Он раздумывал, минутный ли каприз или несвоевременное проявление упрямства лишили королевича Якуба возможности получить руку настоящей принцессы, которая к тому же была молода, красива, умна и нежна, "как утренняя роза" (так говорили об инфанте Изабелле португальцы). Впрочем, Ежи Юзефу ничего не оставалось, как, пожав в недоумении плечами, покинуть португальскую столицу. Размышляя дорогой над непонятной изменчивостью человеческой натуры, над тем, как сама судьба зависит иногда от минутного настроения, молодой Радзивилл записал в свою тетрадь:

Меняются и время, и мечты; Меняются, как время, представленья. Изменчивы под солнцем все явленья, И мир всечасно новым видишь ты. Во всем и всюду новые черты, Но для надежды нет осуществленья! От счастья остаются сожаленья, От горя — только чувство пустоты.

Уйдет зима, уйдут снега и холод,
И мир весной, как прежде, станет молод,
Но есть закон: все обратится в тлен.
Само веселье слез не уничтожит,
И страшно то, что час пробьет, быть может,
Когда не станет в мире перемен[1].

Через Севилью, Кордову, Гранаду, Валенсию и Сарагосу Ежи Юзеф вместе с младшим братом вернулся во Францию. В Париж они въехали 19 апреля 1686 года и здесь остановились.

8 июня, к удивлению братьев, из Варшавы прибыл курьер с грамотой, в которой "в награду за выполнение миссии дипломатической" Ежи Юзеф получал придворную должность подчашего литовского.

---

[1] Сонет Луиса де Камоэнса в переводе В. Левика. Луис де Камоэнс (1525—1580) — величайший португальский поэт. Дворянин, в результате придворных интриг отправленный простым солдатом в Марокко. Позднее за дуэль с придворным был приговорен к смерти, но помилован и вновь в качестве солдата отправился воевать, на этот раз в Индию. В 1570 году вернулся в Португалию с рукописью грандиозной эпической поэмы "Лузиада", публикация которой принесла ему всеевропейскую славу. Его перу принадлежит 350 сонетов.

Это означало, что заморский вояж подходит к концу. Придворный должен хотя бы несколько месяцев в году пребывать при дворе. Но молодым людям так не хотелось покидать веселую Европу. Хорошенько, до самой осени, отдохнув в Париже, они еще заехали в Рим, где встретили Рождество и паломничали по величественным соборам "вечного города" до самого Великого Поста. И только потом обратили свои лица в сторону Речи Посполитой.

Дорога домой прошла без особенных приключений, если не считать одного знакомства: однажды братьев обогнала богатая карета с гербами, окна которой были занавешены. Любопытные Радзивиллы непременно решили узнать, кто это проехал, и пришпорили коней. Поравнявшись с каретой, всадники заметили, как чуть дрогнула занавеска и в образовавшейся щели мелькнул хорошенький девичий носик, и сверкнул веселый глаз. Еще через пару миль преследователи получили возможность познакомиться с хозяйкой экипажа, когда та приказала кучеру остановиться. Она была хороша собой, бойка, смешлива и свежа, какой только может быть здоровая особа шестнадцати лет. Звали ее Элеонорой. И она была принцессой...

Немецкие принцы, к числу которых принадлежал отец Элеоноры Иоганн Ангальт-Дессау, зачастую имели во владении такое малое количество земель, что их "государства" на карте Европы приходилось долго искать и рассматривать при помощи увеличительного стекла. Они были иногда небогаты настолько, что вынуждены были служить при дворе принцев более влиятельных и обеспеченных. Отец Элеоноры тоже служил — министром при бранденбургском дворе, и будучи гостем маркграфини Бранденбургской, Ежи Юзеф даже был представлен Иоганну Ангальт-Дессау. Но несмотря ни на что, он оставался принцем крови, и значит, Элеонора была настоящей принцессой.

Но вовсе не это обстоятельство привлекло к неожиданной попутчице (оказалось, что они едут в одну сторону) внимание Ежи Юзефа. Придирчиво оценивая достоинства принцесс в Англии, восхищаясь величественной красотой Изабеллы Португальской, Радзивилл никогда ранее в мыслях не допускал, что может встречаться с принцессой где-нибудь в старом парке под луной, страстно целовать ее в губы, шептать ей на ушко ласковые и безумные слова. Нет, он, конечно же, никогда не считал себя недостойным руки принцессы, он был достаточно высокороден, чтобы жениться на дочери короля или герцога. Но все виденные им до этого принцессы казались ему безжизненными изваяниями, которым можно поклоняться, но не любить со всей глубиной человеческой страсти. Элеонора Ангальт-Дессау была не такой. Жизнь и энергия бурлили в ней, заставляя то и дело нарушать

неосторожными поступками или словами чопорный этикет, придуманный очень давно для людей ее сословия, чтобы отделить их от остальных, обособить. Это восхищало Ежи Юзефа. И он уже, глядя на нее, беседуя с нею, не мог противиться неведомому ранее сладостному чувству, которое, ширясь и разрастаясь, наполняло сердце радостью.

А что же хорошенькая Элеонора? Она ничем не выдавала своих чувств, и даже осторожные намеки Ежи Юзефа оставались без ответа. Впрочем, на какой ответ мог рассчитывать молодой человек, знакомый ей лишь несколько дней? Только однажды, когда Радзивилл, представляясь принцессе Ангальт-Дессау, назвал свое имя, что-то похожее на смущение промелькнуло на ее лице. Видимо, имя Ежи Юзефа не было ей незнакомым.

Прибыв 1 июля 1687 года во Вроцлав (принцессу он проводил до Вены), молодой несвижский князь после долгих раздумий решился написать письмо своей кузине Людвике Каролине с просьбой осторожно разузнать, не просватана ли за кого-нибудь принцесса Элеонора Мария Ангальт-Дессау и если нет, то насколько благосклонно отнесутся ее родители к его предложению ей, если таковое последует. Он знал уже, что Людвика Каролина недавно стала вдовой, и предполагал, что просьба его может оказаться очень некстати. Но иного человека, которому он решился бы доверить свои чувства и который мог бы реально помочь ему в этой ситуации, он не знал.

Ответ, пришедший из Берлина, взволновал его до глубины души. Людвика Каролина сообщала, что еще в конце 1686 года по просьбе матери Ежи Юзефа, княгини Катажины, имела разговор с Иоганном Ангальт-Дессау как раз по вопросу замужества принцессы Элеоноры. И предварительное согласие на брак Ежи Юзефа с девушкой уже есть. Людвике Каролине очень приятно, что вкусы матери и сына в столь щекотливом вопросе счастливо совпали, потому что и ей самой кажется, что для кузена лучшей партии во всей Европе не сыскать.

Не зная ответа на вопрос, который должен был закономерно возникнуть у Ежи Юзефа, что это могло взбрести в голову его матушке так поспешно и, не согласовав с сыном, сватать его, Людвика Каролина тем не менее сочла нужным предупредить кузена, что сейчас, вероятно, и Катажина, и ее брат король будут настаивать на как можно скорейшем венчании. Всему виной ревнивая подозрительность Яна Собесского.

Как только до Варшавы дошла весть о вдовстве Людвики Каролины, вновь припомнив, какие огромные богатства принадлежат ей в Великом княжестве Литовском (их с замужеством Людвики Каролины считали потерянными для Речи Посполитой, перешедшими во вла-

дение к немцам) и приняв во внимание, что вдова маркграфа Бранденбургского тоже является принцессой, Собесский принял на этот раз твердое решение: женить на ней королевича Якуба. Дурь, из-за которой королевский сын потерял инфанту Изабеллу, у него уже прошла, и он был послушен и спокоен.

После конфуза в Португалии королю Речи Посполитой следовало как-то сгладить неприятности, которые обрушились там на голову Ежи Юзефа, чем-либо компенсировать их. Такой компенсацией и стал привилей на должность подчашего литовского. Ян Собесский рассчитывал, что племянник тут же вернется на родину, тем более что недавно он официально стал считаться совершеннолетним. Но Ежи Юзеф все медлил и медлил. Сначала Собесский просто удивлялся, но теперь в сердце его закралось подозрение. Зная из рассказов своей сестры Катажины, что Ежи Юзеф в Берлине не только благополучно уладил имущественные дела с Людвикой Каролиной, но и подружился с нею, он почему-то решил, что теперь племянник станет в ущерб интересам королевича Якуба добиваться руки своей кузины. Катажине никак не удается переубедить брата. Скорейшая женитьба Ежи Юзефа — единственное, что может теперь успокоить короля. Впрочем, у королевича Якуба нет никаких шансов, потому что Людвика Каролина никогда не свяжет свою судьбу с нелюбимым человеком.

Теперь Ежи Юзеф знал, отчего изменилось выражение лица принцессы Элеоноры, когда он назвал ей свое имя. Она уже знала, кому отец обещал ее руку, и не могла понять, отчего князь Радзивилл не хочет говорить с нею об ожидаемой свадьбе напрямую. Вероятно, и встреча их на дороге представлялась ей неслучайной. Но как теперь объяснить девушке, что его чувства к ней — это не просто благосклонность и уважение человека, собирающегося заключить выгодный во всех отношениях династический брак, но нечто более возвышенное и значимое? Ежи Юзеф взял перо и запасся бумагой.

Его послание Элеоноре было так неожиданно прекрасно, что не откликнуться на него чувствительное девичье сердце не могло. Сто самых лучших сонетов, в которых воспевалась любовь, написанных лучшими поэтами почти на всех языках Европы, — таким был дар влюбленного возлюбленной. Сто раз он признался ей в любви, используя самые высокие слова и самые прекрасные сравнения.

Был день, в который, по Творце вселенной
Скорбя, померкло Солнце... Луч огня
Из Ваших глаз врасплох настиг меня:

О госпожа, я стал их узник пленный![1] —
шептал он ей на итальянском.

Заря во взгляде Вашем зажжена:
Он проникает в сердце, зренье раня.
Увидеть Вас и не ослепнуть — дани
Законной Вам не уплатить сполна,[2] —
заверял он ее на португальском.

До той поры, как в мир любовь пришла
И первый свет из хаоса явила, —
Несозданны, кишели в нем светила
Без облика, без формы, без числа.
Так, праздная, темна и тяжела,
Во мне душа безликая бродила,
Но вот любовь мне сердце охватила,
Его лучами глаз твоих зажгла,[3] —
пел он ей "Песнь песней" на французском.

Мой глаз и сердце издавна в борьбе:
Они тебя не могут поделить.
Мой глаз твой образ требует себе,
А сердце в сердце хочет утаить,[4] —
признавался он ей на английском.

Все позабыв, жить именем одним,
Быть нежным, грубым, яростным, смиренным,
Веселым, грустным, скрытным, откровенным,
Ревнивым, безучастным, добрым, злым:
В обман поверив, истины страшиться,
Пить горький яд, приняв его за мед,
Несчастья ради счастьем поступиться,
Считать блаженством рая тяжкий гнет, —
Все это значит: в женщину влюбиться:
Кто испытал любовь, меня поймет,[5] —
провозглашал он по-испански.

Принцесса Элеонора Мария Ангальт-Дессау стала супругой князя Ежи Юзефа Радзивилла 13 сентября 1687 года. Желтыми, красными и

[1] Строки из сонета Петрарки в переводе В. Иванова.
[2] Сонет Луиса де Камоэнса в переводе В. Левика.
[3] Строки из сонета Ронсара в переводе В. Левика. Пьер де Ронсар (1524—1585) — выдающийся глухой французский поэт. Цитируемый сонет относится к циклу "Сонетов к Кассандре" и посвящен Кассандре Сальвиати, дочери итальянского банкира, возлюбленной Ронсара.
[4] Строки из сонета Шекспира в переводе С. Маршака.
[5] Строки из сонета Лопе де Вега в переводе В. Резниченко.

бурыми листьями, кажется, была засыпана вся земля в маленькой столице "государства" Элеоноры Дессау. И листья эти были так похожи на ладони влюбленных, радостно раскрывшиеся для пожатий...

В ноябре молодожены торжественно въехали в Радзивилловскую Белую. Ежи Юзеф вступил во владение несвижской ординацией.

Что было потом? Была жизнь. Хотелось бы сказать, что радостная, но как солгать? Впрочем, была любовь, возвышающая над всем прочим, как поэтическая строка над бедной прозой разговорной речи, любовь, о которой помнят, забыв и отринув от себя все иное.

В 1688 году Элеонора родила девочку, которую назвали Катажиной Генрикой, соединив в ее имени имена двух бабушек — матери Ежи Юзефа и матери Элеоноры. Увы, новорожденная умерла через несколько дней после крещения. Элеонора надеялась, что у них будут еще дети, но этому не суждено было испольниться. Всего через год с небольшим после того, как Ежи Юзеф привез завоеванную им принцессу в свой замок, со 2 на 3 января 1689 года он скоропостижно скончался. Похоронив своего любимого, Элеонора Ангальт-Дессау вернулась на родину. Но, вопреки ожиданиям своих родителей, она отказалась связать судьбу с иным мужчиной. И жила, бережно храня в душе воспоминания о своей единственной, самой прекрасной, восторженной любви. Она не сняла со своей головы траурной вуали до самой смерти...

А вдовство ее длилось шестьдесят семь лет...

ЛОВУШКА ДЛЯ КНЯЗЯ

Старая хозяйка Несвижа Катажина Радзивилл мучилась бессонницей. Она тщетно перепробовала с дюжину испытанных средств, которые обычно легко погружали ее в сон, но сегодня почему-то не действовало ни монотонное заунывное чтение служанкой скучнейших мест из Ветхого Завета, ни принятый в кровати медовый напиток, ни подсчет в уме воображаемых баранов. В конце концов женщина оделась, твердо решив гулять по двору замка, пока вид звездного неба не повергнет ее в зевоту.

Княгиня сама не заметила, как дошла до заросшего плакучими ивами берега неторопливой реки Уши, где на нее сразу же нахлынули магические, самые прекрасные звуки летней ночи. Она остановилась, невольно заслушавшись торжествующей песней любви, выводимой несмолкаемым хором лягушачьих голосов. Время от времени в нее врывались звонкие трели солиста — одинокого соловья.

Как завороженная, стояла княгиня почти у самой кромки воды, пока не закружилась голова от обрушившихся воспоминаний молодости, времени, когда все соловьи пели лишь о ее любви и о ее юных надеждах. Годы пролетели как один день. Кому же нынешней ночью поет соловей?

Ей не пришлось слишком долго гадать. Тихий шепот, похожий более на шелест листвы, потревоженной ветром, послышался где-то в стороне. Влюбленная пара. Княгиня прислушалась. Голоса показались ей знакомыми. Особенно мужской. Таясь, она начала подбираться поближе. Когда влюбленных от княгини отделял лишь один густо разросшийся ивовый куст, Катажина Радзивилл замерла, схватившись рукою за сердце. В сиянии полной луны она увидела всего в нескольких шагах от себя своего сына, Кароля Станислава, нежно обнимающего хорошенькую горожанку. Ту самую, розовым личиком которой и сама она несколько раз невольно любовалась, выходя после мессы из костела. Постоянное место девушки в храме было на предпоследней скамье.

Смущенно-счастливый девичий смех вызвал в душе княгини новые страдания. А по первым же явственно услышанным ею словам сына Катажина Радзивилл поняла: речь идет не о юношеских шалостях, но о чувствах серьезных и глубоких.

—Аннуся, я так люблю тебя, что мог бы ради тебя, кажется, и горы свернуть, — говорил юноша. — Согласишься ли ты быть моей навеки?

— А твоя мать? Она никогда не разрешит нашей свадьбы, — потупив глаза, отвечала девушка. — Не станем же мы жить в грехе, как те, кто по неведению готовит свои души для ада.

— Ты не знаешь меня, Аннуся! Ведь я люблю тебя больше всего на свете. Я клянусь, что уговорю матушку. А если она все же не согласится, то пойду против ее воли. Я давно уже совершеннолетний и вправе решать свою судьбу сам. Мы будем вместе, чего бы это ни стоило, и мы будем счастливы.

Слушать дальше пылкие речи влюбленных старая княгиня не стала. Она медленно отступила в густую тень деревьев и, стараясь двигаться как можно тише, покинула место любовного свидания. Лицо ее было мрачным и непроницаемым, и глядя на него теперь, трудно было себе даже представить, что еще четверть часа назад его увлажняли слезы умиления, вызванные соловьиными трелями...

Всего через несколько недель, в святое воскресение, перед самым началом утренней мессы в костеле княгиня Радзивилл неожиданно для всех присутствующих: нарядно разодетой шляхты, горожан и дворовой челяди, тяжело опираясь на любимую свою резную трость из красного дерева, поднялась со своей скамьи и сделала священнику знак, что хочет говорить.

— Мне стало известно, — в гулкой тишине голос ее был слышен всем, — что сын мой, Кароль Станислав, влюблен в некую юную особу, которую мечтает видеть своей супругой. Быть может, он давно бы ввел в наш замок молодую хозяйку, если бы не боялся моего несогласия и моей нелюбви к нежданной невестке. Но может ли мать быть счастлива, если ее сын несчастлив? Поэтому сегодня и здесь я заявляю о моем согласии с выбором Кароля Станислава и если могу что-нибудь в этой ситуации потребовать, то это — немедленного его венчания с любимой девушкой. Она присутствует сегодня в храме. Ее имя — Анна.

Но почувствовавший себя после этих слов самым счастливым человеком на свете молодой Кароль Станислав не успевает даже поблагодарить мать, потому что взгляд княгини внезапно становится жестким и неприступным. Со словами: "Я сама хочу соединить руку моего сына с рукой его избранницы", Катажина Радзивилл поднимает со скамьи сидевшую рядом с нею свою юную дальнюю родственницу, вот уже несколько дней гостящую в Несвиже, Анну Катажину Сангушко, и подводит ее к сыну.

Онемевший от неожиданности Кароль Станислав сам не понимает, как и почему он оказывается перед алтарем рука об руку с

девушкой, которую почти не знает и, конечно же, совершенно не любит.

— Согласен ли ты, сын мой, взять в жены эту женщину? — вопрошает святой отец.

И неожиданно для себя Кароль Станислав произносит роковое: "Да". В ответ на это слово неправды, соединившее его навеки с нелюбимой, где-то далеко за его спиной, на предпоследней скамейке, вскрикнув, забилась в рыданиях другая девушка, любимая и преданная.

Боже, как сложно устроен был мир конца XVII столетия! Как все, что происходило в нем, вращалось вокруг единственного и незыблемого для большинства современников понятия — честь! Честь девичья, честь шляхтича, честь рода... Уронивший в грязь однажды это понятие уже не имел шанса возвыситься когда-либо в глазах окружающих, был порицаем и презираем. Раздумывая сегодня над мотивами поступка молодого князя Кароля Станислава Радзивилла, мы, далекие его потомки, должны учесть это обстоятельство и не судить его слишком строго за измену любви. Ее не было, этой измены. Была жертва на алтарь чести. Князь Радзивилл не имел даже права помыслить прилюдно в храме отвергнуть руку предложенной ему дочери магната. Этим он нанес бы жестокий удар по ее девичьей чести, по своей княжеской чести (ибо позволил оскорбить высокородную панну перед лицом черни), по чести своей матери и чести всего рода Радзивиллов: Старуха-мать знала: ловушка, приготовленная ею для сына, сработает безотказно. Она избавится от перспективы получить в невестки девицу незнатного происхождения. Но думала ли она в те минуты о чувствах Кароля Станислава, единственного оставшегося в живых своего сына? Понимала ли, что делает его навек несчастным? Кто их разберет, этих матерей средневековья!

Впрочем, Катажина Радзивилл, в девичестве Собесская, и так уже довольно отняла у нас времени и внимания. Поговорим лучше о ее сыне.

Кароль Станислав появился на свет 27 ноября 1669 года в Кракове. И сразу же был удостоен пристального внимания сильных мира сего: крестными младенца были король Речи Посполитой Михал Корибут Вишневецкий и его матушка Гризельда.

В неполные двенадцать лет мальчик утратил отца и получил в наследство староства нежинское и острское. А в июне 1986 года, будучи шестнадцатилетним, в знак благодарности за выполнение за границей дипломатических поручений короля Яна Собесского, ради которых вместе со своим братом Ежи Юзефом Кароль Станислав ездил в

Англию и Португалию, назначается на должность конюшего литовского. С этого началась его политическая карьера.

Уже в декабре следующего года юношу избрали на сеймике в Мельнике депутатом на очередной гродненский вальный сейм. Восемнадцатилетнему Каролю Станиславу было известно, что сейм этот ожидается весьма бурным, потому что два из запланированных на нем вопроса уже загодя вызвали горячие обсуждения и споры как среди панства Речи Посполитой, так и в среде простолюдинов. Дело в том, что Ян Собесский намеревался добиться на нем постановления, согласно которому его сына, королевича Якуба, признали бы наследником отцовского престола. Если бы король предпринял такую попытку немного раньше, сразу же после того, как именно он и австрийский полководец Карл Лотарингский в 1683 году разгромили огромное турецкое войско, осадившее Вену, то, вероятно, на волне всеобщего ликования и всеевропейского восхищения его деяниями смог бы осуществить свой замысел. Но к этому времени его популярность уже значительно уменьшилась, ибо короля-полководца преследовал ряд неудач. Его походы на западно-украинские земли и в Молдавию, которые он ежегодно организовывал с 1684 до 1687 года, были безуспешными. И вдобавок по условиям "Вечного мира" с Россией, заключенного в 1686 году, Речь Посполитая утратила Киев.

Избранию королевича Якуба преемником престола препятствовало также то, что магнатство и шляхта Речи Посполитой прекрасно сознавали, что сын явно не имеет и половины отцовских талантов и добродетелей. А если добавить к перечисленному и тот факт, что кое-кто из депутатов предстоящего сейма сам не прочь был усесться со временем на этот самый престол (по принципу "А чем мы хуже?"), то уже заранее можно было предсказать, что обстановка на сейме будет весьма накаленной.

Еще более усиливал это напряжение второй вопрос. Депутаты должны были решить судьбу одного из своих товарищей по оружию, вместе с ними сражавшегося и с казаками, и со шведами, и с московскими ратями, судьбу Казимира Лыщинского. Этого брестского шляхтича в результате доноса его былого друга и соседа пана Яна Бжоски обвиняли в самом страшном из всех мыслимых в те времена преступлений — атеизме. Возможно, сегодняшнему читателю, воспитанному в обществе, провозгласившем свободу совести, такое обвинение покажется смешным либо абсурдным. Но в описываемые нами времена сама мысль о возможности человека даже просто усомниться в существовании Всемогущего вызывала настоящий шок. До самого конца XVII века случаев полного отрицания человеком Бога не было

не только в Речи Посполитой, но и, пожалуй, во всей Европе. Бесчисленные жертвы средневековой инквизиции, окончившие жизни свои в пламени костров, пострадали либо за колдовство, либо за ересь. Еретиками же считались те, кто осмеливался всго лишь трактовать Библию или отдельные ее положения по-своему, те, чьи рассуждения и умозаключения не совпадали с утвержденными католической церковью догмами, да еще ученые, чьи открытия так или иначе противоречили содержанию Библии.

Но все эти люди все-таки верили, что Бог есть. Так что первым настоящим атеистом в Европе по праву может считаться Лыщинский.

Епископский суд единогласно приговорил атеиста к смертной казни и готов был немедленно отправить несчастного на костер. Но не тут-то было. Не столько суровый приговор, сколько сам факт церковного суда над шляхтичем вызвал всеобщее возмущение. Ведь епископы опрометчиво покусились на самое главное для шляхты Речи Посполитой — права. Согласно одной из статей Статута Великого княжества Литовского дела шляхтичей строго-настрого запрещалось разбирать в церковном суде, который то и дело норовил объявить о раскрытии новой ведьмы или еретика. Шляхту и магнатов судил светский, королевский суд, гарантировавший им более лояльное отношение. Епископы нарушили закон. А этого им спустить не могли. От имени брестской шляхты депутат Писаржевский обратился в Трибунал Великого княжества Литовского. Причем он не только обжаловал приговор епископов на том основании, что тот не имеет законной силы, ибо нарушает статью Статута, но и обвинил самих судей в желании ввести в Великом княжестве Литовском "испанскую инквизицию" с ее жестокими пытками и кострами. Этот протест поддержала возмущенная шляхта из других регионов. И ей удалось добиться своего. Трибунал отменил приговор. Конечно, больше из принципа, чем осознания невиновности подсудимого, которому не только не симпатизировали, но и откровенно побаивались.

Впрочем, духовные судьи готовили контрудар. Правильно рассчитав, что голословное утверждение о том, что осужденный шляхтич отрицает Бога, не может так ужаснуть нормального верующего человека, как обнародование имеющегося у свидетеля Бжоски чудовищного документа, тайного дневника "брестского монстра", цитатами из оного клирики решили поразить ужасом воображение депутатов сейма.

Молодой Кароль Станислав загодя прибыл на сейм. Он прекрасно знал, что Ян Собесский планирует противопоставить его и его родственников Сапегам, сторонникам избрания на трон Речи Посполитой

французского принца, которые в это время открыто критиковали короля и дошли уже до того, что начали утверждать, будто "...Собесских нельзя пускать на трон, ибо Бог не дал им для этого соответствующего ума: полковники, гетманы из них неплохие, однако полковничья булава не может заменить голову". Но при всем этом кажущийся сам себе проницательным Радзивилл не мог даже представить, что по вине злобствующих Сапег и их сторонников сейм будет сорван в первый же день. Да он фактически и не начался. Так что вопрос о "покарании атеиста" даже не обсуждался.

Впрочем, если говорить честно, такой оборот событий невольно спровоцировал сам король. Ян Собесский, не обдумав все как следует, посадил своего сына слева от себя как наследника. А ведь Якуб еще не был утвержден депутатами в этом положении. Более того, вопрос о наследовании престола только готовился к обсуждению.

После минуты всеобщего замешательства один из присутствующих, преданный Сапегам виленский хорунжий Домбровский, гаркнул во всю глотку: "Запрещаю!" А это было не просто слово, но своеобразная юридическая формула. Дело в том, что уже с 1662 года любое решение на сейме принималось не большинством голосов, как раньше, а только при наличии единогласия. Так что воли даже одного-единственного депутата, имеющего по рассматриваемому вопросу иное мнение, достаточно было для того, чтобы решение не было принято. Абсурд? Но таков закон. Достаточно было какому-нибудь полупьяному шляхтичу крикнуть: "Запрещаю!", и любой проект отклонялся.

Нередко придерживающиеся иного взгляда депутаты усмиряли такого крикуна кулаками, а то и оружием. А в том случае, если у него находились сторонники, конфликт переходил во всеобщую потасовку. Если же учесть, что магнаты приводили с собой на сейм огромные отряды, не исключено было, что заурядная драка в зале заседаний перерастет в настоящее сражение. И без того несчастная Речь Посполитая после каждого из сеймов теряла несколько погибших в свалке шляхтичей. А уж сколько их оказывалось с поломанными руками да ребрами, выбитыми зубами, расквашенными носами да отрубленными либо оторванными ушами!

На этот раз, к счастью, обошлось без мордобоя и кровопролития. И хотя к крикуну Домбровскому тут же бросился с саблей в руках кто-то из сторонников короля, а в ответ преданные Сапегам люди обнажили свои клинки, противников удалось развести еще до начала схватки.

После срыва сейма Кароль Станислав отправился в Белую, бывшую его резиденцией со времени возвращения из-за границы. В

конце апреля король передал ему под командование гусарскую хоругвь, бывшую до этого под началом Яна Велопольского. И вскоре Радзивилл со своими гусарами принял участие в очередном походе против турок на Подолье. Впрочем, значительных успехов, как и в предыдущие годы, войска Речи Посполитой не достигли.

На обратном пути князь встретился в Жолкве с Яном Собесским. Король его тепло принял и долго жаловался на происки оппозиции, в состав которой входили представители "французской" и "австрийской" партий. Но более всего он обижался на Людвику Каролину Радзивилл. Овдовев, она, оказывается, обещала выйти замуж за королевича Якуба, но нагло обманула монарха Речи Посполитой, неожиданно для него тайно обвенчавшись с пфальцграфом нейбургским, Карлом Филиппом. При этом Ян Собесский, конечно же, напрочь забыл о том, какое давление и на молодую вдову, и на ее бывшего опекуна и свекра, курфюрста бранденбургского Фридриха Вильгельма, оказывала его "группа поддержки", когда добивалась согласия на обручение. Зато король прекрасно помнил о контракте, который представители этой самой "группы" заставили подписать бедную женщину. Согласно ему дочь Богуслава Радзивилла в случае отказа от венчания с Якубом Собесским лишалась всех своих имений в Великом княжестве Литовском, которые переходили во владение Собесских.

С обидой король сообщил Каролю Станиславу, что "негодная" Людвика Каролина сразу же после заключения брака с Карлом Филиппом вступила в сговор с Сапегами, которые обещали защитить ее права в сенате Речи Посполитой и даже применить собственные войска для недопущения конфискации ее владений. Заплатила им пфальцграфиня за это целых 60 тысяч талеров. С горечью поведал монарх, что Сапеги приняли предложение Людвики Каролины, ибо готовы на все ради того, чтобы "подложить свинью" своему государю.

Собесский полагал, что Кароль Станислав, сын его родной сестры, ринется на защиту интересов своего коронованного дяди и вступит в борьбу с Сапегами. Но, к изумлению короля Речи Посполитой, юноша не дал ему такого обещания. Он даже удивился, как мог король предложить ему, Радзивиллу, конфликтовать с защитниками интересов женщины, в девичестве носившей ту же, что и он, фамилию, его кузины, которая с таким теплом и гостеприимством принимала некогда его с братом в своем дворце? Впрочем, будучи таким же дипломатом, как и его покойный отец, Кароль Станислав открыто не отказался, а отделался неопределенными фразами.

А Собесский продолжал попытки сделать молодого Радзивилла верным своим сторонником. Именно благодаря королевской под-

держке в ноябре того же года Кароль Станислав был избран посланцем от Бреста на Варшавский сейм, начавшийся 17 декабря 1688 года и продолжившийся два месяца. Но депутаты, съехавшиеся на него, ничего путного не решили. Обладавшие наиболее многочисленным количеством сторонников Пац и гетман великий литовский, воевода виленский Казимир Ян Сапега вместе с братом, подскарбием литовским Бенедиктом Павлом, отстаивали не столько государственные, сколько свои личные интересы и не пришли к единому мнению почти ни по одному вопросу. Правда, Ян Собесский объявил во всеуслышание о своем решении конфисковать владения Людвики Каролины Радзивилл. Но осуществить это намерение в дальнейшем не смог, так как Казимир Ян Сапега окружил подлежащие конфискации земли нейбургской пфальцграфини своими войсками. Король вынужден был отказаться от своего намерения.

Неурядицы на сейме навредили и злосчастному Лыщинскому, ожидавшему окончательного решения своей участи. Предложение брестского земского писаря Людвика Потея, который был близким другом обвиняемого, о том, чтобы судить его земляка всем составом сейма (он рассчитывал использовать для спасения Казимира принцип "либерум вето"[1]), принято не было из-за сильного епископского крыла сейма. Епископыдепутаты добились того, что дело "брестского монстра" будет рассматривать сеймовый суд. И они сумели настроить за время, прошедшее после гродненского сейма, нужных им людей против обвиняемого. В результате атеиста Лыщинского приговорили к смерти на костре.

Правда, король, учитывая шляхетское происхождение осужденного, повелел: перед тем, как предать огню, отрубить ему голову.

Радзивилл и на этом сейме старался сохранить нейтралитет. Не особенно нападал на Сапег. Не принимал участия в решении судьбы шляхтича-богоборца. Впрочем, ко времени, когда сеймовый суд готовил приговор Лыщинскому, Радзивилла в Варшаве уже не было: он вынужден был покинуть сейм по семейным обстоятельствам. В ночь со 2 на 3 января 1689 года умер его брат Ежи Юзеф, тот, кто был для молодого князя во всем примером и образцом для подражания. Теперь Кароль Станислав, оказавшись старшим мужчиной в семье, становился несвижским ординатом. В течение нескольких месяцев он занимался подготовкой похорон (они должны были, соответ-

---

[1] Либерум вето (Liberium veto) — дословно означает "свободно запрещаю". Об этом принципе, позволяющем любому депутату сорвать неугодное ему решение сейма, высказавшись против него, подробно описано выше.

ственно положению покойного, проходить с большой помпезностью), а также семейными и хозяйственными делами.

Ноша забот была особенно тяжела потому, что князю довелось абсолютно все проблемы решать в одиночку. Безутешная вдова Ежи Юзефа, Элеонора Ангальт-Дессау, появилась в Несвиже всего лишь чуть больше года назад и не успела еще как следует освоиться. А две смерти родных людей — вначале новорожденной дочери, а затем горячо любимого мужа, оказались для нее слишком страшным ударом, чтобы она могла думать о чем-либо еще, кроме своего горя. Кароль Станислав, как мог, утешал и успокаивал несчастную женщину, обещал устроить ее судьбу, даже найти ей в будущем прекрасную партию, но все было напрасно. Элеонора твердо решила после смерти мужа уехать к себе на родину.

Князь понимал ее чувства. А вот поведение собственной матери объяснить ему было трудно. Она так и не показалась в Несвиже, не приехала даже на похороны. Из-за мелкой, в чем-то даже надуманной обиды, будто бы нанесенной ей королевой, старая княгиня Катажина Радзивилл заперлась в монастыре и таким своеобразным бойкотом добивалась признания того, что она по своему положению равна польской государыне. Ее болезненная гордыня нашептывала ей, что даже смерть сына не является настолько важным событием, чтобы отказаться от наиглавнейшего дела — доказательства своего величия и значимости.

Только в августе прибыл Кароль Станислав в военный лагерь, разместившийся под Барышем, чтобы затем участвовать в очередной военной кампании на Подолье. Но уже в сентябре покинул войско и отправился в Поморяны на встречу с королем. Оттуда поехал в Белую. В начале следующего 1690 года получил на Варшавском сейме должность подканцлера литовского. А в ноябре принял активное участие в заседаниях рады сената, на которых обсуждался вопрос о женитьбе королевича Якуба на нейбургской принцессе Гедвиге Элизабете. Этот брак предложили представители нейбургского пфальцграфа. Подобрав для непутевого Якуба в супруги принцессу, о чем мечтал его отец, родственницу мужа Людвики Каролины, они рассчитывали устранить конфликт, возникший у Нейбурга с королем Речи Посполитой, когда Карл Филипп фактически из-под носа у королевича увел княжну Радзивилл.

Члены рады с пониманием отнеслись к представленному для их обсуждения вопросу, и весной 1691 года Кароль Станислав по просьбе Яна Собесского отправился в Петриков, чтобы встретить там и сопроводить в Варшаву невесту. Затем он участвовал в многодневной

пышной свадебной церемонии, для проведения которой король потратил немало денег из государственной казны. Глядя, как глупо выглядит в роли жениха злосчастный Якуб, Кароль Станислав не мог сдержать скептической усмешки. Кто бы мог подумать, что всего через год и сам Радзивилл окажется главным действующим лицом ужасного трагифарса, называемого женитьбой, и поведет к венцу чужую, почти незнакомую ему девушку; и что это событие произойдет по вине его матери, вернувшейся после долгого противостояния королеве наконец-то победительницей в Несвиж!

А за этим жестоким ударом последует второй. Возлюбленная Кароля Станислава, красавица-горожанка Аннуся, пострижется в монахини под именем сестры Марии. Говорят, у нее был удивительной красоты голос и благодаря ему она стала украшением хора святых сестер-бенедиктинок. Можно представить себе, каково было Радзивиллу видеть свою несчастную возлюбленную во время праздничных богослужений, в которых доводилось участвовать и монахиням-хористкам, и слышать под сводами несвижского иезуитского костела этот волшебный голос, возносящий светлые молитвы обо всех согрешивших и раскаявшихся Творцу вселенной и Деве Марии[1].

Эти мучения, это скорбное видение несостоявшегося счастья должно было преследовать его всю оставшуюся жизнь, превращая ее в безрадостное, серое существование. И, быть может, именно поэтому в первые годы после своей женитьбы Кароль Станислав Радзивилл не совершил ничего выдающегося ни для родины, ни для короля, который совершенно напрасно ожидал от него решительной определенности действий в защиту либо против его интересов. Ни того, ни другого не было. Хотя утверждать, будто несвижский князь, погрузившись в черную меланхолию, предпочел отгородиться от всего мира стеной печали, было бы неправильно. Он выполнял все свои государственные обязанности, пусть себе и без особой инициативы, но аккуратно. И не давал повода недоброжелателям обвинить его в некомпетентности, а подданным — в том, что он не радеет, как это подобает настоящему ординату, об обитателях своих владений.

Князь оказался внимательным, рачительным хозяином. И в первую очередь постарался сделать все возможное, чтобы возродить былое благополучие Несвижа. Ведь город, несмотря на все льготы, которые выхлопотал для него покойный Михал Казимир Радзивилл, так и не оправился по-настоящему от бед, принесенных ему русскими

---

[1] По преданию, знаменитая "Ave Maria" австрийским композитором Францем Шубертом была написана в 1825 году под впечатлением истории любви несвижской монахини сестры Марии, которая будто бы была рассказана ему каким-то заезжим поляком.

и шведскими войсками. Видя, в каком запустении находится Несвиж, как он обезлюдел, князь издал манифест, согласно которому все крестьяне из его владений, ко времени появления этого документа поселившиеся в городе, могли оставаться жить в нем навсегда, причем они приравнивались в правах к мещанам.

Кстати, к этому времени у Кароля Станислава вроде бы наладились отношения с Сапегами. Видимо, поспособствовало то, что, женившись, он оказался с ними в родстве (ведь матерью его жены Анны Катажины Сангушко была Констанция Сапега). Свидетельством этому может явиться событие, произошедшее в декабре 1693 года. Немного ранее виленский епископ Константин Бржостовский (довольно зловещая особа, именно ему в свое время мерзавец Ян Бжоска отвез свой донос на Казимира Лыщинского и улики, именно он стал первым обвинителем несчастного шляхтича-атеиста) выдал мандат, согласно которому Казимир Ян Сапега должен был явиться на сеймовый суд. Кароль Станислав тут же написал епископу протест, в котором заявлял, что этот мандат не действителен и указывал причины такого утверждения. Тем самым Радзивилл освобождал гетмана великого литовского от необходимости являться на этот суд. Одним из аргументов, приведенных князем, была ссылка на то, что на документе такой важности необходимо поставить еще и печать канцлера великого литовского.

Противодействие несвижского князя епископу получило широкую известность и горячую поддержку шляхты Великого княжества, которой деяние сего высокопоставленного священнослужителя было расценено как еще одна попытка ущемления привилегий. А вот при дворе короля поступок Радзивилла вызвал бурное негодование. Ведь Бржостовский, потребовавший явки Сапеги на суд, в сущности делал то, чего желали придворные круги.

Более всего возмущена была королева Марысенька. После длительного и серьезного конфликта с матерью Кароля Станислава она, кажется, возненавидела весь род Радзивиллов, хотя ее врагами были скорее Собесские, а точнее — только сестра ее мужа. Теперь же государыня готова была стереть в порошок осмелившегося стать на ее пути несвижского князя. Король попробовал успокоить супругу, заступиться за племянника, но ярость ее была так велика, что он вынужден был от своего намерения отказаться.

К счастью, реальной власти, такой, чтобы она могла расправиться с неугодным ей магнатом, у королевы не было. Так что вопли и истерики этой коронованной особы нисколько не навредили Каролю

Станиславу. Князь вел ту же жизнь, что и ранее. Сеймы, сеймики, заседания трибунала, служба, дом...

В 1694 году он схоронил мать, спокойно, почти равнодушно проводив ее в последний путь.

Гораздо больше его взволновала смерть кузины Людвики Каролины, которая произошла в 1695 году. Это действительно было трагическое событие. Молодая женщина умерла во время родов по вине легкомысленной повитухи. Имея уже от супруги двух дочерей, пфальцграф нейбургский Карл Филипп с трепетом ожидал наследника, сына. Третья беременность протекала нормально. Людвика Каролина была румяна и бодра. Повитуха считалась знающей, и она вовремя определила время родов. Но когда на свет появился пухлый крикливый младенец-мальчик, почему-то растерялась. Прикинув, как щедро одарит ее пфальцграф за помощь при рождении долгожданного наследника, она радостно засуетилась с новорожденным и тут же, оставив роженицу одну, поспешила с ним к купели обмыть, спеленать и побыстрее показать отцу. И только тяжелый стон Людвики Каролины, у которой в это время открылось кровотечение, заставил повитуху оторваться от своего занятия. С ужасом уразумев, что роженица умирает, она оставила ребенка прямо в купели и бросилась к пфальцграфине. Но было уже поздно. Людвика Каролина истекла кровью, а ее новорожденный сын захлебнулся.

Смерть Людвики Каролины, конечно, была огромным горем для ее семьи и близких. Но в Великом княжестве Литовском она привела еще и к тяжелым последствиям. Ведь все ее местные владения (а это ни много ни мало Кейданы, Слуцк, Копысь, Любча, Койданово, Смолевичи, Невель, Себсж, сотни деревень) перешли к ее старшей дочери Софии Элизабете Августе. Понятно, что наследница осталась в Германии, а среди магнатов Речи Посполитой разгорелась борьба за право опеки над всеми этими имениями несовершеннолетней новой хозяйки. Основными претендентами были Радзивиллы и Сапеги. Первые заявили, что они являются ближайшими родственниками усопшей и ее дочери, а другие напомнили о договоре, заключенном ими в свое время с Людвикой Каролиной, по которому уже однажды волею судеб им пришлось стать защитниками нейбургского дома и их местных владений.

Вскоре противостояние вылилось в вооруженный конфликт. Кароль Станислав при помощи собственного войска занял принадлежащие его соперникам города Копыль и Романов. Сапегам удалось отбить свои владения. Борьба разгоралась все больше и больше. А тут еще и Ян Собесский припомнил контракт, подписанный когда-то

Людвикой Каролиной, бывшей владелицей "нейбургского наследства" (так стали официально называть владения почившей Людвики Каролины в Великом княжестве Литовском).

В конце концов решением спорного вопроса занялась рада сената. Ее вердикт, принятый 21 апреля 1695 года, был кратким и не допускающим возражений: сенаторы признали право опеки за королем, а в случае его смерти опекунами становились Радзивиллы. Но когда в скором времени, 17 июня 1696 года, король Ян III Собесский скончался, Кароль Станислав не смог приступить к своим опекунским обязанностям. Потому что в условиях временного безвластия, бескоролевья в государстве Сапеги самовольно заняли владения маленькой нейбургской принцессы.

В Речи Посполитой в который уже раз началась борьба претендентов за престол. Их доверенные лица рассыпались соловьями во время своих выступлений, тратили огромные деньги на подкуп. На бесчисленных сеймиках противоборствующие стороны нередко выясняли отношения с помощью кулаков и сабель. Множество сеймиков было сорвано так же, как брестский, в котором участвовал и Кароль Станислав. Ознаменовался этот сеймик конфликтом Радзивилла с каштеляном виленским Юзефом Богуславом Служкой. Эти глубокоуважаемые особы три дня выясняли, кто же из них будет руководить работой сеймика. Их бурные дебаты стали причиной того, что 29 июня он был сорван.

После этого несвижский князь отправился на элекционный сейм в Варшаву. На это время среди претендентов на корону наибольшую популярность имели двое — сын покойного короля Якуб Собесский и французский принц Анри де Конти, довольно известный полководец. Сторонники первого, придворная партия, называли себя республиканцами (напоминая этим, что Речь Посполитая — "республика народов") и делали все возможное, чтобы не допустить на престол французского принца. Правда, в последнее время положение их было весьма тяжелым. Причем виновата в этом была главная опора их претендента, его мать, овдовевшая Мария СобесскаяД'Аркьен. В польской столице всех уже лихорадило от ее поведения. Она засела в королевском дворце и с утра до ночи занималась тем, что собирала ценности, предметы роскоши и богатую дворцовую утварь, с целью присвоить и вывезти оттуда все это. Вдова влезла даже в государственную казну, утверждая, что золото и серебро, находящиеся там, принадлежат роду Собесских. А из-за споров по поводу недвижимости склочная женщина насмерть разругалась даже с собственным сыном Я кубом. До этого момента она неустанно проталкивала его на

отцовский престол. А после ссоры демонстративно стала добиваться короны для своего младшего сына Александра, естественно, ослабив и без того непрочную политическую позицию Якуба и не сумев создать надлежащей группы поддержки для нового претендента.

Все вышеописанное сопровождалось непрерывными скандалами, избиением несчастных служанок, по ее мнению, бестолковых, воплями, причитан гями, истериками. Наконец, магнатам надоело терпеть все это и они настоятельно попросили вдову покинуть королевский дворец. Экс-королева с проклятиями подчинилась. И в этот момент, по словам очевидцев, можно было наблюдать удивительную сцену. Для имущества, которое "нахватала" Марысенька, не хватило телег. А в имеющиеся ну никак не удавалось втиснуть и утрамбовать все то, что вознамерилась вывезти бывшая государыня Речи Посполитой. Но окончательно добила всех ее попытка увезти... тело усопшего короля. Из бессвязных, перемежаемых всхлипами выкриков удалось понять, что она таким образом решила выразить протест против того, что ее изгоняют из дворца. Мол, если вы настолько не уважаете меня, то не уважаете и моего мужа. Коли так, то я вправе увезти его тело и похоронить в семейной усыпальнице Собесских, а не среди былых королей. Осуществить затею Марысеньке, понятно, не дали. Более того, с этого момента даже многие из тех, кто сохранял к овдовевшей правительнице теплые чувства, перестали поддерживать ее. Кароль Станислав, до глубины души возмущенный поведением его коронованной тетушки, примкнул к комиссии сейма, добивавшейся того, чтобы Мария Собесская покинула не только дворец, но и столицу. Когда же примас Михал Радзеевский, пользуясь правом, предоставленным ему законом[1], отказался утвердить это требование, Кароль Станислав покинул вместе с главой вышеупомянутой комиссии маршалком посольской избы Стефаном Гумецким и группой других сенаторов зал заседаний и перебрался в посольскую избу. Таким образом члены комиссии выразили свой протест. Но бурные заседания в избе, устроенные ими, не принесли никакой пользы. Единственное, чего они смогли добиться — права назначить группу резидентов, которые должны были находиться при теле почившего Яна Собесского и следить, чтобы вдова и ее сторонники не осуществили свою угрозу.

Одним из резидентов был Кароль Станислав. Князь некоторое время выполнял свой долг, но 4 октября покинул Варшаву.

---

[1] Право примаса — во время бескоролевья, со дня смерти одного правителя и до коронации другого, функции главы государства в Польше, а затем и в Речи Посполитой выполнял примас.

Кстати, именно на этом скандальном сейме был нанесен тяжелый удар по белорусской культуре и самосознанию. На нем отменили закон, по которому государственным языком в Великом княжестве Литовском признавался только белорусский. Вместо него 29 августа 1669 года на сейме было документально отмечено, что отныне "...все решения должны составляться на польском языке". С этого момента вся документация государственных и правовых органов стала вестись на польском.

В скором времени после окончания сейма Казимир Ян Сапега, продолжавший занимать должность виленского воеводы и гетмана великого литовского, угрожая применением вооруженной силы, заставил сенат назначить его сына Ежи, старосту жмудского, маршалком. Этот поступок вызвал недовольство у магнатов Огинских, расценивавших произошедшее как попытку Сапег захватить всю власть в Великом княжестве Литовском. Ведь кроме Казимира Яна еще два представителя рода Сапег, родные его братья Бенедикт Павел и Франтишек Стефан занимали очень высокие посты в княжестве. Первый был подскарбием, второй — конюшим литовским. Так что обвинения Огинских выглядели вполне обоснованными и вызвали соответствующую реакцию. Когда один из них, Станислав, разослал во все поветы универсал к шляхте с призывом явиться на сборный пункт в Брест, там собралось довольно внушительное количество защитников шляхетских прав и свобод.

Не дремали и Сапеги. Их войско осадило Брест. Мирить противников довелось Каролю Станиславу. В ноябре он вместе с воеводой середским Яном Пенязьским и маршалком надворным литовским Александром Сапегой прибыл в Брест. Миротворцам, хоть и с трудом, но все-таки удалось склонить враждующие стороны к подписанию соглашения. Причем с Сапегами договориться оказалось гораздо легче, чем с Огинскими. Немалую роль сыграло, что к этому моменту Радзивилл перешел в лагерь сторонников французского принца. Ведь вначале несвижский князь поддерживал Якуба Собесского, но после грязного скандала между этим претендентом на трон и его матерью за наследство окончательно утратил доверие к сыну покойного короля и начал поддерживать его противника-француза. Сапеги же являлись лидерами французской партии в Великом княжестве Литовском. Так что с ними Кароль Станислав и его спутники договорились без труда. Тем более, что один из миротворцев и сам был представителем этого могучего и весьма многочисленного семейства.

Найти общий язык с осажденными оказалось труднее. Лишь после того, как перед ними предстала альтернатива — помириться либо

продолжать сидеть в осаде и голодать (ибо о запасах продовольствия никто загодя не позаботился), Огинские решились подписать соглашение.

После этого Кароль Станислав полностью отдался предвыборной борьбе, которая приобретала все большее напряжение. На бесчисленных сеймиках сторонники того либо иного претендента старались собрать как можно больше голосов в поддержку своего кандидата. Для этого устраивались грандиозные попойки, раздавались крупные денежные суммы и еще больше — обещания. Вскоре определились и основные соперники: французская партия и республиканцы. Первые представляли интересы принца Конти, вторые вынашивали идею избрания на престол наследника Яна Собесского.

Одним из вопросов, обсуждающихся на каждом из сеймиков, и, пожалуй, самым главным, были выборы делегатов на предстоящий элекционный сейм. Понятно, что в каждом случае эти делегаты являлись представителями той партии, которая в данной местности имела больше сторонников. Но нередко их противники, предвидя свое поражение, срывали сеймики. Так, например, были сорваны республиканцами два брестских сеймика. Один, организованный Радзивиллом, заседал в замке, второй, на котором собрались республиканцы, в бернардинском монастыре. Понятно, что решения на них были приняты совершенно разные.

А тут еще на политическом небосклоне Речи Посполитой загорелась новая звезда. Почти через год после смерти Яна Собесского, в мае 1697 года, выставил свою кандидатуру еще один охотник за короной, молодой и энергичный саксонский курфюрст Фридрих Август. Причем для этого претендента королевский трон не был конечной целью. Он лелеял тайную надежду, что, став правителем и Саксонии, и Речи Посполитой, сможет добиться короны императора Священной Римской империи. Правда, предприимчивому претенденту тут же объяснили, что ему и пробовать не стоит добиваться королевского трона. Король должен быть непременно католиком, а Фридрих Август — протестант. Но нужно отдать должное курфюрсту, это препятствие он быстренько устранил. Отрекся от лютеранства. Это событие произошло 2 июля в Бадене, где курфюрст задержался на один день проездом в Вену. Сразу же после совершения обряда Фридрих Август оформил соответствующий документ, который был заверен его кузеном епископом Раабом Кристианом Августом, также в свое время перешедшим из лютеранства в католицизм. Этот документ тотчас же был отправлен в Варшаву. Курфюрст рассчитывал, что он

сыграет огромную роль в деле его избрания королем, если удастся огласить его в наиболее подходящий момент.

Между тем, к этому времени, благодаря активности агентов французского претендента, и в первую очередь посла Франции в Речи Посполитой Мельхиора де Пелигнаса, наибольшие шансы на корону получил принц Конти. В Польше партию его сторонников возглавляли Любомирские, в Великом княжестве Литовском — Сапеги. Из-за границы поддерживал французский король Людовик XIV, знаменитый Король-Солнце.

Неутомимый посол обратился и к Каролю Станиславу. Он дал от имени Конти письменные гарантии того, что в случае избрания принца на престол ему будет предоставлена должность маршалка великого литовского, та самая должность, которой князь добивался уже два года. Она могла бы принести ему неплохие деньги, а ведь из-за огромных долгов, оставшихся после отца и брата и висящих на нем, будто камень на утопленнике, Радзивилл подумывал даже о продаже столь желанного ему подканцлерства.

Впрочем, Кароль Станислав и без этого предложения выступал за избрание Конти. Ему, как и многим магнатам Великого княжества Литовского, этот кандидат импонировал более всего. И казалось, что все уже практически решено.

Но внезапно за избрание курфюрста выступили австрийский император и молодой русский царь Петр I. И тот и другой не желали, чтобы Речь Посполитая стала союзницей Франции. Петр I даже направил делегатам элекционного сейма грамоту, в которой предупреждал, что избрание Конти будет расценено как нарушение условий "Вечного мира" (который, кстати, и до этого времени все еще не был ратифицирован сеймом). Более того, царь начал угрожать войной в том случае, если будет избран не его претендент.

С первого взгляда кажется странной такая горячая поддержка этих монархов. Казалось бы, какое им дело до того, кто взойдет на престол Речи Посполитой? Вот если бы курфюрст приходился им родственником, тогда все было бы понятно. Но Фридрих Август не состоял в родстве ни с тем, ни с другим.

Наилучшее объяснение этой ситуации дает российский историк С. Н. Соловьев: "...соседние государства были чрезвычайно взволнованы выборами в Польше (так Соловьев по российской традиции называл Речь Посполитую — Авт.) по состоянию тогдашних дел в Европе... В то время господствовало сильное раздражение против властолюбия Франции, против ее короля Людовика XIV. Постоянной союзницей Франции была Турция, служившая для Франции орудием для отвлече-

ния Австрии от вмешательств во французские дела, от союзов, заключавшихся против Франции. Легко понять, как выгодно было для Франции иметь сильную партию в Польше, посадить там королем кого-либо из своих принцев или, по крайней мере, кого-нибудь из своей партии, чтобы по соседству с Австрией приобрести новое оружие для отвлечения ее сил. Но легко понять также, как для Австрии было важно, чтобы французские замыслы не удались, чтобы на польском престоле был ктонибудь свой или чужой, только не француз и не из французской партии. О том же должна была хлопотать и Россия, которая находилась в одинаковом с Австрией положении относительно Турции, она была также в войне с Турцией и должна была надеяться, что по ее отношениям к христианскому населению Турции вражда между нею и Портой будет постоянная и самая сильная; а пустить на польский престол французского кандидата — значило пустить естественного союзника Турции. Так вот почему Петр I так энергично выступил против французского кандидата на польский престол, принца Конти; он уже придвинул свои войска к границам Литвы (Великого княжества Литовского — Авт.), чтобы силой противиться его избранию".

Вот в такой обстановке давления из-за границ вынужден был проходить элекционный сейм, начавшийся 26 июля. Тем не менее, все равно в первый день большинство голосов получил французский принц. На следующий день Радзеевский выступил с речью, шокировавшей многих из присутствующих, знавших примаса как горячего поборника прав наследников Собесского. Теперь же глава католической церкви Речи Посполитой призвал депутатов, поддерживавших иных, не набравших достаточного числа голосов, претендентов, приложить все усилия для того, чтобы Конти не прошел, и голосовать за Фридриха Августа. Для усиления впечатления, полученного от его речи, сей высокопоставленный пастырь Божий зачитал документ о конверсии (переходе в католичество) саксонского курфюрста. Этим красноречивым выступлением и закончился очередной день сейма.

К следующему заседанию Фридрих Август получил уже значительно больше голосов. Да и не удивительно. Ведь к этому времени агенты его конкурентов, мягко говоря, поиздержались. А его люди "тряхнуть мошной" пока еще не успели. И вот теперь настал их звездный час. Так что сторонников у саксонца прибавилось. Одних депутатов вдохновило на пересмотр своих политических симпатий красноречие Радзеевского, других впечатлило известие о переходе Фридриха Августа в католицизм (бросив такую жертву на алтарь Речи Посполитой, курфюрст, казалось им, уже заявил о себе как о человеке,

способном на самоотверженность ради дел державных), прочим "помогли прозреть" немалые денежные суммы, полученные от доверенных лиц того, за кого им предлагали голосовать. Были и такие, которых запугали войной с русскими. А многие просто с восторгом вспоминали количество спиртного, выставленного им накануне агентами курфюрста. Короче, использованы были все те методы, которые и в наше время применяются при выборах во многих странах мира.

К чести Кароля Станислава заметим, что он избежал ловушек, в которые попали многие другие, и не изменил своих взглядов. Радзивилл по-прежнему оставался сторонником избрания Конти. Правда, из вечной своей осторожности не выказывал себя в числе самых активных сторонников принца. Для него вообще во всех делах была характерна умеренность. Современный польский исследователь Анджей Рахуба писал о Кароле Станиславе: "Радзивилла считали человеком хладнокровным и скупым, он не отличался выдающимися способностями политическими и интеллектуальными. Не был также очень активен политически и всегда старался занимать позицию "центральную", однако неоднократно играл важную роль в событиях на Литве, где пользовался достаточно сильной симпатией и уважением среди шляхты, в глазах которых выглядел всегда правым и справедливым (его называли Юстус[1])".

Между тем количество сторонников Фридриха Августа все более и более увеличивалось. Теперь за него было большинство польских воеводств и даже несколько сенаторов. Но... 27 июня на выборном поле в варшавском предместье Воля большинство голосов вновь получил француз. Скрепя сердце, Радзеевский вынужден был провозгласить королем Речи Посполитой принца Анри де Конти.

Казалось бы, на этом всякие споры и конфликты должны были закончиться. Однако сторонники курфюрста не успокоились. Они объявили королем Фридриха Августа. Таким образом была произведена элекция одновременно двух претендентов. Шляхта раскололась на два лагеря. Вот-вот между ними могла разразиться война, и страна была бы ввергнута в хаос междоусобицы. Но повезло саксонцу. Он, чьи владения находились ближе к месту событий, прибыл короноваться в Варшаву тогда, когда его соперник только-только еще подплывал на корабле к Гданьску. Когда же французский принц попытался сойти на берег, сторонники курфюрста не позволили ему этого.

---

[1] Юстус — от латинского слова, означающего "правдивый". От него произошла и "юстиция", что переводится как "правосудие, правда".

Фридрих Август короновался 15 сентября в Вавельском замке в Кракове, после чего стал именоваться Августом II. При этом новоиспеченный монарх сохранил данное ему ранее прозвище Сильный, которым очень гордился, ибо получил его за свою силу: он с легкостью мог смять в руках золотой кубок или сломать подкову.

Впрочем, положение этого физически сильного короля было весьма шатким. Многие из проголосовавших за Конти не признали акт его коронации, объявили его узурпатором, избранным меньшинством. Это был очередной рокош.

Кароль Станислав сразу же после окончания элекционного сейма уехал в Белую. Там 21 октября получил письмо от Августа II. Король горячо благодарил князя за его нейтралитет — он, конечно же, прекрасно знал, что Радзивилл голосовал не за него, но последние события давали королю возможность предполагать, что Кароля Станислава можно будет перетянуть на свою сторону. Тем не менее, Радзивилл не выказал большого желания сблизиться с монархом, так как далеко не был уверен в прочности его положения и продолжал надеяться на то, что трон все же займет французский принц. Он даже выразил сильное недовольство Сапегами, которые не оказали Конти вооруженную поддержку.

Но вскоре, после встречи с королем, которая произошла в январе следующего года, изменил свои взгляды. Август II тепло принял Радзивилла, поделился с ним своими планами, рассказал о том, что хочет "превратить Речь Посполитую в край цветущий и удивляющий соседей своей пышностью", говорил о своем стремлении к миру среди подданных и с соседними государствами, о намерениях провести целый ряд реформ. Кароль Станислав, очарованный собеседником, перешел на его сторону.

Увы, это была одна из тех ловушек, которые судьба то и дело готовила для несвижского князя. До этого момента ему каким-то чудом удавалось избегнуть большинства из них. А на этот раз Кароль Станислав попался, поверив красноречивому монарху.

Король лукавил со своими влиятельными подданными. На самом деле он мечтал об установлении в Речи Посполитой неограниченной власти. Такой, какая была во Франции, где любое слово короля — закон. К тому же Август II надеялся превратить свою власть в наследственную. А еще рассчитывал военным путем увеличить свои владения. Причем думал о расширении границ не Речи Посполитой, а своей родной Саксонии. Новые же его подданные, все эти поляки да литвины, виделись ему в качестве пушечного мяса, с помощью которого он осуществит свои грандиозные планы.

Но все это пока тщательно скрывалось за красноречивыми рассуждениями о грядущем для Речи Посполитой "золотом веке". И на первых порах Августу II многих удалось обмануть. Среди таковых оказался и несвижский князь.

Находясь под впечатлением встречи с монархом, Радзивилл отправился во Вроцлав. Там он повидался с пфальцграфом нейбургским Карлом Филиппом и попытался договориться о том, чтобы с его помощью добиться, наконец, своего права на опеку владений покойной Людвики Каролины и устранение от этого дела Сапег. Но долгие переговоры ни к чему не привели.

Весной того же года Кароль Станислав участвовал в необычном сейме, который вынужден был провести король. Августу И, все еще не увереннному в надежности своего положения на троне, невозможно было обойтись без этого сейма, получившего название пацификационного (примиренческого). Он должен был примирить монарха с враждебно настроенной к нему шляхтой. В это время Радзивилл обсуждал с Радзеевским действия по прекращению рокоша. И в скором времени провел совместно с епископом Николаем Святецким успешные переговоры с рокошанами. Рокош был распущен.

Король же вынашивал планы войны с Турцией. Несмотря на то, что ему сразу дали понять: долгие турецкие кампании его предшественника Яна III Собесского были весьма непопулярны и в Польше, и в Великом княжестве Литовском. Август II готов был вести войну даже на собственные средства и с помощью своих саксонских войск. Он обещал вернуть Речи Посполитой Каменец-Подольский и все западноукраинские владения, утраченные его предшественником (правда, втайне собирался владеть приобретенным лично). К планам возвращения утраченных территорий подданные Августа II в большинстве своем отнеслись довольно равнодушно. А вот намерение короля для борьбы с турками ввести в Речь Посполитую саксонские войска вызвало бурное недовольство среди шляхты. Пошли разговоры (небезосновательные, ибо двойная игра Августа II становилась все более заметной) о том, что король собирается нарушить политическую систему государства, ущемить шляхетские вольности и права, установить абсолютизм по примеру французского да саксонского. А тут еще в Великом княжестве Литовском вспыхнула "домовая война" — именно так исследователи этого периода истории назвали яростную борьбу магнатских семей за власть и влияние, то и дело обостряющуюся.

Огинские, под угрозой голода помирившиеся в Бресте с Сапегами, не утихомирились. Они продолжали обвинять соперников в желании захватить всю власть в свои руки. Утверждали даже, что те хотят

отделить княжество от Речи Посполитой и добиться в нем королевской короны для себя. А затем Станислав Огинский, собравший к этому времени огромное двадцатитысячное войско, повел настоящие боевые действия. Он нападал на имения Сапег, грабил и разорял их. Казимир Ян Сапега, застигнутый врасплох и не успевший собрать силы для отпора, воззвал к королю. Тот обещал помочь, но действовал крайне нерешительно. И в конце концов вызвал саксонские полки. Саксонцы вели себя во время похода так, будто находились на вражеской территории, — занимались грабежами и насилием. И это возмутило всех. Сапеги же наконец собрали силы и начали оказывать Огинским достойный отпор.

Борьба магнатских фамилий то утихала на время, то разгоралась вновь. Страну лихорадило. Впрочем, короля это, судя по всему, не очень тревожило. Нелады среди магнатов были ему только на руку. Тем более, что он вынашивал в это время план еще более грандиозный, чем войны с турками. Его очень заинтересовали Инфлянты, по-прежнему находящиеся под властью Швеции. Перспективы, открывающиеся перед Августом II, описал С.М. Соловьев: "...сама Ливония хочет отторгнуться от Швеции и поддаться Польше, об исполнении этого желания хлопочет Паткуль (один из лифляндских дворян — Авт.), принужденный оставить родную страну за то, что сильно отстаивал интересы своего сословия, интересы ливонского дворянства, бесцеремонно обобранного шведским королем, который хотел обогатиться и усилиться за счет дворянства как в Швеции, так и в Ливонии. Ливония просит освободить ее от шведского ига, хочет поддаться Польше: Паткуль уполномочен рыцарством заключить об этом договор. Но Польша не хочет тронуться, боится войны, боится усиления королевской власти от войны. И вот король будет воевать один со своим саксонским войском. Заключен договор, по которому Ливония присоединялась к Польше, а в секретных пунктах рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомков, даже если они не будут королями польскими, и все доходы отправлять прямо к ним. Таким образом, Ливония поддавалась не Польше, а немецкому государю, курфюрсту саксонскому, который приобретет через это выгодную позицию для действий против Польши, для утверждения наследственности в своем доме, для усиления своей власти. Если соседи будут мешать ему в этом, то можно кинуть им по куску польских владений, лишь бы быть сильным, самодержавным в остальных. Но прежде надобно приобрести хорошую позицию, овладеть Ливонией; одному трудно. Дания — верная союзница по

ненависти Швеции, но необходимо, чтобы Россия также приняла участие в войне".

Август II стремился форсировать события. И в первую очередь договориться с Петром I. Тем более, что обстоятельства благоприятствовали. Русский царь как раз перед этим совершал вояж по Европе. Но в июле получил письмо с известием о бунте четырех стрелецких полков и о том, что восставшие движутся к Москве. Он воспринял послание как призыв о помощи и тут же отправился на родину. Скакал день и ночь, делая остановки лишь для смены лошадей. В Кракове его перехватил курьер, сообщивший, что восставшие стрельцы на подступах к русской столице были разгромлены воеводой Шейным, а уцелевшие — казнены. Лишь после этого царь разрешил себе передохнуть. А затем в Раве встретился с Августом II.

Монархи сразу же понравились друг другу. Молодые, обоим чуть больше 25, почти ровесники (король Речи Посполитой старше всего на два года). Оба огромного роста и наделены от природы невероятной силой. И тот и другой не прочь как следует выпить и приударить за прекрасным полом. В этом деле царь, как известно, был не промах, а уж курфюрст вообще славился тем, что не пропускал ни одной юбки.

Трое суток пировали монархи. Выпили "море" вина. Испортили, соревнуясь в том, кто сильнее, массу серебряной столовой посуды, переломали с десяток подков. И между всеми этими делами заключили тайный договор против Швеции. Петр I охотно согласился на этот шаг, ибо начинал уже подумывать о том, как бы ему пробиться к Балтийскому морю. Тем более, что дело, задуманное ими, на первый взгляд было несложным. Швеция, одна из могущественнейших европейских держав того времени, переживала, казалось бы, не лучшие времена. Хотя в результате целого ряда войн она владела Финляндией, Эстляндией, Лифляндией, Северной Померанией, герцогствами Бремен, Верден, Висмар в северной Германии, былыми русскими землями Карелией и Ингрией, на шведском престоле сидел юный король Карл XII, большую часть своего времени отдававший не государственным делам, а забавам, играм, охоте. Его сумасбродные, а часто просто дикие выходки пугали жителей столицы.

Да к тому же и возможные союзники Швеции — Англия с Голландией — были заняты другими проблемами: они готовились к борьбе за испанское наследство, так как бездетный испанский король Карл II находился в преклонном возрасте и весьма плачевном состоянии здоровья.

Тем временем появилась возможность вернуть захваченные турками земли безо всякого кровопролития. Османская империя уже

несколько лет не могла отвоевать взятый русскими войсками город-крепость Азов. Турецкие военачальники понимали, что этот прекрасно укрепленный пункт послужит русским плацдармом для дальнейшей борьбы за завоевание Крыма и северного побережья Черного моря. Вести в подобных условиях войну еще и с Речью Посполитой было бы непростительной глупостью. Сложилась выгодная для Речи Посполитой ситуация, при которой дипломатическими методами можно добиться большего, чем военной силой. Кароль Станислав участвовал в проходившей во Львове раде сената, на которой обсуждались планы отправки посольства к султану и назначались послы. Через несколько дней посольство отправилось в Стамбул. И уже в марте следующего, 1699 года, Радзивилл, который получил к этому времени должность канцлера великого литовского, участвовал в празднествах, организованных королем в связи с подписанием мира с Турцией. Турки возвращали Каменец-Подольский вместе со всеми захваченными землями и навсегда покидали их.

А вот внутри страны было неспокойно. Борьба между Сапегами и Огинскими продолжалась. Правда, саксонские полки, вызванные королем будто бы для помощи "сапежинцам", из-за всеобщего возмущения их поведением были давно отосланы на родину. Но и войска враждующих фамилий вели себя не лучше, разоряли княжество, будто вражеские рати.

Кароль Станислав в этой борьбе не принадлежал к партии противников Сапег. Но в августе связался с войском Огинских для того, чтобы с его помощью отобрать, наконец, у Сапег "нейбургское наследство". В это время борьба между Огинскими и Сапегами начала стихать. Кто знает, может быть, эти сцепившиеся семьи и удалось бы в конце концов примирить, если бы не одно невероятное происшествие, случившееся в апреле 1700 года в Вильно. Карета, в которой ехали с заседания Трибунала князья Михал и Януш Вишневецкие, встретилась на улице с каретой Яна Сапеги. Гайдуки Сапеги почему-то решили, что перед ними карета одного из врагов их хозяина, ярого сторонника Огинских Котела, и напали на нее. Завязалась драка, во время которой человек из свиты Вишиевецких, минский ротмистр Цабровский, выстрелил в самого Сапегу. После этого началась ожесточенная перестрелка, во время которой были ранены оба Вишневецких. Имеются свидетельства, что вместе с пострадавшими ехал и Кароль Станислав. И что будто бы он получил в этой случайной стычке легкое ранение. Но даже если князь ранен и не был, в любом случае отношение его к Сапегам после происшествия

сильно ухудшилось. А положение самих Сапег стало катастрофическим. К Огинским присоединились Вишневецкие, Пацы, Потей.

Все это происходило в то время, когда Август II Сильный осаждал Ригу. Еще в феврале он во главе шестнадцатитысячного корпуса саксонцев ворвался в Инфлянты, надеясь, благодаря внезапности нападения и помощи своих сторонников-горожан, захватить этот город. Но просчитался. Изменников среди защитников не оказалось. А взять сильно укрепленную Ригу штурмом, не имея артиллерии, было невозможно. Понятно, что в таких условиях осада, даже долгая, была бы бесперспективна. Но король почему-то решился на это. То ли гордость не позволяла ему отступить, то ли надежда на то что обещанная ему местным дворянством помощь всетаки не окажется обманом...

Вслед за саксонцами военные действия начали датчане, присоединившиеся к антишведскому союзу, заключенному Августом и Петром. Они напали на герцогство Шлезвиг-Гольштейн, правителем которого был родственник Карла XII.

Шведский король узнал о том, что Август II начал с ним войну, на охоте. И этот "легкомысленный, взбалмошный юноша" неожиданно для всех обнаружил в себе качества прекрасного полководца. Первым его намерением было снять блокаду Риги. Причем он хотел лично возглавить войска. Но пока велась подготовка, королю стало известно о нападении Дании на Шлезвиг-Гольштейн. Он решил вначале помочь родственнику, использовав для этого флот. И вот совершенно неожиданно для Дании пятнадцатитысячное шведское войско появилось перед Копенгагеном. Датский король Фридрих VI, не имевший сил для защиты своей столицы, так как большая часть его войска находились в Шлезвиг-Гольштейн, решил заключить на мир. Дания обязалась выйти из антишведского союза, признала самостоятельность Шлезвиг-Гольштейн и обязалась уплатить военные издержки в сумме 200 тысяч талеров.

Таким образом Август Сильный лишился одного из своих союзников. Второй же — Петр 1, еще только готовился вступить в войну.

Кароль Станислав был в числе тех немногих магнатов в Речи Посполитой, которые поддержали военные планы Августа. Он даже послал под Ригу отряд драгун и рейтаров. А вскоре и сам отправился туда во главе гусарской и пехотной хоругвей. Прибыл в лагерь короля 21 сентября и был тепло принят монархом.

В октябре несвижскнй князь встречался в Вильно с местным воеводой Александром Сапегой и обсуждал с ним новое обострение отношений этого семейства с Огинскими и представителями других магнатских родов. Судя по всему, они ни о чем не договорились, пото-

му что сразу же после этой встречи Радзивилл примкнул к антисапеговской коалиции. На сейме он требовал созыва посполитого рушения. А после того, как съезд не поддержал его, выставил на свои средства три хоругви тяжелой кавалерии, гусарскую хоругвь, татарскую, две слуцких и полк пехоты. Сам Кароль Станислав не принял участия в кампании против Сапег, но был одним из главных снабженцев их противников, собравшихся под Ошмянами. К слову сказать, съехалось туда 20 тысяч человек, а во главе этого войска встали Вишневецкие и Котел.

Немалые силы собрали и Сапеги. Магнаты были полны решимости окончательно выяснить отношения друг с другом. Противники встретились под Вильно, возле Алькеников. Началась жестокая битва, в которой литвины сражались с литвинами. Решил ее исход обходной маневр, предпринятый Огинским. Он привел к тому, что войска Сапег оказались в окружении. Об исключительной жестокости сечи свидетельствует то, что Ежи Сапега, должность которого когда-то и послужила причиной многолетней "домовой войны", был зарублен уже после того, как попал в плен. Приверженцы Сапег были разгромлены.

Торжествующие победители "домовой войны" потребовали от короля, чтобы тот лишил Сапег всех должностей, прав и имущества и наградил их противников, наиболее отличившихся в боях. Одним из таких достойных литвинская шляхта посчитала Кароля Станислава Радзивилла. В договоре, подписанном 24 ноября, именно за несвижским князем она признала все права на "нейбургские владения".

Тем не менее, вскоре стало известно, что король не поддержал инициативы шляхты в отношении будущего побежденного ею рода и что укрывшийся в Варшаве Ян Сапега нашел надежную защиту среди польских магнатов. Августа II гораздо больше беспокоил шведский король и события в театре военных действий. Еще до битвы под Нарвой король Речи Посполитой прекратил осаду Риги и отвел свои войска. Он предпринимал неоднократные попытки примириться с Карлом. Нашел даже посредников, готовых заступиться за него. Эту роль взяла на себя Франция. Но юный Карл не желал вести переговоры. После победы над русской армией он простоял до 13 декабря под Нарвой, а оттуда двинулся к Дерпту, где и расположил свои войска на зимних квартирах. Шведский монарх рассчитывал с наступлением весны нанести сокрушительный удар по саксонской армии, затем окончательно расправиться с Россией и лишь тогда начинать переговоры с "хитрым саксонцем". Причем на своих, довольно жестких, условиях.

А что же Кароль Станислав? В этом, полном напряженного ожидания году он пригласил в свои владения в Мир монахов-базилиан[1], предоставив им для службы церковь Святой Троицы. Он давно уже опекал этот единственный униатский монашеский орден, считался одним из главных его защитников в Великом княжестве Литовском. Еще в 1690 году Кароль Станислав выступил фундатором[2] при возведении базилианами церкви и монастыря св. Иософата Кунцевича в Белой. Неоднократно помогал и в иных их мероприятиях.

В конце мая следующего, 1701 года, князь прибыл в Варшаву на сейм, на котором был зачитан акт, дающий Августу II право наследственной власти в Великом княжестве Литовском. На этом документе, составленном 21 ноября 1700 года, стояла и подпись Радзивилла. Среди делегатов, которые не знали о существовании акта, это вызвало буквально шок. Ведь тем самым уничтожалось одно из самых важных прав шляхетства — право избирать короля и быть избранным на престол Речи Посполитой! Всеобщее возмущение привело к срыву сейма. Но Август II не очень-то переживал. Он к этому времени договорился с Петром I о дальнейших совместных действиях и даже сумел выпросить вооруженную помощь — вспомогательный корпус в 20 тысяч человек. С ним Кароль вторично осадил Ригу. Но удача вновь была не на его стороне. На осаждающих внезапно напал Карл XII. 9 июля он переправился через реку Двину, причем осуществил это на глазах у неприятельского войска. В последовавшей затем двухчасовой битве шведы разбили саксонское войско, которым командовал генерал Штейнау. На поле битвы осталось 2 тысячи саксонских и русских воинов. Шведы же потеряли убитыми только 500 человек. К тому же им досталась вся вражеская артиллерия.

Август вновь обратился за помощью к Франции и еще раз выразил согласие начать переговоры с Карлом. Тот наотрез отказался. Потребовал, чтобы Речь Посполитая вначале подтвердила условия Оливского соглашения и, главное, избавилась от короля, "...который начал войну в Инфлянтах и проиграл ее".

И вот в начале 1702 года шведские войска вторглись на территорию Великого княжества Литовского. В феврале на заседании сената Кароль Станислав обратился к сенаторам с призывом объединить все силы для спасения Отечества от шведов. Правда, тут

---

[1] Базилиане — католический монашеский орден, созданный, по преданию, в IV веке св. Василием (Базилем) Великим. В XVII веке базилиане, размещавшиеся на землях Великого княжества Литовского, были переведены в униатство. В период расцвета только на территории современной Беларуси имели 55 монастырей.

[2] Фундатор — своеобразный средневековый спонсор, выделяющий средства на строительство того либо другого культового сооружения, учреждений социального назначения (школ, больниц, приютов).

же выступил с горячим протестом против введения в страну саксонских войск. Он напомнил о том, как вели себя эти чужеземцы в Речи Посполитой, когда король вызвал их для прекращения конфликта между Огинскими и Сапегами.

К этому времени Речь Посполитая разделилась на сторонников Августа и Карла. В Великом княжестве Литовском на сторону шведов перешли Сапеги и Потоцкие. Верными королю оставались Радзивиллы, Огинские, Вишневецкие. Именно Огинскому поручено было Августом II возглавить борьбу со шведами. Но он отступал до Вильно, а затем передал управление войском Вишневецкому. Новый командующий в марте 1702 года был разбит у местечка Егны. Правда, немного позднее и он под Дарсунишками нанес поражение шведам. В ответ на это "оскорбление" Карл XII стремительным броском захватил Вильно, разграбив город и окрестности. Следующим крупным населенным пунктом, взятым и разграбленным шведами, был Гродно.

Великое княжество Литовское изнемогало в неравной борьбе, польские же магнаты, как обычно, не оказывали никакой помощи. Кажется, их не особенно-то и волновала эта война. Ибо они постоянно упрекали своего государя, что тот ввязался в нее. На очередном сейме решили не давать королю войска, не объявлять посполитого рушения и даже помириться со шведами. Для этого послали к Карлу XII нескольких депутатов. Но тот заявил, что заключит мир только если Августа Сильного лишат короны и выплатят шведам контрибуцию за все военные издержки. В случае отказа пригрозил самолично отобрать у короля Речи Посполитой его трон и посадить на его место своего ставленника. Это были не пустые угрозы. Шведские войска вторглись в Польшу и уже в мае вошли в Варшаву.

Поляками, поддерживающими Карла XII, тут же была организована варшавская конфедерация. Впрочем, не дремали и сторонники Августа II. На собравшемся под Сандомиром сейме малопольской шляхты, в котором, кстати, принимал участие и Радзивилл, была создана иная конфедерация, в поддержку короля, и одобрено продолжение войны со шведами.

30 августа Кароль Станислав получил под свое начало панцирную хоругвь. Но в первых числах сентября выехал в Олыку и засел там до конца года. Его удаление от главных военных и политических событий привело к тому, что в окружении Августа II начали поговаривать, дескать, Радзивилл переметнулся к шведам. Засомневался и король и для того, чтобы разобраться с этими слухами, а если они подтвердятся, попытаться вернуть уважение Кароля Станислава, послал в Олыку Яна Гордона, бывшего резидентом князя

при короле. Ян быстро выяснил, что все подозрения беспочвенны. Дальнейшее поведение Радзивилла это подтвердило. В марте Кароль Станислав подписал в Вильно документ, одобряющий действия сандомирской конфедерации. Активно участвовал князь и в созыве Генеральной конфедерации Великого княжества Литовского, которая поддержала Августа II и выступила за заключение союза с Россией. На проходящем затем в Люблине сейме Кароль Станислав заключил с Михалом Вишневецким, Людвиком Потеем и Марцианом Воловичем тайное соглашение о разделе между ними должностей Сапеги, которых тот лишится, едди не перейдет, наконец, на сторону Августа. Радзивиллу должно было достаться виленское воеводство. И это при сохранении им поста канцлера великого литовского.

В августе Каролем Станиславом очень сильно заинтересовались оппозиционные королю круги, сгруппировавшиеся вокруг примаса Радзеевского. Дело в том, что Карл XII в это время настойчиво искал подходящую кандидатуру на трон Речи Посполитой. Вначале он собирался короновать Якуба Собесского. Но Август II, загодя предвидя такую возможность, приказал схватить двух старших сыновей своего предшественника, Якуба и Константина, увезти их в Саксонию и заточить в одном из тамошних замков.

Это деяние короля вызвало всеобщее негодование, ведь арестовать без веских причин даже самого мелкого шляхтича не разрешал закон. А уж заточение сыновей бывшего короля тем более выглядело неправедным. Вновь зазвучали обвинения в ущемлении шляхетских прав, игнорировании законов. Недовольные образовали Великопольскую конфедерацию, и именно на основе ее была создана позже прошведская Варшавская конфедерация.

Но благодаря этой акции Карл XII оказался в затруднительном положении. Претендент, на которого он так рассчитывал, оказался для него недосягаемым. В растерянности шведский король предложил трон младшему брату узников — Александру. Но тот отказался, заявив, что место государя по праву должен занять Якуб. В связи со всеми этими проблемами у многоуважаемого примаса и его сторонников появилась идея предложить на вакантное место кандидатуру Кароля Станислава. Тем более, что еще летом 1702 года французский посол дю Героп обсуждал от имени Людовика XIV именно такой вариант — возможность усадить на трон вместо "низложенного" саксонца Несвижского князя. Благодаря вышесказанному, в списке кандидатов на польскую корону, представленном Радзеевским Карлу XII в начале 1704 года, значился и Кароль Станислав.

Трудно сказать, знал ли Радзивилл об этом. Вполне возможно. Однако согласия своего наверняка не дал. Ведь он по-прежнему был тесно связан с Августом II. Свидетельством тому является полученная им от короля слонимская экономия, конфискованная за предательство у Бенедикта Сапеги.

Впрочем, в любом случае шведский король предпочел другую кандидатуру — познаньского воеводу Станислава Лещинского, представителя древнего польского магнатского семейства, воспитанного и хорошо образованного для своего времени человека. В период бескоролевья, последовавшего после смерти Собесского, Лещинский поддерживал кандидатуру королевича Лкуба, но так как тому не удалось набрать достаточное количество голосов, перешел на сторону Августа Сильного. Во время элекционного сейма познаньский воевода проявил неплохие способности посредника между враждующими магнатами. При новом монархе быстро двигался по служебной лестнице. Его же отец возглавил великопольскую оппозицию. После смерти последнего в 1703 году Станислав сам встал во главе оппозиции и стал сторонником союза со Швецией. Он являлся и одним из инициаторов Варшавской генеральной конфедерации, которая 14 февраля 1704 года объявила о низложении Августа II. Таким был избранник Карла XII, которого по желанию шведского монарха объявили в августе 1704 года королем Речи Посполитой.

Естественно, сторонники Августа Сильного не признали ни лишения власти своего государя, ни коронации Станислава Лещинского. В государстве сложилась необычайная ситуация — в нем одновременно правили два короля. И оба — "законноизбранные".

В ноябре в Гродно, где в это время находились Август II и Петр I, обсуждены были вопросы военной помощи России в борьбе со шведами и Лещинским. Сандомирская конфедерация наконец ратифицировала договор о совместной войне со Швецией, который заключили ранее Август и Петр. В сложившейся ситуации антишведским кругам Речи Посполитой русская помощь была крайне необходима. Заинтересован в этом был и русский царь. Ему надо было удержать в союзе Августа II и хотя бы ту часть его подданных, которая шла за Сандомирской конфедерацией. Ведь несмотря на то, что король был слабым и ненадежным союзником, он отвлекал на себя основные силы шведской армии. За то время, которое потратил Карл XII, преследуя Августа II, Петр сумел оправиться от поражения под Нарвой. Он собрал и обучил новую, прекрасно вооруженную армию. Отлил пушки взамен утраченных. Настроил заводов и фабрик для снабжения армии. Овладел Дерптом, Нарвой, Ямом, Копорьем,

Мариенбургом, обеспечив себе таким образом выход к Балтийскому морю, заложил Санкт-Петербург. Кстати, одним из "трофеев", доставшихся во время боевых действий русской армии в Прибалтике, стала служанка пастора из Мариенбурга, дочь белорусского крестьянина, родившаяся под Витебском, Марта Скавронская. Эту красавицу ждала неожиданная судьба. У захватившего ее солдата девушку забрал фельдмаршал Б.П. Шереметев, у того — князь и ближайший к русскому царю человек, Александр Меньшиков. Но ко времени переговоров в Гродно Марта была уже возлюбленной Петра I. А в будущем этой уроженке Беларуси предстояло взойти на русский трон под именем Екатерины I, быть добрым ангелом-хранителем для мужа-царя, а в конце жизни, после смерти супруга стать самодержавной российской правительницей. Впрочем, Марта пока жила в Москве, а Петр I вынашивал планы, как удержать Речь Посполитую в союзе. Он прекрасно понимал, что смог совершить все перечисленное только благодаря тому, что шведский король, по его словам, "увяз в Польше".

Но и Карл XII, исходивший Польшу вдоль и поперек, гоняясь за Августом II, понял наконец, что капитуляция его неуловимого противника возможна лишь в случае угрозы Саксонии. В конце 1704 года он расположился на зимних квартирах вблизи границ Силезии, угрожая тем самым наследственным владениям своего противника.

В таких условиях Петр I вынужден был прийти на помощь союзнику. Еще в октябре он направил под Полоцк десятитысячный отряд под командованием князя Репнина, а в январе следующего 1705 года — пятитысячный отряд Шереметева. В дальнейшем он все более и более увеличивал количество своих войск в Великом княжестве Литовском. Основные свои силы царь разместил в районе Гродно. Тем самым одновременно достигал нескольких целей. Во-первых, мог влиять на внутреннюю борьбу магнатских группировок. Во-вторых, создавал угрозу шведской армии в ее операциях на западном направлении, так как Гродно находился на путях, связывавших Карла XII с его прибалтийскими владениями. А, главное, выбор операционной линии Полоцк-Гродно давал ему возможность вести борьбу со шведами на чужой территории, не допуская их в пределы России и избавляя тем самым свое государство от тягот войны.

Кароль Станислав, судя по всему, все более и более завязывал деловые отношения с русскими полководцами. 21 декабря 1704 года он еще раз встречался с Петром. На этот раз в Кареличах. Несвижский князь оставил при царе своего резидента. В марте 1705 года в Вильче Кароль Станислав повидался с Меньшиковым, а в мае в Меджиречье с украинским гетманом Иваном Мазепой. О его

отношениях с союзниками может свидетельствовать такой факт — в марте появилась возможность возобновить в Вильно деятельность финансового Трибунала. Руководить его заседаниями должен был Радзивилл. Но он почти все время проводил на пирах, балах и смотрах, в которых участвовали русские офицеры, видя в этом, по его словам, возможность еще больше укрепить необходимый союз с царем. Трибунал при таком поведении его главы пришлось отложить.

В начале следующего года на Кароля Станислава обрушились одно несчастье за другим. Виной этому был шведский король, который решил ослабить своих противников в Речи Посполитой экономически. К этому времени он с большей частью войска вернулся на земли Великого княжества Литовского. О событиях, произошедших вскоре, рассказал В. Сырокомля: "В начале 1706 года военные действия перенеслись из Польши в Литву, где в Гродно Август II с кучкой поляков, с войском своих саксонцев и с российскими подкреплениями собрал свои главные силы. Карл XII, направив свое внимание на этот главный военный центр, выслал в глубь Литвы свои конные отряды, чтобы занять крепости и уничтожить поместья сторонников Августа. А как раз к самым искренним саксонским сторонникам принадлежал Кароль Станислав Радзивилл, который столько лет пользовался великой печатью литовской и был обязан трону за многочисленные староства и иные благодеяния Августа И. Не имея возможности склонить на свою сторону такого противника, как Радзивилл, Карл XII решил его хотя бы нейтрализовать. Несвиж со всеми окрестными радзивилловскими владениями должен был стать жертвой его ненависти. Внешней причиной для грабежа радзивилловских владений послужили 40 000 казаков под руководством Мазепы, которых вместе с россиянами Петр Великий разместил в Минске, Слуцке, Несвиже и иных городах".

О первом нападении шведов на Несвиж рассказывает современный шведский историк: "Король чувствовал, что нужно выслать на другую сторону Немана свое войско под руководством подполковника Траутветтэра, майора Алекса Спэнса и ротмистра Дрофеншульца. Вначале направились они к городу Миру, где находились 1000 казаков. Против них посланы были преданные им валахи, которые до такой степени осмелели, что, напав на обоз неприятеля, захватили десять пленных... Из Мира Траутветтэр направился к Несвижу, городу, который принадлежал великому канцлеру литовскому Радзивиллу. Окруженный валом и рвом, Несвиж имел красивый и сильный замок, который стоял за чертой города. Владелец замка не принял в его стены казаков. В городе их было 2000 человек

под командованием Михаловича, одного из главных военачальников Мазепы. Прибыв очень рано (14 марта) под стены города и выстроив три батальона своих драгун, Траутветтэр ударил одновременно на врата и городские валы. Собравшись на рынке для защиты, казаки ответили огнем. Но шведы, сходу захватив врата, напали с палашами так быстро, что казаки разбежались по ближайшим домам, а их военачальник и 300 его подчиненных пали на поле боя. Пятьсот казаков укрылись за стенами иезуитского коллегиума, который Траутветтэр без пушек не смог взять. В замок не пустили ни одного из казаков, оттуда не стреляли по шведам, хотя они на глазах у военачальника разбили возле рва казачий отряд. Тех, которые скрылись в домах, Траутветтэр приказал не убивать. Но казаки, не желая пользоваться добротой шведов, безостановочно вели из окон и дверей огонь. Тогда военачальник вынужден был использовать последнее средство: отдать приказ поджечь город. В пожаре погибло 500, а то и 600 казаков. Около 180, убегая от огня, добровольно сдались врагу. Четыре пушки, четыре флага, две пары литавр и домашние вещи, которые не сгорели в огне пожаров, стали добычей победителей. Траутветтэр отослал пленных и 50 человек раненых, среди которых были офицеры и солдаты, а сам двинулся на Ляховичи".

Произошло это в марте 1706 года. В сожженном Несвиже был еще оборонительный замок, распоряжался которым радзивилловский комендант Болиман, — Карл XII приказал взять его. Но шведам не удалось это сделать, поэтому через два месяца король сам направился к Несвижу. Вновь обратимся к рассказу современника: "Из под Ляховичей король (Карл XII) направился к Клецку, а через три дня с войском, которое было под Ляховичами, пошел на Несвиж. Несвижская крепость представляла собой правильный четырехугольник с укрепленными камнем стенами и глубокими рвами. Гарнизон состоял из 200 человек, из которых только 90 были настоящими солдатами, остальные — мещане и крестьяне. Подполковник Траутветтэр и генерал-адъютант Расенштэйн были посланы к коменданту крепости Болиману с предложением сдать крепость... Крепость сдали шведам. Было сожжено все военное имущество, в том числе знамена, оружие и щиты, утоплена 21 пушка. Комендант, офицеры и весь гарнизон были отпущен на свободу. Выгнав евреев и крестьян, которые прятались в замке, и разрешив им взять с собой свое имущество, шведы разрушили крепость. В конце концов город, за исключением костелов и монастырей, был отдан огню и превращен в пепел.

Кроме того, король посылал отряды, которые опустошали окрестности. Было сожжено около ста деревень и местечек, так что не

уцелела ни одна деревня, принадлежавшая Вишневецким, Радзивиллам и их сторонникам. Таким способом король хотел ослабить их силы, чтобы они не смогли выступить против шведов и Лещинского".

Через несколько дней такая же участь постигла и Слуцк, центр "нейбургских владений", которых столько лет добивался Кароль Станислав. Затем была разграблена Олыка. Ко всему прочему, оттуда был вывезен даже архив, в котором находились не только семейные документы, но и материалы, связанные с государственной деятельностью Кароля Станислава.

Эти несчастья заставили князя задуматься. Создавалось впечатление, что шведы и их сторонники значительно сильнее, чем русские и Август II. По свидетельству документов того времени, именно в этот период Радзивилл решил перейти на сторону шведов. Впрочем, возможно, этот поступок был совершен по иным причинам, после кровавых событий, произошедших в июле 1705 года в Полоцке. Это была жестокая расправа над безвинными униатскими священниками и монахами, которую устроил Петр I в кафедральном Софийском соборе, некогда православной, а в те времена униатской святыне. Резня, во время которой самим монархом и его свитой несчастные были посечены прямо в храме только за то, что среди образов тут находилась икона первого униатского святого Иосафата Кунцевича, буквально потрясла Кароля Станислава. А то, что одного из находящихся в храме базилиан, престарелого архимандрита Якуба Кизиковского, которого князь знал лично, пытали всю ночь, добиваясь, чтобы тот выдал, где спрятаны соборные ценности, и лишь потом повесили, добило окончательно. Напомним, что Радзивилл по праву считался одним из наиболее активных покровителей базилиан в Великом княжестве Литовском. Поэтому вполне естественно, что неприкрытая ненависть царя к тем, кого Радзивилл опекал много лет, послужила причиной его разочарования в Петре I. А если еще добавить, что царь превратил Софийский собор в пороховой склад и конюшню, то переход Кароля Станислава на сторону противника становится вполне оправданным.

Радзивилл покинул лагерь Августа II в начале июня 1706 года и уже 11 июля встретился в Торговицах с Карлом XII и Станиславом Лещинским. Новый король Речи Посполитой был несказанно обрадован этим событием. То, что на его сторону перешел Радзивилл, могло добавить немало сторонников среди шляхты и поднять его авторитет. А самое главное — Кароль Станислав попрежнему владел печатью канцлера великого литовского, той самой печатью, без которой любой указ, даже королевский, считался недействительным.

Некоторое время Кароль Станислав находился в свите Лещинского. Он съездил с ним в Люблин, потом в Божков. Но в декабре отправился на Поморье. Там к нему пришло известие, что Август, узнав об его измене, забрал несколько своих пожалований и даже намеревается отдать Олыку предводителю Сандомирской конфедерации гетману великому коронному Адаму Сенявскому (кстати, находившемуся с князем в родстве). Впрочем, совершить это деяние обидчивый монарх не успел. Карл XII, убедившийся в том, что русская армия уклоняется от его ударов (он даже обижался, что русские не принимают боя, а "убегают" от него), решил перенести военные действия в Саксонию, родное княжество Августа II. В сентябре 1706 года шведская армия была уже под Лейпцигом.

Август II, у которого страх потерять наследственные владения превышал страх потерять корону Речи Посполитой, поспешил заключить со шведами мир. И 24 сентября в деревне Альтрандштадт был подписан договор. Он отрекся от короны, признав Станислава Лещинского королем "Польши и Литвы". Согласился выдать всех пленных и уплатить огромную контрибуцию. Отказался от союза с Петром I, обязался ограничить деятельность католической церкви в Саксонии и обещал отозвать всех саксонских офицеров и солдат, сражавшихся на территории Речи Посполитой. И, наконец, выдал Карлу XII Иогана Рейндольфа фон Паткуля, того самого лифляндского дворянина, лидера антишведской оппозиции, с помощью которого надеялся когда-то почти без боя овладеть Ригой. Выдал на верную смерть, чем в очередной раз заработал презрение шляхты, расценившей такой поступок как подлость.

Но бывшему королю на мнение и чувства шляхты было наплевать. Он обратил свой взор на Западную Европу. Присоединился к австрийской армии, которая вела борьбу за испанское наследство. Вынашивал надежды стать королем бельгийским, неаполитанским и даже иерусалимским. Одновременно с этим интриговал против Станислава Лещинского, поддерживая в Речи Посполитой враждебные тому силы, и выжидал момент, чтобы вернуться в брошенное им государство.

А Кароль Станислав продолжал время от времени встречаться с Лещинским. Подписался под трактатом о лишении власти Августа II. Получил староство дубовское. Под его руководством с 14 по 16 ноября состоялось заседание Сената. После этого князь отправился на Поморье. По дороге заехал в Берлин, где встречался с Фридрихом I и его министрами. О чем говорил с ними — неизвестно. Но затем "засел" на Поморье, в Члухове, где и пробыл до конца 1707 года, пока не

отправился в Силезию. В Силезии несвижский князь встречался с королевичем Константином Собесским и наконец появился в лагере Лещинского. Впрочем, пробыл там всего две недели, а затем вновь уехал на Поморье, в Члухов, который покинул лишь осенью 1708 года для встречи с Лещинским в Тикотине. Все это время, когда Кароль Станислав считался сторонником Лещинского, он переписывался с гетманом великим коронным Сенявским. Просил его об охране своих владений. Даже предлагал проект "успокоения Речи Посполитой".

Все эти факты свидетельствуют, что связь Кароля Станислава с Лещинским никогда не была достаточно крепкой. Судя по всему, Радзивилл быстро понял, что этот король не способен спасти страну и что держится он только лишь на шведских штыках. В последний раз князь встретился с Лещинским под Субботином 16 декабря 1708 года, а потом прочно осел в Белой. Там его застало известие о разгроме шведского войска под Полтавой. Кароль Станислав тут же написал весьма верноподданническое письмо Петру I. В нем поздравлял с блестящей победой, пространно объяснял, что вынужден был служить Лещинскому, дабы сберечь свои имения, уверял (кстати, вполне искренне), что не принял участия ни в одной акции против России и Августа II.

В середине августа 1709 года несвижский князь торжественно открыл в своих владениях конгрегацию (съезд) униатских епископов. В отношении любых своих планов и действий он "консультировался" с Сенявским. Но из осторожности не предпринимал никаких серьезных политических шагов. Подстраховываясь, в это же время Радзивилл постарался получить от Станислава Лещинского согласие на свой переход к Августу II. Объяснял этот поступок так же, как и Петру I, заботой о своих имениях, которые иначе будут разгромлены. Того же подобное письмо не удивило. Марионеточный король Лещинский уже понял, что недолго удержится на троне. Время, когда сразу же после отречения Августа II от короны к нему перешла большая часть магнатов и когда ему довелось бороться лишь с Сандомирской конфедерацией Великого княжества Литовского, уже прошло. Когда на территорию Речи Посполитой вновь вступили русские войска, а с другой стороны — саксонцы с Августом II, сторонники начали покидать Лещинского в массовом порядке.

Так что Кароль Станислав был далеко не первым "беглецом". Он вновь наладил контакты с Меньшиковым и несколькими другими русскими полководцами, а потом отправился в Торунь, где встретился 15 октября 1709 года с Петром I и Августом II. Последний к этому времени вновь занял трон. Он объявил 8 августа Альтрандштадский

мирный договор недействительным и восстановил союз с Россией. Победители встретили "блудного" князя с большой теплотой.

В дальнейшем Кароль Станислав весьма поспособствовал реставрации королевской власти Августа, который наградил его за это юрбовским лесничеством, а затем режицким старостовом. Во время вального сейма 1710 года в Варшаве Радзивилл был назначен одним из делегатов для переговоров с Долгоруковым. Вопрос касался взаимоотношения войск Речи Посполитой и России и устранения взаимных претензий. Долгие переговоры не принесли никаких результатов. Сообщение об этом, сделанное князем перед радой сената, вызвало недоверие и множество нареканий. В марте Кароль Станислав поссорился с нунцием Спинолой по вопросу о патронате Римом короля. Он требовал, чтобы Ватикан не вмешивался в светскую жизнь, тем более в таких важных делах.

В дальнейшем жизнь несвижского князя вошла в привычное русло. Сеймы, сеймики, заседания в раде сената. А также встречи с Петром I. При одной из них, когда царь гостил в варшавском дворце Кароля Станислава, Петр с горечью рассказал о своем Прутском походе против турок. О том, как был предан союзником, господаром Валахии Бранковяну, обещавшим ему помощь. О том, что тот не только не доставил обещанное продовольствие, но, перейдя на сторону неприятеля, своей армией задержал многотысячный отряд сербов, спешивших на помощь русским. Поведал о том, как его армия изнемогала от жары и холода, и о том, как отбивались они от турок и крымских татар, окруживших их с почти пятикратным превосходством в количестве. Но лицо царя Петра просветлело, когда перешел он к повествованию о находчивости отважной женщины Екатерины, которую до перехода в православие звали Мартой Скавронской, разделившей с ним все тяготы похода. Ведь это именно она нашла выход из казалось бы безнадежного положения окруженной русской армии, предложив собрать имеющиеся ценности у всех солдат и офицеров, добавила к ним драгоценные безделушки, подаренные ей влюбленным царем, и этим был подкуплен командующий турецкими войсками. Тем самым Марта-Екатерина спасла и армию, и Петра.

А в Речи Посполитой было по-прежнему неспокойно. Не всем понравилось, что русский царь добился в 1710 году подтверждения одного из условий "Вечного мира" 1686 года, того самого, позволявшего ему вмешиваться во внутренние дела соседнего государства и даже вводить свои войска для защиты православного населения. К тому же, на территории страны все еще находились саксонские и русские войска. Последней каплей, переполнившей чашу терпения и

вызвавшей взрыв негодования, было то, что король добился от того же сейма запрещения в будущем созывать вооруженные конфедерации. Сторонники шляхетской "золотой вольности" во главе с гетманом великим литовским Михалом Потеем фактически господствовали во всем Великом княжестве Литовском. Потея активно поддерживали Огинские и многие другие магнаты. Сторонников же короля возглавил гетман великий коронный Станислав Денгоф. Поддержали короля также Россия и Пруссия.

Радзивилл старался и в этом конфликте соблюдать нейтралитет. Он делал все, что мог, для предотвращения новой междоусобной войны. Во время встречи гетманов литовского и коронного в Сольце, на которой обсуждался вопрос отправки посольства в Турцию, ему удалось добиться временного соглашения между Денгофом и Потеем. В дальнейшем Кароль Станислав также стремился сохранить положение посредника. В декабре 1713 года в Варшаве Август поручил ему узнать намерения проживающих в это время во Вроцлаве предводителей оппозиции Вишневецкого и Смугельского. Князь встретился с ними в апреле 1714 года. Он настойчиво склонял оппозиционеров к заключению соглашения с королем. Доказывал, что все их надежды на посредничество и даже на помощь Англии, Франции и Голландии — бесплодные мечты. Однако убедить не смог.

Хорошие отношения Кароля Станислава с Августом II вызвали недовольство враждебно настроенной к королю шляхты. Есть сведения, что летом 1714 года польская шляхта даже планировала напасть на Белую и расправиться с ненавистным Радзивиллом. Этот план сорвался в последнюю минуту. Еще больше возмутились противники монарха после того, как тот 2 августа 1715 года наградил несвижского князя орденом Белого Орла. Впрочем, Радзивилл не испытал большой радости от получения награды, ибо незадолго до этого ему довелось похоронить своего старшего сына, двадцатилетнего Миколая Криштофа, который погиб в результате несчастного случая.

26 ноября 1715 года польские оппозиционеры образовали Тарногородскую конфедерацию, выступающую против абсолютистских устремлений короля и присутствия в Польше саксонских войск. Через несколько месяцев после этого, 23 марта 1716 года, в Вильно была создана конфедерация шляхты Великого княжества Литовского, которая также выступила против абсолютистских планов Августа II и требовала вывода из княжества войск России.

Кароль Станислав вначале решил не связываться с конфедератами. Но в ноябре в Белую, где он в это время находился, приехал секретарь этого движения Михал Копоть. Немного позднее князь

встретился в Ружанце с Потеем и маршалком конфедерации Литовской Криштофом Сулистровским. Наконец, после переговоров с Янушем Вишневецким, Криштофом Сулистровским и Станиславом Ледоховским был подписан 1 августа акт конфедерации. А конфедераты уже давно и довольно успешно сражались с войсками короля на всей территории Речи Посполитой. Однако на защиту своего союзника выступил Петр I. Имея за спиной огромную армию, находящуюся в землях Речи Посполитой, и с помощью своих дипломатов после долгих напряженных переговоров он добился того, что польские конфедераты 3 ноября подписали соглашение с королем.

Радзивилл в этом же месяце появился в Варшаве, где в течение всего декабря проходили переговоры Августа с конфедератами Великого княжества Литовского. От их имени он зачитал условия подписания договора, составленного обоими гетманами литовскими. Но через несколько дней, 21 января 1717 года, вынужден был ратифицировать сильно измененный в сторону ограничения прерогатив шляхетства договор.

В этом же, 1717 году Радзивилл присутствовал на сейме, который вошел в историю под названием "немой", ибо на нем не было никаких обсуждений и споров. Продолжался он... семь часов. Сейм высказал благодарность Петру I за присылку войск в Речь Посполитую и дал ему право быть посредником между королем и его подданными во время возможных конфликтов. Подтвердил и все постановления сейма 1710 года. Было также принято решение о сокращении польской армии до 18 тысяч человек, а армии Великого княжества Литовского — до 6 тысяч. Это решение основательно подрывало боеспособность государства. К тому же Долгоруков на правах посла России добился сохранения давно изжившего себя закона "либерум вето" в сейме и права России выступать гарантом этого права. Более того, он добился с помощью виленского каноника Жабровского с целью ослабления оппозиции королю ограничения диссидентов[1] в их правах.

Радзивилл, как и большинство присутствующих на "немом" сейме, прекрасно понимал, какую опасность представляют эти решения, но ничего поделать не мог.

Через несколько месяцев Каролю Станиславу вновь пришлось сделать "красивый жест". В сентябре в Гродно на заседании финансового Трибунала, который он попрежнему возглавлял, по его предложению было принято решение послать Петру I благодарственное письмо за

[1] Диссиденты — здесь некатолики, представители всех иных христианских конфессий.

вывод войск из Великого княжества Литовского. Доставить его было поручено Казимиру Огинскому.

В следующем, 1718 году несвижский князь присутствовал на аудиенции, данной Августом II послам турецкого султана Ахмеда III, а затем на заседаниях рады сената, на которых обсуждались перспективы отношений с Турцией и Россией.

Именно в это время Кароль Станислав почувствовал себя усталым. Напряженная политическая жизнь, к которой то и дело добавлялись личные трагедии — смерть детей, подрывала его силы. Чтобы хоть немного оправиться, он совершил с супругой заграничное путешествие. Посетил Олаву, где встретился с Якубом и Константином Собесскими. О суете этой жизни не говорили. Говорили больше о вечности: о грехах и добродетели, о спасении души, о Боге... Князь Радзивилл будто предчувствовал, что видится с детьми почившего дяди в последний раз.

А здоровье его все ухудшалось и ухудшалось. В сентябре он всего лишь два дня руководил финансовым Трибуналом, а затем сдал дела и уехал домой. Не был до конца и на гродненском сейме. Уехал оттуда, по его словам, "в полной растерянности". Окидывая мысленным взглядом всю свою жизнь, не испытывал ничего, кроме боли разочарований. И для него самого, и для его родины обстоятельства сложились как нельзя хуже, и князь чувствовал себя так, как будто за его спиной с треском захлопнулась дверца ловушки, вырваться из которой уже не было сил. Последней каплей, переполнившей чашу горечи и надорвавшей сердце князя, стала страшная болезнь, оспа, которой переболела вся семья Кароля Станислава.

Князь скончался летним днем 8 августа 1719 года в Белой, но был погребен в фамильной усыпальнице в Несвиже почти через год, 10 июля 1720 года.

Почти год его вдова готовилась к траурному обряду. И надо отдать ей должное: похороны были организованы со всей пышностью и размахом.

В день погребения князя улицы Несвижа были буквально запружены каретами с гербами магнатов Речи Посполитой. Многоголосый шум горожан и ржание коней перекрывали мерные и бесстрастные удары колокола на звоннице костела иезуитов, готового принять в фамильный склеп Радзивиллов тело почившего. В этой суете никто не заметил еще одной смерти. В монастыре бенедиктинок тихо отдала свою душу Богу седая монахиня, сестра Мария, сердце которой не перенесло боль утраты.

ДУША АННЫ КАТАЖИНЫ

Пронзительно-жалобный крик огласил окрестности Несвижского замка. На фоне низко повисшей над парком круглой и необыкновенно бледной луны промелькнула черная тень. Большая сова, покружив над каналом, направила свой полет к возвышающемуся над городом шпилю фарного костела и, слившись с темнотой ночи, исчезла.

Случайный прохожий невольно перекрестился и ускорил шаг. Добравшись до дома и затворив за собой дверь на засов, в ответ на взволнованные расспросы близких он таинственно сообщил:

— Я видел ее, нашу княгиню: она снова обернулась совой, чтобы до утра кружить рядом со склепом, где в гробах лежат ее муж и дети, и плакать над их судьбой...

Ночь проходила, летняя, жаркая, душная. В окнах медленно светлело. Розовой краской расцвечивался восток. Анна Катажина Радзивилл подошла к большому зеркалу и с грустью дотронулась до своих длинных пышных волос. Седины в них было больше, чем черноты. Служанка, которую вдовая княгиня допускала к своему туалету, поспешила собрать на голове госпожи высокий узел. А потом Анна Катажина покрыла себя густой черной вуалью.

Закованная в траур, как рыцарь в латы, княгиня вышла из своей комнаты и направилась в молельню. Там в одиночестве пребывала она обычно до того времени, когда надо было идти на утреннюю мессу. Службу она слушала в том самом костеле, в подвалах которого в фамильной усыпальнице спали вечным сном одиннадцать ее детей, не доживших до совершеннолетия, и рядом — ее супруг. В душе Анны Катажины, не снимающей траур вот уже много лет, жила глубокая печаль, которую ей не всегда удавалось скрывать от окружающих. Не потому ли, встречая облаченную с ног до головы в черное свою госпожу, несвижцы с каким-то священным ужасом передавали друг другу легенду о сове, в которую будто бы обращается по ночам княгиня. Сову действительно видели несколько раз прилетающей после ночной охоты в радзивилловскую усыпальницу, где она, вероятно, устроила себе жилище. Но это была только птица, печальная сумеречная птица. Жизнь же Анны Катажины при всей ее скорбности не была мистически-потусторонней, она умела наполнять ее делом. И, видимо, именно это спасало ее в самые трудные минуты.

Анна Катажина родилась 23 сентября 1676 года в Ракове. Она была дочерью старосты суражского князя Геронима Сангушко и Констанции Сапега. О детстве и юности княжны исторические источники дают противоречивые сведения. Известно, что она рано оси-

ротела и воспитывалась в пансионате при монастыре. Согласно одной из версий, монастырь этот находился в Варшаве и принадлежал монахиням-визиткам. Пробыв там определенное время, Анна Катажина попала в другой — к монахиням-сакраменткам. А оттуда королева Речи Посполитой Мария Д'Аркьен, жена Яна Собесского, будто бы взяла девушку к себе, сделав придворной дамой. Согласно второй версии, девочка воспитывалась в виленском монастыре святой Марии. И вышла из него только перед свадьбой.

Как бы там ни было, но в 1692 году юная Анна Катажина попала в Несвиж. Вызвала ее туда вдова князя Михала Казимира Радзивилла, сестра короля Яна Собесского, Катажина, которая приходилась ей родственницей (отец Анны Катажины был двоюродным племянником Михала Казимира). Девушку, всего полгода назад похоронившую мать и еще оплакивающую ее, пригласили в родовой замок Радзивиллов погостить несколько недель.

Однажды вечером хозяйка зашла в спальню гостьи и, будто бы между прочим, попросила надеть утром самое красивое из своих платьев и более старательно, чем обычно, причесаться, поскольку завтра ей надлежит присутствовать на венчании. Княжна не решилась спросить, чье венчание ожидается, и выполнила требование властной родственницы. Только в костеле, когда по приказу матери сын Собесской, молодой князь Кароль Станислав взял Анну Катажину за руку и повел к алтарю, девушка поняла, что венчание это — ее собственное.

Так княжна вышла замуж. Ее семейная жизнь по большому счету ничем не отличалась от жизни других представительниц ее сословия. Анна Катажина была серой тенью своего влиятельного супруга. Выйдя замуж против воли, она не сумела полюбить. И не сумела разжечь страсть в сердце женатого против воли Кароля Станислава. Все, что было общего у них, относилось к детям. Анна Катажина рожала почти каждый год. Наверное, она все-таки не была достаточно сильной и здоровой, потому что беременности свои переносила довольно тяжело. Дети появлялись на свет слабенькими, и большинство из них умирало еще в младенчестве.

Уже самый первый год замужества Анны Катажины был омрачен смертью новорожденной дочери Катажины. Правда, три следующих ребенка, Катажина-вторая, Миколай Криштоф и Констанция, появились на свет вполне здоровыми и несколько утешили свою мать. Но родившиеся за ними две девочки, Анна и Теофиля, умерли, не достигнув и трех лет. Еще два младенца родились мертвыми и были похоронены в фамильном склепе Радзивиллов безымянными. Утешая супругу, горько переживавшую потерю очередного ребенка, Кароль

Станислав старался быть с нею как можно более ласковым, и это приводило к новым беременностям. Недомогания, связанные с этим, роды, траур, перемежаясь, превращали жизнь Анны Катажины в безысходное, беспросветное, болезненное существование. И не однажды приходила Анне Катажине в голову мысль о своей проклятости.

Разнообразие в жизнь на определенное время внесла Северная война. Муж Анны Катажины, занимавший должность канцлера Великого княжества Литовского, вынужден был часто разъезжать по государственным делам. Во всех этих поездках его сопровождала жена... Но это разнообразие оказалось лишь разнообразием несчастий.

В 1702 году политические убеждения Кароля Станислава вынудили семью искать спасения в эмиграции. Поспешный отъезд, похожий более на бегство, пришлось совершить в самый неблагоприятный для Анны Катажины период. У нее только что родился очередной ребенок, сын Михал Казимир, и она еще не совсем оправилась от родов. К физическим страданиям добавлялись душевные: мать боялась, что тяжелая дорога убьет младенца. К счастью, дитя перенесло испытание, а вот мать долго приходила в себя и болела.

Венгрия, затем прусская Померания, год в Малой Щетинке, потом в Старограде и Члухове. В эмиграции родились две девочки, Текля и Анна-вторая, и два мальчика, Юзеф и Альбрехт. Анна и Юзеф умерли почти сразу после крещения.

В 1708 году Кароль Станислав вернулся на родину, чтобы продолжать полную коварства и интриг политическую борьбу. Анна Катажина смогла последовать за ним только через полгода. Причиной была болезнь маленького Альбрехта, который вскоре умер, не дожив до года. В Несвиж Анна Катажина привезла три детских гробика, которые установили в усыпальнице фарного костела рядом с такими же маленькими пятью гробиками их братиков и сестричек.

После этой печальной церемонии Анне Катажине не захотелось оставаться в Несвиже, который уже ассоциировался у нее со смертью, и она уговорила мужа обосноваться в Белой. Тем более это было кстати потому, что вскоре княгиня должна была вновь стать матерью. Девочка, которая родилась в Белой, получила имя Кристина. В следующем году там же увидел свет мальчик Станислав. А еще через год оба эти ребенка умерли, заболев какой-то заразной хворью. И еще два гробика заняли свое место в несвижской усыпальнице Радзивиллов. Безутешная мать уже теперь даже не снимала с себя траурной одежды и была настоящим воплощением скорби. Кароль Станислав имел возможность забыться, полностью погрузившись в дела политики. Анна Катажина оставалась надолго одна, окруженная

лишь печальными слугами, вещами и игрушками своих умерших детей и своими страшными видениями. Из пяти оставшихся в живых ее сыновей и дочерей с ней находились лишь десятилетний Михал Казимир и маленькая Текля. Шестнадцатилетняя Констанция вышла замуж за каштеляна трокайского Яна Сапегу, восемнадцатилетний Миколай Криштоф учился, самая старшая дочь, двадцатилетняя Катажина, отдалившись от оглушенной горем матери, все чаще проводила время в монастыре среди святых сестер.

В 1713 году княгиня Радзивилл родила еще одного сына, Людвика, почти сразу за ним — дочь Каролину и сына Геронима Флориана. Но несчастья не оставляли ее дом. В 1715 году скончался двадцатилетний Миколай Криштоф, красивый и здоровый юноша. Он выбрался на прогулку в жаркий день без головного убора и получил солнечный удар... В следующем году смерть унесла маленького Людвика.

В 1719 году почти все оставшиеся в живых дети Анны Катажины заболели оспой. Тяжелее всех пришлось семнадцатилетнему Михалу Казимиру, который после смерти Миколая Криштофа стал главным наследником и надеждой родителей. Врачи готовы были признать свое бессилие, и стоически встречающий до этого все несчастья Кароль Станислав сломался. Когда молодой организм князя неожиданно справился с болезнью и Михал Казимир пошел на поправку, это уже, к сожалению, не могло ничего изменить. Переживания настолько подточили силы отца, что он слег. Вначале врачи нашли у князя желтуху, потом у него появилась злокачественная опухоль. Умер муж Анны Катажины в мучениях, хотя и старался до последней минуты сохранять присутствие духа.

Овдовевшая Анна Катажина почти месяц пролежала в кровати, утратив, кажется, самую волю к жизни. Но, в конце концов, она была матерью, поэтому нашла в себе силы встать со смертного одра. После смерти мужа Анна Катажина оказалась главной опекуншей двух сыновей, Михала Казимира и Геронима Флориана, которому едва исполнилось четыре года, и трех незамужних дочерей, Катажины, Текли и Каролины. Незадолго до кончины Кароля Станислава в отчий дом вернулась поссорившаяся с мужем Констанция, и матери нужно было теперь решать ее проблемы. Впрочем, делом самой первостепенной важности было принятие на себя управления ординацией, хотя бы до тех пор, пока Михал Казимир не выздоровеет окончательно, не станет совершеннолетним и не женится.

Итак, княгиня, вновь поселившись в Несвиже, решительно взяла бразды правления в свои руки. И, удивительное дело, никогда ранее не занимавшаяся ничем, кроме рождения детей и их воспитания,

Анна Катажина неожиданно открыла для себя, что ей нравится быть полноправной хозяйкой, что управление имением не кажется ей занятием скучным, и что она знает не только, как сохранить все те богатства, которые достались ее детям, но и как легко и надежно их преумножить.

Не вдаваясь в хронологические подробности, перечислим основные моменты предпринимательской деятельности вдовы Радзивилл. Княгиня выкупила те имения, которые были заложены. Заменила многих недобросовестных арендаторов. Начала строить мосты, дамбы, мельницы, постоялые дворы. Во многих поместьях построила коровники по голландским образцам, в которых завела породистых животных. Создала на территории Беларуси и Польши ряд мануфактур и ремесленных предприятий, деятельность которых контролировала лично. Начала производство ковров и гобеленов в Несвиже, Кареличах, Белой.

В 1723 году основала в Налибоках стекольный завод, на котором стали изготовлять столовую и хрустальную посуду, причем ассортимент изделий там был очень разнообразный: стекло гранатовое, рубиновое, хрустальное, бриллиантовое. В Уручье возле Слуцка основала шлифовальную мануфактуру, которая изготавливала зеркала английские и шлифованные, украшенные богатым и своеобразным орнаментом. В самом Слуцке — суконную фабрику, в Яновичах (Ошмянский уезд) — мастерскую по обработке драгоценных камней, из которых изготавливали рукоятки для сабель, украшения для ваз, бильярдных киев, табакерок. Для шлифовки камней при мастерской была построена специальная водяная мельница.

Поместье Белая на Белосточчине, которое княгиня любила больше всего, было превращено в настоящий промышленный городок. Там действовали мастерские по изготовлению фарфора, сукон наилучших сортов, ювелирных украшений, зонтиков, изразцов, покрытой лаком мебели в китайском стиле. Причем Анна Катажина заботилась не только об увеличении своих богатств, но и о повышении уровня жизни работников. Она строила для них за свой счет жилье, открыла больницу и приют для сирот. Для работы в этих заведениях пригласила из Франции монахинь-цариток. Нанимала для работы у себя высококвалифицированных мастеров из стран Европы. Для своей семьи построила новый дворец в стиле рококо, начинавшем тогда входить в моду. Аналогичные дворцы появились и в ее поместьях Рокошь и Славятин.

И вообще, Анна Катажина стремилась придать резиденции в Белой ранг "второго Несвижа" (этот город еще до нее прославился как

крупнейший культурный центр страны). Для этого она собрала группу художников и декораторов, которые занимались отделкой интерьеров дворца, работали над галереей семейных портретов Радзивиллов и их родственников, изготавливали образцы для мануфактур. Много сил и средств Анна Катажина потратила на пополнение своей библиотеки и архива. Занималась она и меценатством. На ее деньги были воздвигнуты костелы в Негневичах, Налибоках, Гайне, Пищанце, Славятичах и Делятичах, восстановлен сильно пострадавший от пожара костел в Белой. Княгиня также оказывала материальную поддержку несвижским иезуитам и францисканцам-реформаторам в Белой.

Удачная предпринимательская деятельность сделала Анну Катажину очень богатой и независимой, а дела благотворительности и милосердия — уважаемой и влиятельной. Однако, как это ни удивительно, счастливой она себя по-прежнему не чувствовала.

Ее очень беспокоило будущее сына Михала Казимира. Имя, положение и богатство способствовали блестящей государственной карьере. А вот с личной жизнью у него были серьезные проблемы. Мать попробовала посватать для него дочь гетмана коронного панну Марию Сенявскую, которая до этого была невестой его старшего брата Миколая Криштофа, умершего от солнечного удара. Отец отнесся вполне благосклонно к предложению Анны Катажины обвенчать дочь с младшим братом погибшего жениха, и молодых людей даже обручили. Однако мать девушки выступила против этого брака и смогла повлиять на дочь. Когда внезапно руки Марии попросил мечник коронный Станислав Денгоф, ему ответили согласием.

Впрочем, Михала Казимира это не очень огорчило. Он влюбился в польскую королевну Шарлотту, свою кузину, дочь Якуба Собесского, и добивался ее руки. Родственники молодых людей неоднократно пытались устроить этот брак. Однако сама Шарлотта была равнодушна к влюбленному юноше, и это доставляло ему немало страданий.

Значительно лучше были дела у дочерей Анны Катажины. Еще в 1720 году удалось выдать замуж старую деву Катажину за брянского старосту Браницкого. В ноябре 1724 года руки Текли попросил саксонский фельдмаршал Якоб Флеминг. Правда, Констанция продолжала по-прежнему прятаться от своего мужа под родительским кровом. Но к этому уже привыкли.

В первые дни 1725 года Анна Катажина узнала от Михала Казимира, что он познакомился с княгиней Анной Огинской (в девичестве Вишневецкой) и та "через доброе к нему отношение" предложила ему посвататься к ее двоюродной сестре Франтишке Урсуле Вишневецкой. Михал Казимир сообщил матери, что намеревается встретиться с

Франтишкой Урсулой и, если она ему понравится, добиваться ее руки. Известие это почему-то очень огорчило Анну Катажину. Возможно, она продолжала надеяться, что сможет все же устроить брак сына с королевной. Да еще она знала и то, что Вишневецкая была обручена с подчашим коронным Ржевуским. Поэтому предпринимала все возможное, чтобы Михал Казимир не встретился с невестой. Притворялась больной, чтобы сын не успел к назначенному для встречи с девушкой дню, уговорила его ехать с нею в Варшаву.

Однако все было напрасно. Михал Казимир встретился с княжной Вишневецкой и сразу же понял, что это его судьба. Узнав, что сын решил жениться на Франтишке Урсуле, Анна Катажина устроила грандиозный скандал. Вспоминая об этих событиях, Михал Казимир отметил в своем дневнике: "Сколько жил, не слышал таких экспрессий холеры, что услышал". Этот семейный скандал чуть не окончился трагически — с Михалом Казимиром случился апоплексический удар. Его пришлось уложить в постель и пустить кровь.

Встревоженная таким состоянием сына и увидев, как глубоки его чувства к избраннице, Анна Катажина была вынуждена дать согласие на брак.

Свадебные торжества проходили 22 апреля 1725 года. в Белой Кринице, одном из имений невесты. Оттуда Анна Катажина вместе с молодожёнами отправилась в Олыку. Затем свадебное гулянье продолжилось в Белой. Старая княгиня осталась в своей резиденции, а сын с молодой женой поехал в Несвиж, которым владел по праву старшего мужчины несвижской линии Радзивиллов. В июне этого же года Анна Катажина вместе с сыном ездила в Налибоки. Там она показала ему недавно заложенные стекольный завод и мастерскую по обработке драгоценных и полудрагоценных камней. Постепенно мать вводила теперь уже окончательно повзрослевшего сына в курс дел, делилась опытом, передавала управление в его руки. Теперь они занимались предпринимательством вместе.

В работах некоторых исследователей утверждается, что княгиня-мать сохраняла натянутые отношения с нежеланной невесткой. Но судя по записям, которые регулярно делал в своем дневнике Михал Казимир, Анна Катажина окончательно смирилась с его выбором и даже стала симпатизировать Франтишке Урсуле, когда увидела, с какой нежностью и преданностью та относится к ее сыну. И очень жалела невестку, которой Бог уготовил такую же трудную судьбу, как и ей: часто рожать й хоронить своих детей. Впрочем, в отличие от Анны Катажины, Франтишка Урсула была любимой женой и поэтому никогда не чувствовала себя одинокой в горе. И радостей у Михала

Казимира и его жены благодаря тому, что они любили друг друга, было гораздо больше, чем у Анны Катажины с ее мужем.

С младшим сыном, Геронимом Флорианом, матери было гораздо сложнее и тревожнее. Считая, что лучшим воспитанием для молодого человека является строгость, она и держала его в строгости. Однако это привело только к тому, что в характере сына начали развиваться такие черты, как неоправданная жестокость и высокомерие. Именно этими качествами он и "прославился" позднее, когда расправлялся с крестьянами-повстанцами Василия Ващилы. Несчастных по его приказу сажали на кол, четвертовали, сжигали заживо, зашивали в шкуры зверей и натравливали на них собак. И в личной жизни Героним Флориан показал себя не с лучшей стороны. Все три его жены: Тереза Сапега, Магдалена Чапская и Аделя Мытельская страдали от его злобного нрава и жестокости. Он запирал их, не разрешая ни друзьям, ни родственникам их посещать, всячески унижал и даже избивал. Неудивительно, что первую жену бесноватого Геронима Флориана силой отбивал у него отец, вторая, улучив минуту, убежала от "любящего супруга" в чем была, а честь и достоинство третьей защищал через суд ее родной брат. Все три женщины добились развода.

Анне Катажине довелось пережить еще одного своего ребенка. В 1730 году умерла старшая дочь, Катажина. Сама же княгиня скончалась в 1746 году. Согласно завещанию ее положили среди одиннадцати маленьких гробиков рано умерших детей, "чтобы они не боялись холода и темноты", и в непосредственной близости от почившего мужа и погибшего старшего сына. Единственное, о чем сожалела перед смертью своей мать — это то, что несчастная ее дочь, Катажина, осталась лежать вдалеке от нее, на кладбище в имении Браницких.

Биографы неоднократно удивлялись: как много полезного для экономики государства успела сделать за свою жизнь эта женщина. Деятельность Анны Катажины выходила далеко за рамки исключительно личной выгоды, и предприятия, основанные ею, делали Речь Посполитую более сильной и экономически независимой. Благоустройство ею своих городов и местечек способствовало их процветанию и безбедной жизни жителей, а открытые богоугодные заведения были ярким примером заботы о ближнем для соотечественников, огрубевших за годы войны, ставших агрессивнее и подозрительнее друг к другу в результате того, что судьбою дано им было родиться и жить в век лицемерия и предательства, склок и неуемной жажды наживы, — в век интриг и авантюр.

Княгиня Радзивилл прославилась тем, что дерзко бралась за дела необычайные и трудные даже для мужчин ее сословия. Бралась и

добивалась во всех своих начинаниях огромных успехов. Не случайно историки связывают начало предпринимательства в стране именно с ее именем. Анна Катажина, пожалуй, первая в Речи Посполитой взялась за новое дело — развитие промышленности. Результат был впечатляющим — большинство созданных ею предприятий продолжали работать и после ее смерти. А некоторые послужили основой для тех, которые действуют и в наше время. И это — веский повод для восхищения ее личностью прагматиками.

Но авторы этой книги — романтики, и их гораздо больше волнует образ иной княгини Радзивилл — помеченный печатью рока, окутанный туманной дымкой преданий, бесконечно женственный образ скорбящей матери, душа которой по ночам, стряхнув с себя все дневные хлопоты, рвется, подобно грустной сумеречной птице, туда, где покоятся отобранные у нее смертью дети. И мы, задумываясь над тем, с каким достоинством несла Анна Катажина всю жизнь на своих плечах груз величайшей из бед, выпадающих на человеческую долю, какой несгибаемой твердостью духа обладала эта мать, невольно начинаем молить небеса о высшей справедливости для прекрасной души.

Высшая справедливость, которой удостаивается человек в том, лучшем из миров... Не зная точно, какова она, каждый представляет ее по-своему. Нам же видится она как исполнение самых сокровенных и чистых земных желаний. И являются в эти минуты чудесные видения: Михал Казимир в ореоле славы, принимающий атрибут высшей воинской власти своей державы — булаву гетмана великого литовского; доживший до глубокой старости Ежи Юзеф за работой над "Трактатом о стихосложении на польском языке и языке литвинов", Кароль Станислав, ведущий к алтарю свою единственную возлюбленную, на голове которой венчальный убор, а не монашеский клобук. И видится нам княгиня Анна Катажина, молодая, веселая, в ярком, праздничном одеянии. Она сидит среди цветущего сада в окружении румяных и улыбчивых — всех своих детей. Мать обнимает, целует их, счастливо смеется, плетет для них венки. И пестрые бабочки садятся на ее плечи и черные, без единой сединки волосы...

Разве в мире добра и справедливости, неведомом потустороннем царстве Всевышнего может быть иначе?

Использованная литература

Арлоў У. Таямніцы полацкай гісторыі. Мн., 1994. Багадзяж М. Вяльможныя тэатралы // Беларусь. 1997. № 9. Багадзяж М. Мяцежны гетман //Звязда. 1993. 23 студз. Багадзяж М. Нясвіжская Мельпамена // Масляніцына І., Багадзяж М. Слава і няслаўе. Мн., 1995.

Багадзяж М. Узыходжанне // Масляніцына І., Багадзяж М. Слава і няслаўе. Мн., 1995.

Бандышъ-Каменский Д.Н. Исторія Малой Россій отъ водворенія Славян въ сей стране до уничтоженія Гетманства. С-Пб., Кіевь — Харьков, 1903.

Валишевский К. Марысенька, королева Польши. М., 1989. Велика історія Украіни від найдавніших часів: У двох томах; Під ред. М. Голубця. — Кйів, 1993. Т. 2.

Габрусь Т. Навошта каню крылы, альбо Ушанаванне Багуслава Радзівіла // Спадчына. 1993. № 1.

Гісторыя Беларусі ў двух частках; Пад рэд. Я.К. Новіка і Г.С. Марцуля. — Мн, 1998. Ч. 1.

Грицкевич А. П. Древний город на Случи. Мн., 1985. Грыцкевіч А. Станіслаў Ляшчынскі (1677-1766), кароль польскі і Вялікі князь Літоўскі ў 1704-1709 і ў 1733-1736 гг. // Культура. 1994. 1 чэрв.

Грыцкевіч А. Ян Сабескі (1629-1696), кароль польскі і Вялікі князь Літоўскі ад 1674 г.//Культура. 1994. 23 сакав.

Грыцкевіч А.П., Камінскі М.І. Радзівілы // Беларуская Савецкая энцыклапедыя. Мн., 1973. Т. 9.

Грушевскій М. Іллюстрйрованная йсторія Украины. С-Пб., 1913.

Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. Мн., 1994.

Дыярыюш Князя Міхала Казіміра Радзівіла, ваяводы Віленскага, Гетмана Вялікага Вялікага княства Літоўскага // Спадчына. 1994. №№ 4-5,1995. №№> 1-3.

Ермаловіч М. Беларуская дзяржава. Вялікае княства Літоўскае. Мн., 2000.

Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Л., 1981.

Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история. Популярный очерк. IX — середина XVIII. М., 1992.

Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мн., 1992.

История Белорусской ССР в двух томах; Под ред. Абецедарского Л. С. — Мн., 1961.

История БССР, в двух частях; Под ред. Чепко В. В. — Мн., 1981. Ч. 1.

Каргалов В.В. Полководцы XVII в. М., 1990.

Карповіч Т.К. Другое нараджэнне партрэтаў з Нясвіжа і Гродна. Мн., 1981.

Кониский Г. Йсторія русовъ или Малой Россій. М., 1846.

Крйп'якевіч П. Історія Укра'інй. Львів, 1993.

Магілёўская хроніка Трафіма Сурты і Юрыя Трубніцкага // Беларускія летапісы і хронікі. Мн., 1997.

Мальдзіс А. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII ст. Нарысы быту і звычаяў. Мн., 1982.

Марцінкевіч А. Ля Каменкі бруістай. Мн., 1992.

Масленицына И., Богодзяж Н. Радзивиллы — несвижские короли. Мн., 1997.

Масляніцына І., Багадзяж М. Магнатка-прадпрымальніца // Беларусь. 1996. №11.

Масляніцына І. Гаспадыні-спадарыні // Культура. 1995. 30 жніўня — 5 верасня.

Масляніцына І. Нейбургская пфальцграфіня // Масляніцына І., Багадзяж М. Слава і няслаўе. Мн., 1995.

Найдзюк Я., Кісяк І. Беларусь учора і сяньня. Мн., 1993.

Нарбут А.Н. Генеалогия Белоруссии (XVI-XVIII вв.) М., 1994. Вып. 2.

Нарысы гісторыі Беларусі ў 2-х частках; Пад рэд. Касдюка М.П.іінш, — Мн„ 1994. Ч. 1.

Насевіч В. Л. Генеалагічныя табліцы старадаўніх княжацкіх і магнацкіх беларускіх родаў 12—18 стст. Мн., 1993.

Полонська-Васйленко Н. Історія України. Від середини XVII ст. до 1923 р. Київ, 1995. Т. 2.

Родчанка Р. Слуцкая Старасветчына (факты і разважанні). Мн., 1991.

Сагановіч Г. Невядомая вайна. 1654—1667. Мн., 1995.

Сачанка Б. Здраднік // Сачанка Б. Трэцяе вока. Мн., 1992.

Семевскій М.И. Царица Катерина Алексьевна, Анна и Виллим Монсъ. 1692—1724. С-Пб„ 1884.

Семенов П. П. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, экономическом и бытовом значении. Литовское и белорусское Полесье. Мн., 1993.

Сенкевич Г. Потоп. Роман / Пер. с пол. — М., 1987. Т 1,2.

Серно-Соловьевичъ Ф. Древнерусский городъ Слуцкъ и его святыні. Вильно, 1886.

Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.

Соротокина Н. История России. Женский взгляд. М., 1999.

Стельпуховский Б.С. Северная война. М., 1946.

Сыракомля У. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах // Сыракомля У. Добрыя весці. Паэзія, проза, крытыка. Мн., 1993.

Тарасаў К. Памяць пра легенды. Постаці беларускай мінуўшчыны. Мн., 1990.

Ткачев М.А. Замки Белоруссии. Мн., 1987.

Хеннель-Бернасікава В., Півоцка М. Мастацкія тканіны з XVIII і XIX стст. Мн. — Кракаў, 1990.

Чаропка В. Уладары Вялікага княства. Мн., 1996.

Шишигина К. Я. Музы Несвижа. Мн., 1986.

Bartoszewicz K. Radziwiłłowie. Warszawa—Kraków, 1928.

Ciechanowiecki A.S. Nieśwież mędzynarodowy ośrodek kultury na Białorusi. Warszawa, 1994.

Crankshow S. The Habsburgs. Wiedenfeld, 1971.
CzermakW.MariaKazimieraSobieska. Warszawa, 1972.
Czermak W. Ostatnie lata Jana Kazimierza. Warszawa, 1972.
Jaroszuk J. Radziwiłł Michał Kazimierz // Polski Słownik Biograficzny. Wroclaw—Warszawa—Kraków—Gdańsk-Łódż, 1987Д30/2.
Jaroszuk J. Radziwiłłowa z Sobieskich Katarzyna // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1987,130/3.
Karkucińska W. Radziwiłłowa Anna z Sanguszek // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź,] 987,130/3.
Kersten A. Maria Kazimiera // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1974,119.
Komaszyńskv M. Maria Kazimiera D'Arguien Sobieska królowa Polski 1641 — 1716. Kraków, 1983.
Kotlubaj E. Życie Janusza Radziwiłła. Wilna—Witebsk, 1854.
Mackiewicz S. Dom Radziwiłłów. Warszawa, 1990.
Matwijowski K Pierwsze sejmy z czasów Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1976.
Missellanea historico-archivistika, 13. Radziwiłłowie XVI—XVIII wiecu: w cregupolityki i kultury. Warszawa—Łódź, 1989.
Nowakowski T. Die Radziwills: Die Geschichte einer großen europeischen Familie—München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1975.
Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, 1990.
Piwarski K. Eleonora Maria Jozefa // Polski Słownik Biograficzny, Kraków, 1946,16.
Przyboś A. Michał Korybut Wiśniowecki. 1640—1673. Kraków, 1984.
Rachuba A. Radziwiłł Jerzy Józef // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, 1987, t30/2.
Rachuba A. Radziwiłł Karol Stanislaw // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, 1987, t30/2.
Radziwiłł B. Autobiografia. Warszawa, 1979.
Rudzki E. Polskie królowy. Żony królów elekcyjnych. Warszawa, 1990,t2.
Sajkowski A. Od Sierotki do Rybeńki. Poznań, 1965.
Sajkowski A. Staropolskamiłość. Poznań, 1981.
Satała Z. Poczet Polskich królowych, księżnych i metres. Szszecin, 1990.
Sobieski J. Listy do Marysieńki. Warszawa, 1970.
Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudska i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846,11.
Taurogiński B. ZdzieiówNieświeża. Warszawa, 1937.
Wasilewski T. Kopciowa Lukrecja Maria. Polski Słownik Biograficzny, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1968, t XIII.
Wasilewski T. Ludwika Karolina z Radziwiłłów. — Polski Słownik Biograficzny, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1973,118.
Wasilewski T. Radziwiłł Bogusław // Polski Słownik Biograficzny, Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź,1987,130/1.
Wasilewski T. Radziwiłłowa z Wołłowieczów Tekla Anna // Polski Słownik Biograficzny, Wrocław—Warszawa—Kraków — Gdańsk — Lódż,l 987,130/3.

Wasilewski T. Radziwiłł Janusz // Polski Słownik Biograficzny, Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, 1987,130/3.

Wierżbicka — Michalska K. Radziwiłłowa z Wiśnioweckich Franciszka Urszula // Polski Słownik Biograficzny, Wrocław—Warszawa — Kraków—Gdańsk—Łódź, 1987,130/3.

Wolff J. Pacowie. Warszawa, 1885.

Миниатюры «Вторая дама королевства», «Муж для настоящей принцессы» и глава «От авторов» написаны Ириной Масленицыной.

Миниатюры «Меж двух берегов», и «Ловушка для князя» написаны Николаем Богодзяжем.

Совместно авторами написана миниатюра «Душа Анны Катажины».

Содержание

Исторические личности глазами современников

Меж двух берегов

Вторая дама королевства

Муж для настоящей принцессы

Ловушка для князя

Душа Анны Катажины

Использованная литература

Литературно-художественное издание
МАСЛЕНИЦЫНА Ирина Александровна,
БОГОДЗЯЖ Николай Константинович

РАДЗИВИЛЛЫ В ЭПОХУ ИНТРИГ И АВАНТЮР

Редакторы Ю. Я. Буравкина, О. М. Павлюченко
Художественное оформление О. И. Голуб
Компьютерная верстка, набор Ю. В. Шабан
Корректор Е. В. Норина
Подписано в печать с диапозитивов 21.04.2003. Формат 70x100'/32. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 8. Тираж 5000 экз. Заказ № 2097.
Издательство "Триоль". 220009, г. Минск, ул. Стахановская, 23. Лицензия ЛВ № 388 от 20.05.99.
Отпечатано на УП "Минская фабрика цветной печати", 220024, Минск, ул. Корженевского, д.20.